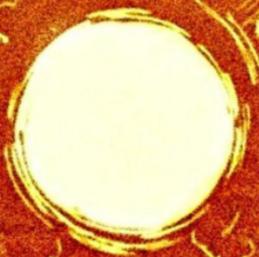

КОНСТАНТИН ГУЛЯЕВ

ПЕСЧАНОЕ
НЕБО

Константин Юрьевич Гуляев

Песчаное небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69172486

SelfPub; 2023

Аннотация

Штатный полет к аварийному маяку, затерянному в недрах космоса, приводит героев на планету со слишком большим тяготением.

Содержание

1. Маяк	5
2. Полет	24
3. На подлете	45
4. Высадка	65
5. Тоннель	86
6. Приглашение	110
7. Жертвы	131
8. Возвращение	155
9. Совет	171
10. Усилитель	190

Константин Гуляев

Песчаное небо

Разверзлись бездны звездных галактей

И только богу не хватило места

М. Волошин

1. Маяк

Тугие, узловатые ветви почти не шевелились от поступи лаугха. И даже листья не вздрагивали ни от шагов, ни от ветра – мягкие дуновения струились, беспрепятственно обтекая заросли айваха со всех сторон свистящим шепотом. Ветер – это хорошо, прохлада сейчас не помешает. Фарч, обводя напряженным взглядом ближайшие развилки дерева, отстегнул флягу и сделал пару глотков. Стряхнул один «бульк» на ладонь, протер лицо и шею. Кожа мгновенно похолодела, и лаугх еле удержался, чтоб не заурчать от удовольствия. Урчать будем после.

За минувшие тысячелетия недвижимый айвах разросся эдакой бескрайней метавселенной, подобно многим другим деревьям Каоха. Фарч поднялся километра на полтора от его корней, но едва добрался до половины гиганта – тут он решил чуть передохнуть, заодно и промочить горло. Айвах, кстати говоря, совершенно не казался ему гигантским – это восторженный Крис нарек его таковым, тут же начав разглагольствовать о широко используемых схожих образах в произведениях древних землян. И мерам длины научил его тоже землянин, лаугхам они были ни к чему.

Фарч медленно поднял глаза вверх, вглядываясь в ветвистые извивы, после чего задержал взгляд на некоторых по-

дозрительных сучьях. С виду ветви казались обычными ветвями, но это еще ничего не значило. В одной он едва не просверлил взглядом дырку – оч-чень подозрительная веточка... Охотник медленно отстегнул и снял с пояса средний кнут, встряхнул. Размотавшийся хвост бессильно повис на рукояти гораздо ниже ног лаугха. Фарч мысленно извинился перед Айхом, затем развернул кисть – чтоб удар был еще и громким – плавно вильнул и резко дернул рукой.

Громкий хлопок перепугал птиц и прочую прыгающе-снующую живность. Истошно вереща и чирикая на все лады, живность прыснула врассыпную гораздо дальше, чем Фарч смог бы дотянуться длинным хлыстом, но он сюда забрался не охотиться. Вернее, охотиться, но не за этой шушерой.

Ветка оказалась веткой. Вырванный клочок коры полетел вниз. Вот Пекло... Скрутив кнут, Фарч снова повесил его на пояс, и полез выше, уже не боясь обнаружить свою смертоносную цель в ближайших ветвях. Слишком много суетливой мелочи вокруг, искомого херха поблизости явно нет. На следующей развилке повторим.

Крис обозвал херха помесью хамелеона, анаконды, палочника и землемерки. Фарч просмотрел в сети видео с этими существами и согласился, но не до конца. Хамелеон менял только цвет, всегда оставаясь пупырчатым. Анаконда не умела застывать в полной неподвижности, разве что разлегшись на чем-либо. А остальные демонстрировали лишь примитивную природную мимикрию, – так ее широко используют

жители любых миров, без исключения. На Каохе же всякая тварь без маскировки и прочих хитростей выживания просто не мыслила жизни. Странно еще, что кожу самого Фарча покрывает шерсть, а не кора. Хоть издалека и не отличишь, надо признать. Мимикрии того же херха позавидовал бы любой организм вне планеты.

В ухе еле слышно пискнул вызов. Скривившись, Фарч взглянул на запястье. Крис. Терпение абсолютно не практиковалось землянином, с этим давно пришлось смириться. Надо было отключить интерком, ну сколько можно?! Он ведь уже звонил вчера!

– Капитан. Не нашел. Всегда отвлекаешь.

– Вы с кем там разговариваете? – раздался в ухе веселый голос навигатора Криса. – С херхом своим? Или с Айхом? Так я звоню не по этому поводу. Эка важность, что вы сутки не выходите на связь, может вас и сожрали там – зачем вахтенному об этом знать... У меня срочная новость, но если вам сейчас некогда, то я терпеливо могу подождать и до вашего возвращения...

– Говори, – нахмурился лаугх. Юмор – такое же зло, как и нетерпение – тоже пропитал мозг землянина насквозь, оставив его, в сущности, все тем же зеленым выпускником, так что не будем

обращать на это внимания. Вездесущие курсанты – бич лиги, но что тут поделаешь: традиция. В Пекло недостатки экипажа, что там еще за новость...

– Мы получили сигнал бедствия.

– Раса?

– Пока не вникал, решил сначала известить вас. Стандартный маяк торчит в открытом космосе, недалеко от неисследованной планеты, и по счетчику сигналил уже месяца два. Какие будут распоряжения?

Два месяца?! Что за бардак?.. Но эмоции на голосе не отразились:

– Общий сбор. Через восемь часов. Ищи расу.

Если маяк посылал сигнал несколько месяцев, он наверняка может подождать и еще час-другой. Но вызов вахтенного продиктован не только нетерпением: звонит по делу – уже хоть какой-то прогресс, надо его поощрить... Впрочем, нет, не надо – нетерпение у человека в крови, а лишняя похвала вызовет еще и нескромность.

Дав отбой, Фарч кисло обвел взглядом тенистые просторы родового древа. Где-то у других стволов айваха скрывались незримые сородичи, собравшиеся сегодня вместе впервые за годы разлуки. Появление херха на родовом древе сродни стихийному бедствию. Отпочкуется вскоре у него молодняк, и роду придется покинуть свой айвах – а это уже сродни смерти. Да и Айх, дух древа, может проклясть род за преступное бездействие, с него станется...

Выше и значительно правее раздался выстрел кнута. То же, похоже, мимо... жаль. Херх не единственная тварь, поганящая лаугхам жизнь, но зато самая хитрая и подлая. Сна-

чала будут пропадать дети, легкомысленно снующие по всему айваху, потом женщины... Незримая смерть, вселяющая ужас. Страшно сделать шаг, не говоря о прыжке, когда любая соседняя ветвь может ожить и обвить горло – стремительно и всегда внезапно. Только бы он был один... детеныши у него маленькие, тех и вовек не найти.

До следующей развилки лаугх пробирался минут двадцать, исследуя каждую пядь коры. Левее почудилось какое-то движение. Фарч сорвал с пояса средний кнут и застыл, впившись в ветви дичайшим взглядом. Рукоять бича подрагивала в мгновенно вспотевшей руке. Вряд ли херх велик, так что взрослого мужчину он атаковать не станет, но чем Пекло не шутит. Шли мгновения, затем поползли минуты. Соревноваться в терпении с древесным хищником смеху подобно, Фарч просто выбирал подходящую по толщине ветвь. Жалко, что листья на айвахе хоть и большие, но редкие: у херха листьев нет, хоть какие-то ветви можно было исключить, но сложность в другом. Тварь могла быть толщиной с ногу, а могла и в половину тоньше руки. Ждать движения бессмысленно, Пеклово отродье может не шевелиться часами, нужно бить. Вон та.

Бич просвистел шепотом, хлопок сейчас ни к чему. Мимо. В смысле, попал, но опять по ветке. Новый клочок коры мелькнул в воздухе, и тут древо ожило. Стремительный бросок ответвления толщиной с две головы едва не сшиб Фарча вниз. Хорошо, что этого броска, пусть и запоздалого, он ожидал.

Тело знало, что делать и отреагировало само: метнулось к одному из толстых стволов, выбранных заранее – приникло, вжалось в родную кору. И на сей раз громкий свист самого Фарча снова согнал мелкую живность с дальних ветвей. Пролетевший рядом и ухнувший вниз херх уже не двигался, затаившись где-то чуть ниже и, похоже, по пути сослепу сожрав летящую кору. На нее и позарился? Повезло, нужно будет надоумить родню не кнутом ветки портить, а кидать хищнику обманки... Но где он теперь? Падал херх практически бесшумно – скорее, перетекая с ветви на ветвь – но вряд ли пролетел далеко. А то, что Фарч запомнил его толщину и рельеф шкуры еще ничего не значило – их тварь меняла, как хотела, в зависимости от вида соседних ветвей.

Со всех концов дерева на свист спешили сородичи, охота подходила к достойному финалу. Достав баллончик с краской – подарок землянина (и полезный подарок!) – Фарч обильно попрыскал нижние ветви, широко направляя синюю струю как можно дальше. Дерево не шевелилось. Ну и ладно, херх уже не скроется. Нужно только еще раз согнать его с окрашенных ветвей. Фарч достал средний кнут и, по неискоренимой привычке уже в который раз повинившись перед Айхом, принялся охаживать ближайšie ветви – подряд, так и не отлипая от спасительного ствола. Кусать херх не умел, только душить. Со стволом душить сложнее, да и нож достать не проблема, все движения отработаны с детства. Долго сгонять не пришлось – вторая же ветка брызнула не корой,

а кровью – вернее тем, что таким полурастительным тварям кровь заменяет – и, обмякнув, полетела вниз. Застыл чуть ниже, инстинктивно – но уже чуть вздрагивая всем телом. М-да, херх с дырой в брюхе – уже не херх.

Вскоре сородичи приблизились. Передвигаться по ветвям они умели очень быстро – почти с такой же скоростью, как и подышающая внизу тварь. Все собрались? Все.

– Вон, – указал кнутом Фарч, – с краской. Убейте. И проверяйте дальше. Кидайте кору, они ее атакуют. Поступил вызов, ухожу. Жаль – не посидели.

– Посидим, – улыбнулись ему в ответ.

Посидим...

Только непонятно, когда.

* * *

Посмеиваясь про себя, я дал отбой. Капитан-то у нас нормальный, правильный. Но общаться с ним, а уж тем более шутить – врагу не пожелаешь. Ну, может, это и к лучшему.

Стало быть, определить расу потерпевшего. Этим я и без Фарча собирался заняться – для таких ситуаций существовал устав, и там подробно перечислялся порядок действий при обнаружении, например, таких маяков, каковой я и запеленговал десять минут назад – для спасения каждой расы требовались свои примочки... Что-что, а устав я помнил почти наизусть. Пока еще помнил...

Стоп, раса подождет – объявлен общий сбор, и сначала нужно собрать экипаж. На орбите я скучал в гордом одиночестве, а ребята пока развлекались внизу, на Каохе. Змеюку свою капитан пошел ловить сам, это у них семейная традиция такая, – а братва, надо полагать, гудела в баре космопорта или щекотала себе нервишки на местных аттракционах для самоубийц. Любой здравомыслящий человек – или что-то на него похожее – к этим аттракционам не подойдет и на выстрел. Мне, например, хватает и того, что находятся они на высоте метров эдак двухсот от земли, а страховок местные чудики не приемлют.

Я отправил «сигнал сбора» каждому члену экипажа. На вызов ответили все, кроме замарашки Гасса – нашего биолога. Ну понятно. Разглядел местную живность и снова выпал из реальности. Ох, будет ему на орехи, если опоздает. Отослав Гассу постоянный вызов, я наконец занялся маяком.

Маяк, разумеется, имел код, и уж точно не земной. С ним пришлось повозиться – с техникой чужих я давно свыкся, но коды идентификации расшифровывал нечасто. Первая новость обнадежила – маяк живой. Ну ладно – полуживой. С биотехникой работали всего две расы: кверки и лаугхи. Они активно использовали жизнь в своих технических устройствах: наш лаугхский корабль, например, напичкан растительными волокнами сверх всякой меры – посади его в лужу, так он и корни пустит...

Вторая новость заставила меня задуматься, – маяк и прав-

да лаугхский. О пропавших кораблях своего народа капитан не распространялся, но это не значит, что эксцессов не было. Есть, правда, вероятность, что потерпевшие – инорасцы, просто купили у лаугхов их технику. Если собственная сложалась... ну, или завяла. Да хоть те же земляне могли купить, почему нет? Ладно, неважно. Скорее всего, потерпевшие – лаугхи, пляшем от этого. Теперь третье: что еще за неисследованная планета, и какой олух выкинул маяк в открытый космос, не долетев до системы всего ничего?

Пробив координаты, я вывел над пультом модель нужной звездной системы и присвистнул: первая же по счету планета была такой огромной, что любые известные обитаемые планеты и землян, и чужих не шли с ней ни в какое сравнение. Размерами она напоминала наш Уран, и торчала себе там довольно одиноко. Газовый гигант? Нет. Вернее, гигант, но не газовый... Теоретически там могла зародиться жизнь, но фактически... подтверждающих данных я не нашел. Тоже неудивительно: какой дурак полезет исследовать эдакую машину с ее силой притяжения? Хотя, еще оставались ее спутники – вот их следовало проверить наверняка.

Остальные планеты системы находились так далеко от светила, что вряд ли заинтересовали кого бы то ни было в плане высадки. Мы, разумеется, проверим и их, но пока следует более интенсивно прошерстить каталоги насчет гиганта, авось что и найдем. А еще я собирался совместить приятное с полезным: перекусить между делом.

Я прошел на кухню, достал нехитрую снедь из разных отсеков и парников, сварганил кофейку и приступил к законному рабочему перекусу. На запястье пискнул зуммер – ага, замарашка объявился, одной проблемой меньше. Я сбросил включенный ранее непрекращающийся вызов и снова занялся едой. Моя личная земная миниоранжерея исправно снабжала меня витаминами: петрушки-сельдерюшки, хоть и в несколько мутированном виде, радовали взор и не давали окончательно одичать на эдаком летучем баобабе. Да еще и почти живом, черт возьми. Хотя лаугхи наши считали живым не столько сам корабль, сколько его дух. Мол, древо осквернили погаными мутациями, считай умертвили, но дух его – великий и грозный Айх – всегда с нами. А что делать – металлов на Каохе практически нет, зато айвахи растут более чем активно – ненавязчиво вспоминался Маленький принц из бабкиных сказок, который свою планетку вовремя пропалывал. Из чего им делать корабли, как не из дерева! А деревья у них, вернее, сама древесина – чудо-материал. И даст сто очков вперед всем нашим пластикам, а то и некоторым металлам. Да к ней еще Кверкские технологии по биотрансформации – сильно обрадовались, короче говоря, такому материалу и земляне и неземляне... Да, было дело.

Приступая к трапезе, я в который раз разглядывал користый интерьер и диву давался. Кверкские генетики вывели специальный сорт айваха – полый. Дессмийцам осталось только вживить в них двигатели, пропитать какой-то гадо-

стью – и вперед к звездам... древесина легкая, прочная – капитан с пилотом жили тут как у себя дома. Плоды айваха – хаммы, что-то вроде бурых тыкв – мы в основном и потребляли. Питательно, хотя их вкус до сих пор казался мне довольно специфическим. В общем, корабль наш напоминал (по сути, но не по виду) запущенный горшком вперед растущий бонсай – и рос он так, что японцы бы обзавидовались. Да, впрочем, и не только японцы – я, полукитаец-полурус, до сих пор не понимаю, как возможны межзвездные перелеты внутри полуживого полена. Название нашего полена, кстати, переводилось с каохского, как «Цветущий». Идиотское название для корабля, но я хотел бы посмотреть на того, кто посмел бы сказать об этом капитану.

Зашелестел шлюз. Чертыхнувшись, я торопливо прибрал за собой и в мгновение ока улизнул с кухни. Перекусить во время вахты – не преступление, но, по глубокой убежденности капитана, вахтенный обязан неотлучно торчать за центральным пультом, бдительно отслеживая малейшие изменения пространства. То, что эти возможные изменения были выведены мной на звуковую индикацию – никого не интересовало. Появление в пределах видимости собственного бота корабль проигнорировал, и я мог предстать перед капитаном не в лучшем свете. К счастью, пока шла санобработка прибывшего – к нему легко мог прилепиться да хоть тот же невидимый мелкий херх – я успел занять свое рабочее место и снова вывести на голопроекционные экраны все, что каса-

лось исследуемой планеты.

Шлюз открылся, и отсек заполнился галдящим народом. Экипаж, до боли родной и обожаемый – я втянул голову в плечи. Восторг прибывших от созерцания исправно работающего вахтенного мог вылиться в излишние проявления любви, что и произошло. Первой ко мне приблизилась Цейса, наш кибернетик – она очень любила обниматься: одно щупальце обвило мою шею, слегка придушив, а второе поползло по щеке – ох, что-то она сегодня излишне игрива, не к добру. Головоног бронзового цвета, родом с Карванга, сама являла собой издевательство над живой материей и матушкой природой, пусть и инопланетной. Но все же она была просто душка.

– Данная юная особь проявляет трансцендентную, эпатирующую скрупулезность... – проворковала она, продолжая меня плотоядно обмусоливать. – Следует проинформировать капитана о чрезмерной и явно меркантильной амбициозности его подчиненного...

Вот умеет она изъясняться так, что мозг кипит! И зачем, спрашивается? Умеет ведь и по-простому, так нет, все ей надо с поднавывертом...

Меж тем еще пара щупалец поползли по моему телу, дружески стискивая и еще более затрудняя дыхание. А что делать – они так всю жизнь общаются, обнимашками... Я подозревал, что от поцелуев дессмийки меня оберегал лишь ее гермошлем – ей, единственной из нас, кислород был абсо-

лютно противопоказан.

– От него пахнет хаммами, – фыркнул Грезот, выполнявший на борту функции старпома. Он приблизил ко мне свою свирепую носорожью морду и рявкнул, обнюхав более тщательно: – Опять жрал на посту?!

– Ворчун шутит! – хлопнул меня по спине пилот Плух. Он был таким же высоченным, как и все лаугхи. Но поскольку родичем капитану не приходился, на охоту тот его не взял, чем немного расстроил. А уязвленный лаугх несколько опасней обычного – ненароком может пришибить. Я не особо силен в антропогенезе, но каохцы как две капли воды похожи на каких-то наших далеких предков из каменной эры. Ну может, воображают чуть получше, да и то не всегда. Плух был таким же курсантом лиги, как и я, но свирепого старпома, почему-то совершенно не опасался.

Остальные члены экипажа, кверки – врач Севи и боец Абвир – прошествовали мимо, не удостоив меня и взгляда. Спасибо и на этом...

– Привет, ребята, – полузадушено просипел я, – я тоже рад вас видеть, но мне надо рабо... ххррр...

Цейса удовлетворенно ослабила хватку, оставила мое слегка приплюснутое тело в покое и направилась к себе в каюту. Я тем временем сопел, как пожарная помпа, стараясь выровнять дыхание. Все они хорошие, отзывчивые ребята – к ним просто нужно привыкнуть. Звали их всех по-разному – кого совершенно непригодно, кого и вовсе непереда-

ваемо. Например, нашего старпома звали Грезоттиварзокут-тихрохт – он когда-то давно попросил меня запомнить его полное имя и называть только так, но с тех пор мы сдружились и обходились без фамильярностей.

– Ты чем тут занимаешься? – прорычал старпом, подслеповато щурясь на голограмму.

– Мам-маяк... уф... обнаружен аварийный маяк, исс... исследую данные. Маяк расы лаугх, планета не... не колонизирована.

– Плух! – раскатисто позвал Грезот пилота. Не обращая внимания на звон в ушах, я едва не хлопнул себя по лбу – ну конечно! Лаугх мог просветить нас, откуда этот маяк появился в такой глуши. Плух из каюты не появлялся: может устал, а может у него нашлись неотложные дела после затяжной посиделки. У меня, после объятий шалунишки Цейсы, тоже возникла острая необходимость ненадолго отлучиться, но я смиренно терпел, ожидая прихода пилота.

– Где мокрица?!

А, это он про замарашку Гасса. Я объяснил, где. Посопев для порядка, старпом секунду подождал, а затем, рыкнув, направился к каюте пилота. Бедный Плух, а если он сейчас занят? Но Грезот не собирался сносить дверь с петель, он только бахнул своим кулачищем, едва не оставив вмятину на переборке.

– Мы ждем тебя, пилот!

– Да иду, иду! – послышался из-за двери раздраженный

ответный рык. Этот «бах» услышал не только Плух, народ начал потихоньку вылезать из своих кают обратно. А что, любопытство не порок. Даже кверки под конец вылезли – но, хвала богам, меня уже никто не трогал.

Снова зашелестел входной шлюз. Биолог или капитан? Какая разница... Я, воспользовавшись моментом, улизнул в свою каюту. Суета, приветствия, подначки, рывканья друг на друга – все это создавало полнейший сумбур для непосвященных в нюансы наших отношений, я же прекрасно понимал ребят. Одни и те же рожи на протяжении долгих перелетов, нередкие опасности, скука, безликая черная смерть в иллюминаторах – все накладывало свою печать неизбывной тоски на каждого члена экипажа. И каждый тоже понимал, что свое раздражение лучше заменять на что-то более приемлемое для окружающих. Я и сам изрядно пресытился ежедневной космической рутинной – вот слетаем к маяку, и попрошусь в отпуск. Земля моя затерялась в неизведанной глуши на задворках обитаемого мира – нечасто туда меня отпускали, нечасто. Вот и надеюсь слетать вскорости. Надо только выбрать момент триумфа, а это случится, например, после удачного спасения очередных потерпевших.

Проскользнув на место, я снова попытался узнать о планете побольше, все более углубляясь в классификацию файлов и анализируя информацию.

– Кверкский каталог, четвертая база, – проявилась в голове чужая мысль. – Это их планета.

Я, развернувшись, кивком поблагодарил возвышающегося за спиной биолога и начал искать нужный файл. Очень настырно, жадно множа у себя в голове нужные и ненужные данные – лишь бы не думать об отталкивающем виде нашего замарашки: гигантского колыхающегося слизня, размером в человеческий рост. Хотя, мне представлялось, Гасс давно знал о всех возможных к нему антипатиях. Что ж поделать, таким уродился. Зато коммуникационную составляющую – телепатическую связь – он отработывал в полной мере. Ей даже вакуум не препятствовал. Капитан рассказывал, что засыпало их как-то на Кригилле, когда они сунулись под землю за каким-то бедолагой – так Гасс единственный не дал им, полузасыпанным, сойти с ума – техника тогда почти у всех оказалась либо утеряна, либо разбита.

Биолог тоже мысленно кивнул и пополз к себе. Коли жизнь на исследуемой планете до сих пор не обнаружена, то ксенобиологу, делать там нечего. Память Гасса давно была притчей во языцех: надо было сразу его спросить, где искать нужную информацию. Если б у меня еще получилось мысленно докричаться со своей орбиты до поверхности Каоха...

Из своей каюты вылез пилот, злющий, как невыспавшийся горноста́й. Грезот тоже маячил у него за спиной не в радужном настроении – он ткнул одним из своих трех пальцев в экран и пихнул при этом пилота в бок:

– Как ты объяснишь появление лаугхского маяка на орбите этой крошки?

– Лаугхского?! – ужаснулся пилот, мягким толчком попросил освободить место, и углубился в поиск возможной информации. Пальцы его мелькали над инфопанелью как эпилонские осы, аж в глазах зарябило. Вот это я понимаю, родные технологии, я так еще долго не смогу.

– Не знаю... стоп. Пекло Каоха... где Фарч?!..

Все молчали. Капитан на то и капитан, что безотчетен экипажу. Впрочем, я вспомнил недавний разговор и посмотрел на запястье:

– Обещал быть минут через сорок.

Плук подскочил с кресла и опять скрылся в своей каюте. Экипаж молча ожидал продолжения. Я пока поостерегся занимать освободившееся кресло. Через какое-то время лаугх снова появился в дверях каюты, копаясь в каком-то своем полуживом гаджете. С личным священным духом, разумеется.

– Сигнал зарегистрировал? – спросил он меня; я кивнул. Плук помрачнел и неспешно произнес:

– Маяк клана Хамоэ. – И, увидев, что нам это ничего не говорит, пояснил: – Кровники Фархов. Капитанского клана. Фарчу крышка. Вам запрещено помогать.

Мы все ошарашенно переваривали информацию, а особенно я. То есть, с Фарчем на Каохе соседствуют какие-то кровники, и это их маяк болтается в пространстве? Они все умерли? Или, что вероятней, именно их надо спасать? Кровников? И как это теперь разрулить? Сигнал маяка был

мною зарегистрирован и ушел в центр – ничего не попишешь: устав. А зарегистрировать маяк, но на поиски не отправиться, либо наоборот: слетать, а там ненароком добить бедолаг-кровников – так это вообще ни в какие дюзы не лезет. Да еще нам всем – остальному экипажу – в эти каохские разборки вмешиваться нельзя ни под каким видом... Постепенно все взгляды сфокусировались на мне, и от взглядов этих по позвоночнику пополз озноб. Выходило так, что вся проблема в том, кто этот маяк обнаружил...

– Ждем капитана, – просипел Грезот, не сводя с меня злобного взгляда. – Навигатор, занять свое рабочее место и проложить курс до обнаруженной планеты... И до маяка, и до планеты! Кибернетик, протестировать корабль полностью: от калькуляторов до кормовых батарей. Биолог, все данные об этой системе и конкретно о планете; бойцу – проверить мобильное вооружение и десантную экипировку, остальные – подготовка к старту.

Под остальными подразумевались пилот и врач. Плух, вместо того чтобы занять центральный пульт, снова скрылся в своей каюте – будучи пилотом, минут сорок еще может бездельничать. Севи бесстрастно продефилировала в свою, по совместительству являющуюся стационарным медблоком. Бóльшую часть там занимал регенерирующий комплекс, и наша врач к нему давно привыкла.

Через полчаса явился Фарч, и, хищно раздувая ноздри, выслушал сначала мой доклад, а затем – старпомовский. Под

конец он заперся с пилотом, и через какое-то время оттуда послышался разговор по-свойски: посредством дикого первобытного рева, хоть и на неведомом мне языке. Лаугхский язык и языком-то назвать нельзя – он состоит из рыков, воплей, восклицаний и междометий – впрочем, перевода никому и не требовалось. Мы, не замечая громоподобных раскатов, делали каждый свое дело. Через какое-то время рев усилился в разы: дверь отъехала. В проеме показался разъяренный капитан, он направился к центральному пульту, волоча за шкурку бедолагу Плуха, который, видимо, осмелился проигнорировать приказ. Швырнув пилота на его кресло, Фарч обвел бешеным взглядом чрезвычайно занятый чем бы то ни было экипаж, и снова рывкнул что-то пилоту, непрерываемо ткнув в пульт.

– Капитан? – проникновенно произнесла Цейса, оторвавшись от тестирования электронных систем. Фарч уставился на нее, как на своего нового кровника. – Вы прекратили жизнедеятельность херха?

Она достигла своего. Клубящееся в глазах капитана Пекло стало утихать.

– Прекратили, – буркнул он, тяжело дыша. – Мы его... умертвили. Тест закончен? Старт, начать отсчет.

2. Полет

«...Глаза в глаза. Расчет, предвидение поединка – сказки для детей, это не помогает. Интуиция слаба, мозг еще слабее. Доверься инстинктам. Нужно бить так, чтоб твой противник не успел среагировать»... Отцовских советов Фарч тогда еще не понимал, и не столько слушал, сколько просто смотрел на говорящего. Движение отцовских губ привлекало его гораздо больше, чем неведомый смысл сказанного. Обучение воинской науке, вопреки традиции, началось с младых ногтей – но причину этого он поймет позже, а пока ему, едва научившемуся передвигаться по айваху как следует, подарили первый хлыст...

Капитан готовится к атаке. Уродливая морда Абвира – сплюснутая, клыкастая – мало чем отличается от посмертной маски, в плане выразительности. Ну, разве что, полным осознанием собственного превосходства. И еще в этих глазах лаугху чудится самое страшное – скука. Мол, из Фарча такой боец, что он даже не в силах заинтересовать противника. Значит, нужно сделать так, чтоб он своей апатией подавился – боец хоть и коренаст, но гораздо ниже капитана. Фарч прыгает, целя в манящее горло.

...Дед, умирающий на руках у зеленого шестилетки. Хамоэ не пользуются кнутами, они слишком тщедушны для

этого – подлость херхов пропитала их кровь, а жара иссушила врожденную лаугхскую отвагу. Предпочитают бить изда- лека, отравленными иглами тайха – через травяные трубки. Оружие трусов. Да какое там оружие – все равно, что палкой швырнуть...

Кувыркнувшись в воздухе, капитан отлетает к стене. Трет саднящую скулу, трясет головой. Он желает убить соперни- ка, а тот лишь вполсилы отмахивается – стыд жжет сильнее, нежели сочная оплеуха. Встать. Глаза в глаза. Безучастность врага доводит до бешенства – беситься не надо, он лаугх. Эмоции оставим другим расам – лаугхи, если собираются убить, делают это бесстрастно, как те же кверки. Прыжок.

...В первый же день тренировок он попробовал ударить Абвира кнутом и тут же получил полноценный нокаут – ми- нут пять провалялся в отключке. Кверк даже соизволил из- виниться: не увидел удара, рефлексы-то не обманешь – уда- рил в полную силу, едва не сломав ученику руку. «Убрали бы вы свой кнут, капитан – а то не дожить вам до вожделен- ной встречи...» – при этом он так сверкнул своими нешу- точными клыками, что Фарч кнут убрал. С кнутом ему тре- нироваться не нужно, да и у настоящего врага кнута не будет – Хамоэ горазды только плевать из укрытия, но плевки эти смертоносны...

Снова краткий полет: при приземлении он неслабо вре- зается плечом в переборку, рука враз немеет. Морщась, он растирает плечо, пробует подвигать рукой. Глухо...

– Заканчиваем на сегодня... – произносит Абвир, но по интонации не понять: вопрос это или утверждение, – что-то вы неважно выглядите, капитан.

Ни насмешки, ни сочувствия, ни участия. Констатация факта. Кверки – превосходные бойцы, но бестолковые учителя. Механические куклы, тренажеры. Капитан кивает, и ковыляет к Севи. У той уже готовы примочки, рентген, регенерационные процедуры и самые искренние проявления заботы, на которые только способны кверки.

...Он, двенадцатилетний, держал кнут в вытянутой руке. На другом конце – Хамоз, выронивший свою разрубленную трубку и лишь пучивший глаза, полные мольбы. Рукоять кнута, глубоко врезавшегося в грубую кожу шеи врага, подрагивала в руке Фарча. Молодому лаугху очень хотелось, чтоб этот Хамоз вспомнил всех тех, кого отправил к влажным берегам своими ядовитыми плевками... Если резко дернуть рукой, шея Хамоз лопнула бы, как перезревший хамм – но Фарч сладостно растягивал мгновения расплаты, до последней секунды вглядываясь в стекленеющие глаза своей первой жертвы...

Спать. Одна повязка обмотана вокруг головы, другая – туго притягивает руку к телу: какое-то треклятое смещение или что-то похожее. До утра заживет, утром регенерация – и он снова как новенький. Возможно, завтра ограничимся тренажером – а, впрочем, посмотрим.

Фарчу снится родной айвах. И его молодые побеги, пер-

вые после затяжного Сезона смерти. Прошел слух, что Хамоэ растят корабль. Нужно вырастить свой – кверки помогут... Хотя, в Пекло врагов: главное – их айвах снова расцвел, впервые за бесконечно-долгие годы засух. Айхи по ночам снова стали устраивать свои чумовые пляски, а значит – жизнь налаживается.

* * *

Я смотрел на ряды бегущих цифр и символов – вахта подходила к концу. В голове бродили совершенно посторонние мысли – обычное дело при дальних перелетах. Прежде всего, о лаугхах, раз уж мы недавно покинули их гостеприимный Каох.

Жаль, чужие до сих пор не придумали столь многообещающе предсказанные прыжки через пространство. Зато крейсерская скорость у их кораблей доходила до несусветных величин. Земные ученые когда-то хватались за голову, возмущались и отрицали факты – это казалось немислимым, невозможным, но инорасцы свои технологии никому разъяснять не собирались. Позже нашим светилам науки пришлось принять и эти, и прочие, не менее удивительные чудеса: полуживые корабли (в биологическом смысле), компенсаторы инерции, генетику растений, генераторы искусственной гравитации – и прочая и прочая. Именно технари – уларки, десмийцы – лет триста назад изобрели субсветовые двигате-

ли нового поколения, кверки научились ставить их на свои полубиологические корабли, – а уже лаугхи принялись растить корабли на заказ, бестрепетно вживляя технологии чужих в родные айвахи. Что-то, видимо, в них тогда надломилось, если они позволили себе подвергать мутации родные деревья – те, которые каждый лаугх готов был питать собственной кровью. Растить ракету сотни лет молодым да ретивым быстро показалось блажью, когда древо – с попутно вживленной в него инорасовской мощью – могло вырасти за несколько лет. И зачем? Да, дальний космос приблизился к каохцам на расстояние вытянутой руки, но сидели бы и дальше на своих айвахах, честное слово! Какой им космос, первобытным племенам с лесными духами... Так нет, в родных деревьях, с вездесущими Айхами – но к звездам! Кверкам они за это заплатили невероятную цену – айвахи стали не только средством передвижения, но и товаром, сырьем. Третью планеты, покрытая доселе молодой зеленой порослью, облысела, остатки лесов жались к полюсам. Вырубка гигантских массивов закончилась для Каоха экологической катастрофой, пресловутым потеплением – но из-за средней температуры планеты не лед начал таять, а испаряться вода. Их скудные океаны стремительно мелели, айвахи сохли без воды, задыхались от палящего зноя. Лесные Айхи, надо полагать, прокляли все племена поголовно на сто поколений вперед. Нникакого просвета не было, жители ожесточались, экосфера разрушалась. Мрачная ситуация поставила

каохцев на грань полномасштабной войны: одни ратовали за полеты, вторые видеть не могли ни кораблей, ни кверкских смотрящих – чужих во всех смыслах, оккупантов. Впрочем, все недовольство и воинственность у жителей быстро сошли на нет, когда те же корабли мало-помалу начали доставлять на Каох воду. Много воды. Ледяных астероидов, как известно, в космосе хватает. И к нам в Солнечную систему прилетели именно лаугхи, испугав землян до кондрашки: о, ужас! Это так выглядят цивилизованные инопланетяне?!

Да, именно так они и выглядели. Пока, на сегодняшний день, каохцы остаются для нас старшими братьями: смотрящими, по-кверкски говоря. Лаугхи устроили нам несколько навигационных школ и были весьма впечатлены результатами. А меня, одного из выпускников, пригласили в лигу.

К тому моменту лига уже плотно руководила всеми спасательными и поисковыми рейдами, причины ее создания – забавны. Межгалактическому совету, видно, вконец надоели те благородные (и не очень) астронавты, что без должной квалификации отбывали в дальний космос и, в результате своих «спасательных операций» сами: либо гибли, либо просили о помощи. Кто координаты путал, кто переоценивал собственные силы, ресурсы, топливо... Иные лезли со своим менталитетом в дела чужих, а то и mzды за спасение требовали... Тогда и была создана межгалактическая лига спасателей с драконовским уставом, где учитывался и обмусоливался каждый нюанс. Любые спасательные полеты сейчас

координируются с лигой и, как правило, она берет на себя все расходы. Нешуточные расходы, как известно.

Меня взяли в пару краткосрочных экспедиций, где я, вчерашний зеленый курсант Крис Ристов, наконец, увидел чужих. Совсем чужих – к лаугхам-то мы привыкли во время обучения. Рас во вселенной много, но межзвездными перелетами пользовались не более десятка. Вот я их и увидел – оказывается, они вполне сносно взаимодействуют друг с другом. И как бы мне не забыть рассказать про хваленых и малодостоверных ангари: никто их никогда не видел, зато все восторгаются их великими и непонятными полетами. Следы их находили на разных планетах, вернее, так: все непонятное, что нашлось в глубинах неизведанного космоса, относят к деятельности ангари. Вот такой у них тут научный подход. И действительно, у всего этого найденного на удивление много общего. Да только находились все эти непонятности в разных галактиках, а хоть что-то, похожее на средство перелета до сих пор не обнаружено. Да: загадочные личности, эти ангари, и не поспоришь.

После ознакомительных полетов, когда я согласился поработать с лигой, меня распределили на «Цветущий». На корабле с его идиотским названием был такой же идиотский экипаж, я так думал поначалу. Народ там подобрался затейливый: Фарч и Плух – лаугхи, Грезот – уларк, Севи с Абвиром – кверки, Цейса – дессмийка и Гасс... расу биолога инорасцы называли «мокрыми». У чужих существовала своя

иерархия, зависящая от их репутации, – и я сломал себе голову, пока во всем разобрался. Человек для них был никто и звать никак. Но потом мы попривыкли, притерлись. Но пока я все равно остаюсь здесь новичком, как мне кажется, и выступать стараюсь только по делу...

А сейчас наш корабль летел в преисподнюю. Так мне всегда казалось, когда я переводил лаугхские показатели скорости в земные величины. Скинь человека без парашюта в стратосфере, а перед столкновением с землей загляни ему в глазки... Очень страшно, доложу я вам, сознавать такие скорости двигающемуся в пространстве глупому землянину – к ним нельзя привыкнуть. К сожалению, нельзя. Первое время меня снисходительно усыпляли, а потом плюнули – работать кто будет? Отклонение от курса дорого стоит, а метеоритный щит того и гляди отпихнет корабль в ту или иную сторону. Курс нужно постоянно корректировать, либо самим маневрировать, когда летящий навстречу камушек оказывается далеко не мелким. Устройства обнаружения метеоритов изготавливали дессмийцы. Технари дело свое знали крепко, через их алмазно-фасетчатую оптику веерным волновым лучам «Цветущего» далеко видно, спору нет. Для щита опасны только лобовые столкновения, и следовало их избегать. По возможности...

Мы летели уже три месяца. Еще через месяц должны были прибыть на место. На борту каждый занимался своим делом: кверки рукодельничали, биолог учился, Цейса между вахта-

ми впадала в спячку, старпом гонял на гоночных симуляторах: и по планетам, и промеж ними, а капитан – тренировался. Обычно на тренажере и на симуляторе боя, ну а под конец тренировки – в спарринге с нашим хмурым бойцом, кверком Абвиром. После спарринга, неизбежно отбуцканный, Фарч шел спать. На следующий день все начиналось по новой. Метеоштиты бы делать из этих лаугхов, честное слово...

Когда меня тяготило одиночество, я нырял в корабельный вирт. Там ожидали меня почти все родные и знакомые, чьи матрицы я озаботился туда поместить. Кроме меня, в вирт заглядывала Цейса и Гасс.

Все на «Цветущем» подчинялось каохским мерам: и время, и тяготение. Двенадцатичасовые вахты мы несли вчетвером: меня сменяла кибернетик, ее – пилот, его – старпом, а Грезота – опять я. Остальных к управлению кораблем не допускали. Капитан наш каждое утро проверял курс, обстановку на борту – и отбывал по своим воинственным делам. Я подозревал, что тренировки эти нужны капитану, как лишняя нога нашей Цейсе. В них, похоже, он сжигал свою давнюю ярость и делал все, чтоб не думать о предстоящем выборе. Устав повелевал потерпевших спасти, а собственная кровь – убить: поневоле свихнешься.

Заступая на вахту, я тестировал системы, прогонял расчеты курса и узнавал много нового и про иные расы, и про цель нашего рейда. Гасс систематизировал и выложил все возможные данные о гигантской планете в свободный доступ, и

я пересмотрел эти данные с десятков раз, пролистывая их в свободное время, как комиксы. Если вкратце – планета вращалась вокруг красного карлика, открыли ее кверки лет двести назад. В атмосфере наличествовали и кислород, и вода и твердь – но природа... Может быть, в прошлом какой-никакой рельеф на планете и имел место, но сейчас поверхность походила скорее на натертый пол бального зала, нежели на привычные горы с океанскими впадинами. Ураганы невиданной мощи, казалось, смели с этой поверхности малейшие проявления планетарного ландшафта. Мощнейшие грозы, непрекращающиеся тайфуны, широко разлившиеся по поверхности и блуждавшие туда-сюда моря, и – либо ливни, либо пылица до небес. Плюс тяготение – ад для туристов и первопроходцев, что и говорить... Кверки нашли там полезные ископаемые, но и на более удобных планетах лежало то же самое; нерентабельность их добычи здесь понимали все. Планету, получившую красноречивое название Краптис – «ураган» по-кверкски – населяли вездесущие бактерии и планктон. Тяжесть, кстати, оказалась не критической – любой землянин потяжелел бы там в два с половиной раза. Лаугхам не повезло больше: их Каох гораздо меньше Земли – и притяжение увеличивалось для них раза в три от привычного. А также не только для них, но и для всех членов нашего экипажа – сила тяжести на «Цветущем» совпадала с каохской. Раньше совпадала, – перед перелетом Фарч приказал увеличить ее процентов на сорок. На всякий случай. И каж-

дый месяц понемногу добавлял. Больше всего, наверное, обрадовались этому низкорослые и коренастые кверки – боец и врач. А биолог с кибернетиком, наоборот – страдали, но недовольства не выказывали: в последнее время настроение у капитана этому не способствовало.

Спутников вокруг Краптиса кружило неисчислимое множество, всех размеров и стихий. Начать поиск пропавших мы планировали именно с них: посещать гигант никто желанием не горел. Но кислород содержался всего на одном сателлите: цельной глыбе льда. Кроме него мы выбрали еще один большой спутник – безжизненный кусок камня. На всякий случай биолог отобрал еще пять штук, подходящих для высадки и проживания в течение недолгого времени.

Плух тем временем активно контактировал с Каохом, большей частью с такими же пилотами, выясняя: что у Хамозэ за корабль, куда летел, когда пропал? Но то ли Хамозэ не спешили делиться нужной информацией с пилотом своего кровника, то ли у них пропавших в последнее время не обнаруживалось. И уж тем более они молчали про проданное на сторону оборудование. Фарч, узнавший о такой вопиющей скрытности, лишь презрительно фыркнул и посоветовал пилоту заниматься во время своих вахт делом, а не ерундой. Примерно то же самое Плуху рекомендовали и представители Хамозэ, и даже попытались передать этот рейд другим спасателем лиги – но с координатором спасателей побеседовал лично Фарч, после чего эту тему мигом закрыли на

всех уровнях взаимодействия. Видимо, сотрудник лиги понял: спасение этих пропавших капитан никому отдавать не собирается. По мнению всего экипажа – очень даже зря.

Последние пять минут дежурства я как всегда решил потратить на классификацию объектов, находящихся у нас прямо по курсу – или тех, которые будут там находиться позже: нет ли чего поблизости опасного? Да нет, звездный горизонт оказался относительно чист, пока можно лететь спокойно.

Едва слышно чихнула сервоприводом дверь одной из кают. Я даже знал – чья, и привычно втянул голову в плечи: к удушающим приветствиям дессмийки я мало-помалу привык. Она обвивала и всех остальных в экипаже (хотя и не так любвеобильно, а импульсивного Грезота вообще еле касалась) – в силу инстинкта, и совершенно не охотничьего. Ей, полностью слепой, эти прикосновения заменяли визуальный контакт с собеседником. Много тысячелетий кряду они у себя общались именно так, на ощупь. Выйдя же сначала на сушу, а потом и в космос – дессмийцы превратили себя в настоящих киборгов, электроникой наверстав все упущенное природой. Но вот свой уникальный дыхательный орган приспособить под кислород не сумели. Или не захотели – ведь каждый из нас рано или поздно собирается вернуться домой. В своей каюте Цейса дышала родным аммиаком, а за пультом – что ж делать, приходилось надевать гермошлем. Остальной ее – словно надубленной – шкуре водные пары совершенно

не мешали.

По телу ожидаемо поползли тугие щупальца, превращая меня на какое-то время в пульсирующий кокон, сжали и убралась восвояси. После умиротворенного сна кибернетик была на редкость тактичной.

– Как вы спали? – выдавил я из себя, взглянув на шлем головонога. Мне, в отличие от дессмийки, был привычен визуальный контакт, хоть это диктовалось и не инстинктом.

– Ты утратил часть массы, человек, – произнесла она мягким, тягуче-электронным голосом, и я замер. Этот, самый наисладчайший, чувственный голос предназначался лично для меня, я сам его когда-то выбрал.

– Реализация твоего потенциала в условиях повышенной гравитации пагубно сказывается на жизненных показателях, – продолжила она. – Прискорбно, что ваша трудолюбивая раса не практикует многосуточный сон. Чрезмерная работоспособность при отсутствии врожденно восполняемых ресурсов – увы, деструктивна. Я же спала плодотворно, мне снились воды родного Карванга.

– Мда, – хмыкнул я, вставая и машинально массируя шею, – нам обычно снится не рокот космопорта, дело ясное. Я до сих пор диву даюсь, как вы умудрились стать технарями, живя в основном под водой.

– Ну, – усмехнулась Цейса, задвигая в специальную нишу ненужное ей кресло, – есть информация, что до появления наших технологий человечество не оставляло попыток ис-

следовать свой океан с помощью примитивных батискафов. Мы рассудительней и практичней вас, поэтому свои атмосферные батискафы рационально вживили себе в организм.

Я не слушал ее. Вернее, слушал – но не что, а как она говорит. Этот голос звучал для меня совершеннейшей музыкой. Говорила Цейса как небольшой оркестр – дублирующие подголоса окрашивали ее эмоции в тот или иной чувственный оттенок: некоторые голоса дышали в такт, в унисон, некоторые – в контрапункт, некоторые – едва слышно пели. Я ей как-то предложил озвучивать земные книги или инопланетные фильмы, но кибернетик снисходительно отказалась. Тогда я предложил ей прочитать землянам лекцию по кибернетике – обещала подумать. М-да, после такого голоса и ее прикосновения уже не казались столь тягостными.

Я с удовольствием поболтал бы еще, но у меня давно уже слипались глаза. Пожелав Цейсе удачной вахты, я побрел к себе, размышляя по дороге: что будет делать Фарч, когда этот сладкоголосый мозг всех кибернетических узлов «Цветущего», как-нибудь ненароком придушит меня насовсем. И готов ли я на это, если во время последнего приветствия будет звучать какая-нибудь любимая песня в исполнении десмийки.

Короче говоря, за время полета произошло мало интересного. Зато систему карлика все изучили досконально. Отдельными членами экипажа в беседах меж собой выдвигались глубокомысленные гипотезы и научные выкладки,

предположения и стратегические варианты высадки. Я слушал все это вполуха, особо не вникая в возможные перипетии поисков: мое дело – довести корабль до места, а там пусть разбираются те, кто в таких рейдах хоть что-то смыслит. Мы с Плухом – вчерашние студенты и заумные беседы жалуем не столь охотно, как наши мудрые звездные аксакалы: Севи, Цейса и Гасс. Численность их вылетов на разных кораблях и в разных экипажах давно перевалило за тысячу, и – ясно дело – им было с чем сравнивать.

За неделю до точки рандеву, когда местное солнце выросло уже до размеров теннисного мяча, вахта моя озарилась ярким эпизодом. Этот треклятый карлик, грубо говоря, слепил нам «глаза» – отслеживать опасные объекты становилось все труднее. И сложность обнаружения заключалась даже не в свете звезды, а в ее излучении: наши поисковые лучи начали, так скажем, сходиться с ума – а это грозило крупными неприятностями. Я, как заведенный, раз за разом выстраивал поступающие данные хоть в какую-то ясную картину, и, наконец, углядел что-то серьезное. Откинулся на спинку кресла, подумал, нахмурился и снова впился взглядом в виртэкран – что-то больно большой булыжник маячил у нас на пути: таких не бывает. В смысле, такие глыбы обычно куда-то летят, а не торчат прямо по курсу недвижимые, как урна на остановке общественного транспорта. Маяк? Очень похоже.

Я опять перепроверил цифровые столбцы, почертил тра-

ектории, погнался анализатор и нахмурился уже окончательно. Палец мой ткнулся в кнопку корабельной трансляции – в последний раз эту кнопку нажимали чуть ли не полгода назад.

– Капитан и пилот, пройдите к центральному пульту.

Было, конечно, в этом вызове что-то мальчишеское. Я не удивился, когда абсолютно все высыпали из своих кают и как бы занялись своими делами неподалеку от рубки. Лаугхи, раздраженно зыркнув на зевак, подошли к пульту. Передвигались они с трудом, но вполне привыкнув к почти двойному тяготению. За эти месяцы мы весьма активно накачали себе ноги.

– На пути следования обнаружен крупный объект, размеры соизмеримы с «Цветущим» – метров шестьдесят в диаметре. Время подлета – двадцать восемь часов. Прямого столкновения мы избежим, но в районе объекта также присутствуют и мелкие фракции, и их там много, можем задеть. Похоже, маяк сигналит именно из этого скопления.

– Скорость фракций?

– Практически нулевая, относительно... звезды.

Фарч взглядом указал Плуху на соседнее кресло. Тем временем к нам приблизилась Цейса. Обмусолив нас троих разом, она обратилась к Фарчу.

– Капитан, разрешите произвести ментальное сканирование объекта. – Голос ее и в помине не имел чувственных оттенков, лишь механическую сухость и деловитость.

Фарч пожал плечами и неопределенно фыркнул. Я отъехал на разблокированном кресле в сторону, и кибернетик, подавшись к пульту, сунула свои псевдоруки в специальные ниши. Дессмийцы со своими приборами обращались совершенно не так, как все остальные. Плух ожидал команды на маневрирование, но Фарч пока не спешил ее отдавать – более суток в запасе, еще успеет затормозить.

Минуты полторы в рубке не раздавалось не единого слова, все с опасливым любопытством поглядывали на Цейсу. Она, не прерывая контакта, вдруг едва вздрогнула. Короткое замыкание? Хе, не о том я думаю, ох не о том...

– Капитан, параметры объекта на восемьдесят процентов соответствуют «Цветущему».

На этот раз она добавила в свой голос толику чувственности, но капитан переменялся в лице явно по другому поводу: где-то в этом районе и должен пребывать вполне определенный корабль, и он действительно очень похож на наш. Все уставились на Фарча, затаив дыхание.

– Этот корабль мой анализатор посчитал мертвым, – продолжала дессмийка. – Мелкие объекты вокруг не идентифицируются, с малой долей вероятности – мусор. Судя по излучению реактора, авария произошла несколько месяцев назад.

– Да, – кивнул Плух. – Почти полгода. Все сходится.

Фарч хищно раздул ноздри:

– Силу тяжести – убрать. Торможение. Через сорок... во-

семь минут, вахту принять... пилоту.

Что ж, логично. Через восемнадцать минут вахта моя подходит к концу, а полчаса как раз должно хватить Плуху оттестировать системы и подготовиться к маневру. К полету я как раз успею отоспаться – правда, если смогу заснуть при такой болтанке – разгонялись мы месяц с лишним, а тормозить будем в течении суток. Если б не компенсаторы инерции, нас бы вообще всех размазало тонким слоем по переборкам, а так я еще и выспаться попробую.

Минут через двадцать я пошел к нашему врачу – у нее имелись нужные препараты для каждой расы, даже и для не представленных на борту. Уговаривать ее долго не пришлось, Севи и сама быстро поняла, что при грядущих рывках мне не выспаться, а после полутора суток на ногах эффективность моя может очень сильно расстроить капитана. Но насколько убойное зелье она мне дала, я понял только когда проснулся.

Голова ничегошеньки не соображала, тело казалось ватным, рук не поднять, дышать тяжело – испытывая все эти прелести, добрых пять минут я приходил в себя. Потом дошло, что дело не в снотворном, а в царящей на борту бешеной перегрузке. Я кое-как потянулся к нижнему отсеку спального блока за влажной салфеткой, но как только свесил свою свинцовую головушку вниз, пунцовым ухом вперед – едва не навернулся. Ухватившись в последний момент за что-то неподвижное, я еле втянулся обратно в койку, благо-

даря всех святых за то, что не переломал себе кости, хотя очень даже мог. Чувствуя себя как таракан под подошвой, с хрипом втягивая загустившийся до жидкого состояния воздух, я принялся размышлять – что же мне делать? Просыпаться окончательно, либо валяться и дальше, куда не остановимся? Видимо, для начала следовало определить, который час: на запястье маячили какие-то мелкие цифры, но они плясали перед глазами и расплывались сквозь слезы. Оставалось, плюнув и чертыхнувшись, отрешенно уставился в потолок и даже попытался улечься поудобнее – под поясницу попала пакостная упругая складка. Я стал извиваться, побагровев от натуги – и тут тяжесть схлынула. И мне наконец удалось вздохнуть всей грудью а заодно и сладко зевнуть, едва не разодрав себе легкие.

Первым делом я уяснил, сколько времени и когда следующее включение маршевых – ведь явно мы не маневровыми тормозили, с такой-то перегрузкой. Коммуникатор давал мне полчаса на «очухаться» – ну да, все правильно, те же стандартные полчаса на диагностику систем: что-то я явно еще не проснулся.

Минут через двадцать я вышел в рубку. Там уже обосновались капитан, старпом и кибернетик. Плух куда-то смылся, но, надо полагать, ненадолго. Цейса, оккупировав центральную консоль, «разглядывала» приближающийся корабль. Она была облачена в дессмийскую разновидность экзоскелета, и выглядела при этом очень внушительно. Грезот

заметил меня первым, и привычно набылчился, набирая побольше воздуха для пущей доходчивости:

– Соизволил продрать глаза? Марш за пульт, контролируй диагностику. А тебе, Цейса, не мешало бы реанимировать Малыша, вместо того, чтоб без толку пялиться на этот раскуроченный хлам у нас по курсу.

Малыш – это наш разведывательный киборг. Во время полета он обычно отсыпался в грузовом: и вид, и повадки у него были очень похожи на расу своих создателей, тех же дессмийцев. Размер – чуть побольше. Метра два с половиной, если вытянется во фрунт.

– Расчетное время на запуск Малыша учтено, воин глубин, не следует саботировать мне анализ данных; диагностику я проконтролирую самостоятельно. А землянин пусть пока окончательно пробудится, пока не натворил пагубных для себя последствий. Их раса не настолько развита, чтобы земные навигаторы имели тенденцию к ротации.

– Разговорчики на посту! – Грезот завелся с пол-оборота, и свирепо навис над работающим головоногом.

– А она права, – подумав, проронил капитан. – Сейчас ее вахта.

– Благодарю, капитан. Человек, я рекомендую тебе привести себя в рабочую форму, а также принять необходимое количество пищи – потом времени на это не будет.

– Э, нет! – поднял брови Фарч без тени улыбки. – Ты все же не старпом. Не знаешь... многого. Когда перегрузки боль-

шие – нам нельзя. Пищу. Совсем нельзя, поверь.

Рядом злобно заухал Грезот, очень довольный промашкой кибернетика. Надо бы запечатлеть этот знаменательный день в бортовом журнале, последний раз старпом смеялся года два назад.

– Нам предстоят еще два запуска, – сухо обронила кибернетик. – Даю десятиминутный отсчет.

Из своей каюты вышел Плух, вид его был несколько помят – похоже, он даже умудрился вздремнуть. Капитан со старпомом направились в свои каюты, а Цейса – в свою. Пилот установил кресло и с угрюмой миной туда плюхнулся. Я тоже пошел укладываться, оставалось отмучиться всего ничего.

3. На подлете

Севи с Абвиром лежали в каюте врача и наслаждались. Да, боец имел собственную каюту, но изредка они заглядывали друг к другу, когда для этого находился повод. Сегодня повод нашелся.

Перегрузки экстренного торможения всегда были для кверков-смотрящих редким удовольствием. Каохская сила тяжести пагубно влияла на них – при каждом возвращении домой, оба знали, что на Верконе собственные их, привычные тела снова предательски придавят к земле, согнут в три погибели. Родная планета покажется чужой, и это – тьма, бич всех смотрящих на протяжении последних полутора столетий. Зря они открыли Каох, нужно было отыскивать что-то... пообъемней. Молодежь нынче в смотрящие не загнать даже фарховскими хлыстами – насмотрелись, слава Кверку, на согбенных предшественников. Предшественники, по возвращению с Каоха, предпочитали сутками напролет недвижимо лежать пластом в собственных домах, не высывая носа за порог – ощущая долгожданную, обворожительную, истинную тяжесть собственных тел. К обычной жизни они возвращались через несколько недель, да и то не все – большинство улетало снова работать... Но этот полет вышел на редкость удачным в этом плане.

Перегрузка достигла своего пика и спала до муторного, опостылевшего каохского стандарта. Севи даже проводила исчезнувшую тяжесть загадочным вздохом-полутоном – то ли разочаровано, то ли благоговейно, то ли истомленно – эмоции кверков всегда являлись загадкой даже для них самих. Да, редкие мгновения истинной тяжести приносили им долгожданное удовольствие – но все же поводом визита Абвира в чужую каюту стали не они – понаслаждаться собственным неподъемным весом боец мог и у себя.

Повалявшись еще с полминуты, кверк со вкусом потянулся на «кушетке» медблока, хрустнув позвонками:

– Да прольется на тот мертвый корабль свет Кверка – «Цветущему» предстоит еще два торможения... Ты готова меня выслушать?

– Да... я слушаю, – голос кверкессы был тих и безжизнен. Разговаривать Севи совершенно не хотелось, всепоглощающая истома тут же истончалась, меркла. Она лежала в собственной постели поверх покрывала – расслабленная, но все такая же неприкосновенная. Высшая.

– Что ты собираешься делать с капитаном, Мать?

Севи помолчала. То ли задумчиво, то ли растягивая последние мгновения исчезающей неги.

– Ты про его вендетту?

– Да.

Севи тяжело вздохнула и тоже неспешно потянулась, закидывая руки за голову. Смотреть на собеседника она не со-

чла нужным:

– А что ты предлагаешь, смотрящий? Выкинуть его во тьму?

– Это было бы самым верным решением. Эмоции низших ставят под сомнение нашу компетентность.

– Эмоции совершенно лишают их разума, ты прав. Но Фарч всегда справлялся с собой в нужные моменты, не находишь?

– УсСевионна, ты должна понимать – рано или поздно гаснут даже белые карлики. Мы не можем ставить свою миссию в зависимость от чудачеств лаугха.

– И все же я верю в его благоразумие. И тем более в то, что мы окажемся рядом, когда ему придется выбирать.

Абвир поднялся, мягко шагнул к Матери смотрящих и опустил перед ней на одно колено, склонив голову.

– Ты рискуешь, Мать. Внемли разуму, позволь мне убрать фактор непредсказуемости.

– Я выражаю удивление – не тебе ставить под сомнение мое решение, боец. Или я должна повторить, раз ты не способен понять с первого раза?

– Выражаю скорбь. Хорошо, я буду ждать, когда ты его изменишь.

Севи не снизошла до ответа. Абвир кивнул – то ли ей, то ли своим мыслям – и покинул каюту, невозмутимый, как механический хронограф уларков. Врач, не шевелясь, продолжала задумчиво разглядывать потолок.

* * *

– Живых в трюме не обнаружено.

Механический голос Малыша раздавался из скрытых динамиков, а виртэкран отображал все, что видел киборг. Яркий направленный свет, скользя по внутренностям мертвого корабля, выхватывал из мглы лишь нагромождение закрепленных к стеллажам ящиков, ряд за рядом. Мертвых в трюме тоже не наблюдалось, зато товара – под завязку.

– В рубке живых нет.

Что видел Фарч, никто не знал. Естественно, он в одиночку отправился на безжизненный корабль Хамоэ, не вняв доводам экипажа. Малыша, по его указанию, Цейса выпустила минут через десять, и направила в трюм. Жилые помещения капитан собрался осматривать сам, и лишь пообещал, что будет сообщать новости. И сообщал он их, кстати говоря, весьма скупо.

– Может ему стоит вскрыть пару ящиков? – хмуро поинтересовался Грезот, с бдительной недоверчивостью поглядывая на экран. Да уж, мнительность уларков – отдельная песня.

– Не стоит, – вздохнул Плух. – Внутри этих – кора.

Кора? Они стригут свои айвахи как овец? Что за бред?! Очень меня это заинтересовало, но я промолчал. Слишком интимный момент для лаугхов.

– И все же, – взрыкнул уларк, едва заметно повысив голос. – Пусть упаковка стандартная, но внутри может оказаться что угодно!

– Хорошо. Цейса, вскрой один.

Цейса отправила приказ Малышу. Посредством силы мысли, надо полагать – поди пойми этих механических осьминогов, как они общаются меж собой. Внешне кибернетик не шевельнулась, но Малыш быстро выбрал и стал вскрывать первый ящик.

– В каютах живых нет.

А, это снова Фарч. Кроме скупых фраз ничегошеньки о продвижении капитана мы не знали. Но позже узнаем, – его поисково-расследовательский рейд тоже должен был записываться на дистанционный накопитель: для лиги, для родичей погибших, для дознавателей – просто пока он не спешил нам эту трансляцию демонстрировать.

В ящике действительно оказалось что-то похожее на кору, в дополнительной вакуумной упаковке. Легко проткнув тонкий пластик, Малыш проанализировал содержимое, потом аккуратно запалял крохотное отверстие, споро собрал ящик обратно, поставил на место, и направился в другой конец трюма. Анализ тем временем высветился в углу экрана. Биолог его увеличил, и кивнул. Мысленно и всем сразу.

– Интересно, – молвил я. – Куда они это везли?

– Ну-у... – протянул Плух, – если... не на Краптис, то... куда угодно.

Насколько я знал, кору каохских айвахов используют широко, и не только лаугхи. В виде удобрений, утеплителя, сырья, отделочного материала... Действительно, любой расе такой товар бы пригодился – что-то я поторопился с глупыми вопросами...

О причине аварии никто не спрашивал, она оказалась хоть и удивительна, но банальна. Сквозная пробоина была обнаружена в боку звездолета еще при визуальном осмотре зондами. Скорее всего, мелкий астероид, диаметром не более метра, прошел бронированную обшивку со всеми переборками, и полетел себе дальше. Щит-то на весь корабль не поставишь. Удивительное, глобальное невезение.

Ну не пираты ж это, в самом деле... Откуда им взяться-то. – В каютах... есть воздух, – снова послышался голос капитана. – Но экипаж погиб. Все были в рубке. Кроме одного. Или двух. Кто-то был в каюте. Он выжил... Все понял, собрался. Запустил маяк. Сел в шлюпку, улетел к планете. Я закончил. Цейса – Малыша сюда, собрать тела.

Киборг, тем временем, направился дальше вдоль рядов, вглубь трюма. Но вдруг остановился около другого ящика и стал вскрывать его.

– Это он сам? – насмешливо заломил бровь Плух.

– Он может и сам, но этот приказала я. Содержимое ящиков в этих рядах отличается меньшей теплопроводностью.

Ящик был вскрыт в мгновение ока. Внутри оказались распиленные голые бревна – без коры они выглядели дико, от-

вык я от такого. Дрова, что ли?

– Ах-херха фахи р-раш... – процедил Плух. – Пеклово от-
родье... прав род Фархов.

Казалось, он увидел гробы с убитыми родичами. Глаза по-
лыхали, руки сжимались в кулаки.

– Цейса... пусть он... пройдет везде.

– Я поняла, Плух.

Одно щупальце поднялось к плечам пилота, застыло и
опало, не прикоснувшись. Умная у нас Цейса, тактичная.
Объятия осьминога не всегда к месту, даже проявленные в
виде поддержки и из самых лучших побуждений. Плух ее
благородных устремлений не заметил, пусто смотря сквозь
экран.

К тому времени, как Фарч добрался до шлюза и, пройдя
обработку, присоединился к нам, уже вырисовывалась об-
щая картина. Капитан молча уставился в экран, увидел со-
держимое трюма и вздернул бровь:

– Переселенцы? Куда?! Абвир! Вы? Заселили Краптис?

Систему открыли кверки, поэтому исследования ее пла-
нет, разработка и использование ресурсов, заселение, коло-
низация – должна осуществляться ими же, кверками. А тот
факт, что трюм лаугхского корабля по пути к Краптису был
набит всем, что только может понадобиться колонистам –
и именно каохским, немного противоречил межгалактиче-
ским правилам.

– Нет. Я связывался с контролерами – Краптис мы не

осваивали. Либо этот груз они везли в иные сектора космоса, либо собирались нарушить закон. Но последнее маловероятно – не с вашими технологиями осваивать такие сложные планеты, лаугх.

Обижаться смысла не было, капитан и не собирался этого делать. Следовало выяснить, куда направлялся корабль. Фарч прошел к дублирующей консоли, и вызвал контролера лиги экспансии. Разговор велся на лаугхском, и я принялся разглядывать список груза, понемногу дополняемый десмийцами. Действительно, такие товары поставляются лаугхским переселенцам – они не мыслят свой быт без каохского антуража. Например, каюты наших каохцев изнутри отделаны той же корой, а пол представляет собой переплетение живых ветвей. Им важен не только вид, но и запах, осязание. – энергетика, в конце концов. Бревнами они, конечно, печи не топят – это я загнул, – но обрезки древесины используют редко, поэтому несколько ящиков бревенчатых заготовок... это явно предназначалось не для бытовых целей экипажа.

Помимо айваховской части груза, в трюме нашлись простейшие механизмы для работ с землей, помпы, опреснители, орудия труда, оружие разных кланов и прочий инвентарь. Самих же колонистов на борту не наблюдалось, лишь стандартный экипаж. Ну и кому они это все везли?

Последний вопрос я снова задал вслух, и снова не удостоился ответа – все и так явно думали о том же. Ответ,

собственно, был очевиден и находился недалеко отсюда, поскольку в ближайшем секторе подходящих планет, кроме Краптиса, не наблюдалось. Это-то нас всех и ошарашивало.

– Они нигде... не регистрировались, – произнес капитан, окончив сеанс связи. – Шли нелегально.

– Значит, точно на эту планету! – фыркнул старпом. – Больше некуда.

– Если лаугхи собирались колонизировать планету, – подала голос Севи, – то на борту должны присутствовать и колонисты. Либо высадка уже произошла ранее.

– Они собирались колонизировать именно ее! – безапелляционно заявил Грезот. – Объем топлива! Он соизмерим с нашим, и лишних запасов в трюме нет. В дальние рейды идут совсем с другим тоннажем!

– Как это они собирались?! – Абвир позволил себе несколько повысить голос. – Если бы совет узнал только о подобной попытке, неприятности были бы не только у этих нарушителей закона, но и у всей расы лаугхов! Вам, кстати, уже грозят неприятности, капитан. За одни только помыслы использовать чужие планеты. И уж тем более – их колонизировать...

– Они – Хамоз, – осклабившись, процедил Фарч. – Им плевать... на всех.

– И кара глубин настигла их как нельзя вовремя... – томно промурлыкала Цейса. Кара глубин... забавно. Какого бы уровня развития не достиг индивид-межпланетчик, у него

всегда найдутся Высшие силы для свершения невозможного: у нас – на небесах, у лаугхов – на влажных берегах, а у дессмийцев – во тьме глубин. Хотя, как известно, у нас там водятся черти.

– Ты сомневаешься? – нахмурился Фарч, обращаясь к Цейсе. – Думаешь, это не случайность?

– Мне неизвестны все обстоятельства трагедии, – с сомнением проронила кибернетик. – После попадания метеорита, скорость у корабля не гасится сама. Очевидно, кто-то его затормозил. Вы захватили ядро корабля?

Ядро – это очень высокотехнологичный вариант черного ящика с наших атмосферников. Он должен быть на любом корабле, и Фарчу следовало взять его с собой для предварительного изучения.

– Нет, Цейса. Я не взял ядро, мне нельзя.

– Мудрое решение, капитан. Разрешите передать координаты местонахождения обнаруженного корабля в лигу?

– Да. И заканчивай здесь. Пора стартовать.

– Одну секунду, – раздался у нас в головах голос Гасса, и почти все вздрогнули от неожиданности. – Наша глубокоуважаемая врач права, на борту может быть контейнер с зародышами колонистов. Может, Малышу стоит поискать лучше?

– Не стоит, Гасс, – задумчиво буркнул Фарч. – Долго объяснять. Но колонистов там нет.

Повисла пауза, во время которой, похоже, капитан мыс-

ленно продолжал общаться с биологом. На виртэкране, тем временем, все видели, как Малыш добрался до больших запечатанных ящиков. И тут Цейса выдала набор невнятных звуков. Мы заинтересованно уставились в экран. Во вскрытом ящике был упакован Малыш. Такой же, как и у нас.

– Та-ак... – хмыкнул Фарч, неприязненно скривившись.

В двух других тоже были киборги. И еще один такой же ящик, пустой. Видно было, что киборга распаковывали безо всякой спешки.

– Я не заметил Малыша в каютах, – нахмурился Фарч.

Ему никто не ответил, и не мудрено. Мало ли, куда мог деться киборг. Он мог быть где угодно: хоть на корабле, хоть за его пределами.

Цейса тяжело вздохнула, продолжая беззвучно общаться с нашим Малышом. Тот закончил проверять ящики, запечатал трюм и направился в рубку, где и произошла основная трагедия.

– Не надо трогать тела... – хмуро проговорил Фарч, напряженно глядя в экран. – Я отменяю приказ.

– А это уже недальновидно, капитан. Вас могут обвинить в неуважении к погибшим.

– Это мое дело. А их позы... могут понадобиться. Дознавателям. Ты заметила? Спасательной капсулы нет.

– То есть, кто-то спасся! – воскликнул я.

– Сбежал! – капитан ожег меня взглядом, – и мы его найдем.

– Вернуть Малыша на «Цветущий»? – поинтересовалась Цейса.

– Нет, пусть он... Перепрограммирует маяк. Из аварийного...

– Я поняла, капитан. А потом я его возвращаю.

– Да. Крис, рассчитай курс. До планеты. После – стартуем. Надо искать. Сбежавших.

– Эвакуировавшихся...

– Сбежавших, Цейса! Они преступники! И мы их... найдем. Замолчи, Гасс! Экипаж, по местам! Подготовка к старту.

Фарч развернулся, и направился к себе. Почти все проводили его долгим взглядом. Кто сочувственно, кто раздраженно, а я – задумчиво. Что-то наш капитан явно недоговаривает...

– Оглохли?! – раскатисто пророкотал Грезот. – Встряли под десятикратную перегрузку?! По каютам! Навигатор, за пульт.

Уларки – они такие. Раскатистые, громкие и, как правило, злые. Во что верят они – я понятия не имею, но явно бог нашего Грезота – Громоподобный Указующий Перст. Хорошо, что он не телепат.

Так как за моей консолью еще находилась Цейса, то я заметался, пытаюсь одновременно и вытащить свое кресло (которое она заслоняла) и одновременно ей не помешать. Десмийка совершенно не замечала моих поползновений – она

мне что-то втолковывала, но по задумчивости я пропустил начало фразы:

– ... был включен дистанционно, очевидно сбежавшими. То есть, два первых месяца после катастрофы он не функционировал, а летал с обломками вхолостую. Передай Фарчу, когда снова его увидишь, что-то я не хочу его сейчас тревожить.

Ну да, вряд ли это срочная информация. Я дождался, пока Цейса покинет консоль, и стал настраивать свое кресло.

Буро-охристая громада Краптиса зловеще расплзлась по экранам, полностью поглотив центральные, а затем оказалась и в боковых. Сердце замирало лишь от одной мысли, что туда кто-то рискнет сунуться.

Плук вывел «Цветущий» на рассчитанную мной стационарную орбиту, и освободил место Цейсе. Корректировка нашего расположения не предусматривалась, а вот для работы с дронами кибернетик собиралась задействовать почти все возможные виртэкраны. Дронов у нас было много, и для каждого у Цейсы нашлась задача. Усадив меня с собой рядышком, дессмийка велела мне заняться расчетом курсов и орбит для трех дронов. Один должен будет вращаться на низкой орбите вокруг Краптиса, а остальные отправятся к спутникам планеты. Двумя последними я для начала и занялся – нечего там было и вычислять – и с ними я быстро покончил, скинув результаты кибернетику. А потом, обнаглев

донельзя, принес с кухни чашечку кофе, готовясь к основной работе. Колоссальное притяжение планеты – вот, с чем мне предстояло бороться. Визуальный осмотр поверхности планеты не представлялся возможным – в прорехах жалкой облачности все равно не было видно ни зги, тучи пыли полностью скрывали поверхность. Вихри этих туч перемещались с немыслимой скоростью, клубились, сталкивались, свивались в смерчи, и периодически вспыхивали тусклыми зарницами, то здесь, то там. Конечно, с орбиты все эти движения казались не столь стремительными, но вялое шевеление мы примечали и отсюда.

Лицезреть красоты местного ландшафта мы могли всеми возможными способами получения информации, кроме визуального. Зрела у нас еще надежда, что основательный ливень рано или поздно пыль эту притопчет, а туча быстро улетит – но надежду эту Гасс безапелляционно обозвал призрачной. Ну и на здоровье.

Кверки наши расположились у одного из экранов и бесстрастно разглядывали необъятную безликую муть, о чем-то негромко переговариваясь меж собой. Я изредка бросал на них любопытные взгляды – на возможную высадку эта парочка являлась первым кандидатом – и к усиленной гравитации они привычны более остальных, и планету эту считали своей – с веским на то основанием. Будь я капитаном и возникни у меня необходимость высадки, отправил бы их вниз, не задумываясь.

Правда, перед этим пришлось бы как следует обездвигить капитана.

Плух с Грезотом, тоже негромко, обсуждали технические моменты возможной высадки и взлета. Запас прочности корабля, уровень топлива, коэффициент притяжения и прочие планетарно-маневренные премудрости. Фарч сидел рядом и вполуха слушал их рассуждения, с мрачной решимостью разглядывая истертый, вполне сносно выровненный пол рубки. Гасс находился у себя в каюте – обсуждения технических нюансов он избегал, а общаться с нами мог и через стенку. Он вообще старался лишней раз не мозолить экипажу глаза, прекрасно видя наше к нему отношение. И, подозреваю, с его точки зрения мы представлялись ему такими же отвратными комками слизи, как и он для нас. Но его застенчивая, врожденная замкнутость никак не отражалась на его мысленных репликах и посланиях, наоборот – в них присутствовала толика смиренной доброжелательности. Будь у него какая-никакая раковина, может он и был бы посмелее, а так – приходилось ему сидеть в своей каюте, практически не вылезая.

Первые два дрона отправились в полет с небольшим интервалом, и тут Фарч оторвался от созерцания напольного покрытия, встал и направился на кухню – видно было, что ему не сидится на месте.

Прекратив пялиться по сторонам, я все же занялся расчетом орбиты – предельно низкой, но максимально стабиль-

ной. Провозился с ней уйму времени, скомпоновал траекторию и скинул Цейсе.

– Слишком высоко, – произнесла кибернетик своей уникальной многоголосицей, да еще и с неподдельной грустью, изучив мои расчеты.

– Ниже опасно, можем потерять спутник. Экзосфера нестабильна.

Все эти атмосферные нюансы она и сама должна была понимать. У подавляющего числа планет экзосфера настолько разряжена, что воздуха там, считай, и нету. На Краптисе же весь атмосферный углекислотно-гелиевый слой хорошенько приплюснут, и линия Кармана визуально обозначена гораздо явственнее, нежели у привычных нам планет. Все равно, что сравнивать пышную женскую шевелюру и армейский «ежик» – разница очевидна. Гасс насобирали гигабайты научных трудов, пытаюсь донести до нас всю прелесть данного небесного тела, но мало кого этим заинтересовал – короче говоря, Цейса собиралась пойти на неоправданный риск, и меня подписать на то же...

– Мне это известно, человек. Опустит до четырех тысяч.

Я воззрился на нее с великим изумлением:

– Я не уверен, проработает ли он там хоть с минуту.

– Мой – проработает, и не один час. Опускай.

Я беспомощно посмотрел на Плуха, но тот целиком углубился в дискуссию с уларком. На нас вообще мало кто обращал внимание.

– Опуская, Крис. – раздался в голове голос Гасса. – Четыре тысячи – еще куда ни шло.

Ну, как хотите. Я, глуповато хмыкнув, скорректировал орбиту, и она тут же окрасилась в красный цвет. Да хоть в сизый... Послал Гассу «а ты не подслушивай», и, закончив корректировку, скинул ее Цейсе на терминал.

Та, поколдовав в консоли какое-то время, отправила дрон по рассчитанной глиссаде. Я откинулся на спинку кресла. Что-то я уже устал... да и народ потихоньку стал разбредаться по каютам. Тем временем, по экрану побежали какие-то данные. Я всмотрелся, и понял: дрон с первого спутника достиг расчетной точки и начал посылать результаты сканирования. Хорошую начинку разработали дессмийцы для лаугхских дронов – им никаких носителей не надо: сами долетят, осмотрят, и вернуться домой, как верные собачонки. Я особо в цифры не вглядывался – Цейса получает информацию напрямую в мозг, и разберется в нагромождении этих данных куда лучше и быстрее меня.

Я потер лицо, встал и отправился к себе. Злобный взгляд Грезота, многозначительно проводивший меня аж до самой двери, я проигнорировал – мне с полным правом можно прилечь на полчасика. За пультом я сейчас совершенно не нужен, отправку более узкопрофильных дронов следует ожидать не раньше, чем кибернетик – сама, или в паре с Гассом – основательно проанализирует массив предварительной информации.

Вскоре Цейса по трансляции вызвала к пульту меня, а также тех, кому интересны первые находки на спутниках гиганта. Видимо, не один я покинул рубку: изучение небесных тел – процесс муторный и долгий. Я с сожалением отправился на рабочее место. Вскоре подтянулись и остальные, даже Гасс. Вперед он, разумеется, не лез, а пристроился незаметно сзади – но так, чтоб видеть виртэкран.

Цейса запустила трансляцию. На экране разлилась бескрайняя молочная пелена: кое-что интересное нашлось именно здесь, на наиболее вероятном для высадки спутнике – ледяном. Изображение некоторое время оставалось неизменным, затем стремительно увеличилось в масштабе. Быстро убежали за край экрана характерные глубокие борозды и следы кратеров, рельеф вырисовывался все явственнее – и, наконец, появились черные точки, ярко контрастирующие с ослепительно белым фоном. Когда точки увеличились до нужных размеров, стало ясно, что это следы пребывания разумных существ, и довольно давние. Большое темное пятно неправильной формы вокруг заледенелого кратера являлось, скорее всего, следом от старта челнока. И пятно это было не единичным. Около пятен виднелись то ли какие-то агрегаты, то ли остатки куполов. Кроме них наличествовали и другие, порой накрепко вмёрзшие в лед, следы разумной и высокотехнологичной жизнедеятельности.

– Это наше оборудование, – обронил Абвир, – давнее. Еще с первой высадки.

– Мы жили тут все то время, пока исследовали планету...
– протянула Севи. – Беглый лаугх, похоже, сюда не добрался.
– Главное, чтобы мы до него добрались, – изрек боец.

Я смерил долгим взглядом наших врача с бойцом. М-да, если даже они – кверки, совершенно посторонние от планетарных исследований – так живо отзывались о попытке инорасцев сунуться на планету, то что поднимется в межгалактическом совете, когда об этом узнают пресветлые старейшины? Хамоз явно потеряли рассудок, затевая такое вопиюще недальновидное действие. Да, планета не использовалась хозяевами совершенно ни в каком виде, но это явно не повод заглядываться на чужой огород, а уж тем более, там хозяйничать.

– Я не обнаружила здесь свежих следов чьего бы то ни было присутствия, – продолжила Цейса, – равно как и наличия лаугхских посадочных капсул, так что это просто забавный нюанс. Если наш искомый беглец знал про эту заброшенную базу, он с большой долей вероятности высадился бы здесь, а не на Краптисе. Крис... – Я встрепенулся. – Рассчитай траектории на все остальные планетарные спутники, которые мы отобрали ранее. Впрочем, я убеждена, что бегльца на них нет. Раз уж он не знал об этом, самом комфортном месте всей планетарной системы.

– Не надо, – прозвучал ровный голос капитана. – Я согласен, полностью. Его там нет. Займитесь Краптисом. Вплотную.

– На Краптисе ему не выжить, капитан, – раздался такой же спокойный мысленный голос биолога. – Полгода... здесь, в этих условиях... при наличии лишь десантного модуля...

– Тоже согласен. Значит найдите... его останки.

Сказав это, Фарч развернулся и ушел к себе. У меня возникло ощущение, что он уже смирился со смертью беглеца – или беглецов, – и провалу нашей миссии. Да, по-моему, уже все смирились – причем сразу же, как только взглянули на эту громаду в обзорный экран.

Нам с Цейсой, а может и с Гассом, предстояло немало потрудиться перед высадкой. Через четыре часа дрон засек десантную капсулу, на две трети засыпанную песком. Она была пуста.

4. Высадка

Гасс отдыхал в своей рукотворной скорлупе, идеально подходящей для его тела – это, собственно, и был слепок с тела, отлитый потом из полихитина. Пол скорлупы покрывал... Гасс считал это половичком. Сложная, толстая конструкция – текучая, как вода. Считалось, что сия скромная обитель скрасит дискомфорт при перегрузках – однако же под их спудом биологу неизменно было гадостно и муторно. На личный компенсатор инерции Гасс, естественно, не рассчитывал, хотя тяжесть терпеть не мог ни в каком виде. Цейса страдала чуть меньше – так она и вживила себе давным-давно все что нужно – а вот Гасс таких изощренных вживлений не хотел. Он не хотел ни кибернизации, ни перегрузок, ни общения, ни вообще каких бы то ни было перемещений. А уж что он не хотел больше всего, так это улетать с Каоха! Как ему было хорошо там, в тени айваха – когда он, затаившись, только лежал и слушал. Слушал, внимал, проживал, чувствовал богатейший мыслеспектр живых существ. Купался в желаниях, инстинктах, охотничьих повадках и страхах быть обнаруженными... Нет, после этой миссии он снова улетит на чудесный Каох и проведет там несколько месяцев – это Гасс решил твердо.

Корабль биолог не любил – слишком мощные рывки, по-

стоянно скачущая туда-сюда гравитация... Экипаж, вернее его мыслеатмосферу – вообще терпеть не мог. Гнетущая ноша ответственности Фарча, изматывающая усталость Плуха, постоянное раздражение Грезота, надменная брезгливость Севи, навязчивая тяга к убийству Абвира, механическая заумь ущербной Цейсы, тоскливое одиночество и потерянности Криса... Всем им в разное время было плохо, страшно, злобно или одиноко – внешне этого никто не показывал, но мысли-то не скроешь. Тем более, наедине с собой. Да, экипаж развлекал себя как мог – но негативный фон с лихвой перекрывал весь уют, радость и благоденствие. А затыкать свои уникальные «уши» Гасс не умел.

Но все же уходить из команды он не собирался – где еще встретишь такое буйство инопланетных организмов, исследований и открытий? Только на межзвездном корабле – а на других он чувствовал себя еще хуже. Свою команду-то он однажды спас – и при встрече с нею в привычном потоке гадливой отстраненности хоть иногда проблескивали оттенки искренней благодарности или воспоминания о ней. А как-то его попросили слетать с чужим экипажем – так там царил полная беспросветность!

Обычно Гасс искал светлые мыслеобразы кого-либо из членов экипажа и погружался в них, словно в родные болота собственной планеты. Он давно уже знал всех как облупленных – их мечты, печали, заботы. И привык, смирился. Да, его все еще расстраивал тот или иной мазок отчаяния

или злобы в общей аляповатой картине межзвездной хандры, кою он наблюдал на Цветущем год за годом. Но помогал он им всем совершенно искренне – ведь это уменьшало тоскливую безысходность бытия, ауру нелюбви, суетливое беспокойство. И это правда работало. Негатива становилось меньше.

Сейчас перед ним стояла дилемма: капитан собирался высаживаться на планету в одиночку, а Севи – группой, и раздумывала, кого брать с собой. Естественно, она рассчитывала и на него, биолога. Конечно, кверкессу можно понять – ментальная связь в эдаком лаугхском Пекле нужна как воздух. Да еще самый верный ее смотрящий постоянно выкидывает на планетах своевольные коленца с фатальными последствиями – постоянно приходится контролировать направление его мыслей! Плюс беглеца сможет отыскать лишь он, медиум – но Гасс совершенно не был уверен в том, что он там вообще выживет. Внешние воздействия атмосферы, несветное тяготение, дышать нечем, десантная шлюпка тесная – они практически будут в ней соприкасаться телами... ощущения привычной мерзостной грязи пропитает их души, ожесточит – нет, нужно искать другой путь. У дессмийки, вроде, проскакивали нужные мысли, решения...

– Цейса, – позвал он.

Он почувствовал, как вздрогнула кибернетик – даже не вздрогнула, а содрогнулась – всем телом, прогоняя возникающие мысли, одна другой противнее.

– Гасс... я же просила не лезть ко мне в голову... Кроме того, я сейчас несколько занята.

– Приношу свои извинения. Ты говорила, что можешь сделать усилитель мыслепередачи...

– Не могу сделать, а могу попытаться переконструировать! Ничего сложного...

Гасс почувствовал, что Цейса изо всех сил пытается выгнать, выдавить липкие прикосновения его ментального присутствия – и снова ощутил свою отвратную никчемность. Привычно смутившись, он прервал контакт. Поворочавшись в своей скорлупе, биолог задумался о новой, недавно проявившейся опасности в умах экипажа. Капитан уверен в том, что в решающий момент решать будет он. Но решать будет Мать, и ее предварительные умозаключения оптимизма не внушали. Кроме того, похоже, на этот раз они собираются взять Крису – вот уж его действительно жалко, о своем экипаже он узнает много интересного...

* * *

– Итак, – начала кибернетик, располагаясь подле вирт-экранов, дублирующих слова в изображениях. – Мы обнаружили капсулу с лаугхского корабля. С девяностопроцентной вероятностью, это капсула нашего потерпевшего или потерпевших, если их было несколько. Пилот капсулы исчез, и тела его тоже нигде не обнаружено, ни живого, ни мертвого.

Подле капсулы присутствуют скальные образования, и самое простое объяснение – там есть какая-то ниша, нора, пещера... Оттуда что-то выползло, и несчастного пожрало. Однако тот факт, что на планету везли оборудование жизнеобеспечения, предполагает вероятность для еще одной версии. Краптис обитаем, и обитатели его живут под землей. Если это так, живут они очень глубоко, так как дессмийское оборудование их не обнаружило – не их самих, не следов их жизнедеятельности. Давние кверкские рейды – и неоднократные – жизни на планете не нашли, так что если там кто и обосновался, то недавно.

– Этих скал наши первопроходцы не обнаружили, – подал голос Абвир. – Если внутри Краптиса есть лаугхи, то это может быть единственный выход их нор на поверхность. И образоваться он тоже мог не так давно.

– Нор?! – подскочил Плух.

– Итак, – вставила Цейса, – мы благодарим нашего бойца за уточнение. Либо там живет община лаугхов, преступившая межгалактические законы о колонизации планет чужих рас, либо наш беглец там пребывает один, живой или мертвый.

Плух уселся на место, сверля кверка злобным взглядом.

– А если под землей присутствуют аборигены? – подал голос Гасс. Цейса не дрогнула не единым мускулом:

– Возможно, но маловероятно. Нам неважно, кто живет в данной локации: аборигены, лаугхи или дух Великого Ура-

гана: беглец там, внутри, – и устав лиги требует его оттуда извлечь. Нужно высаживаться.

– Никаких высадок! – рыкнул Грезот, не посчитав нужным приподняться. – Вы и так спалили полбака лишним экстренным торможением! Горючего осталось только на обратный путь!

Все взоры обратились на Плуха. Тот замялся:

– На одну посадку должно хватить... в крайнем случае, лететь будем не четыре месяца, а восемь, – запасов хватит.

Эту реплику собравшиеся сопроводили саркастическим гулом. Да уж... не особо радужная перспектива. Цейса подождала тишины и продолжила:

– Высаживаться необходимо – это, я надеюсь, понимают все. Иначе лига вместо возмещения убытков наложит на нас штраф. Для начала я предлагаю ограничиться лишь Малышом, так как при таких гравитационных величинах я не уверена в надежности нашего антиграва: он не рассчитан на длительную работу в таких условиях.

– Нет, – в один голос отрезали Фарч с Абвиром.

– Я так и предполагала. Значит, вперед я предлагаю выпустить разведчика – того же Малыша, например. Но прилететь обратно он не сможет – слишком велико тяготение планеты.

– Бот тоже не взлетит, – удрученно буркнул Плух.

– И за электронно-волновую связь через такой атмосферный фронт я тоже не поручусь, – добавила кибернетик. – Вот

такая у нас рекогносцировка, капитан. Хотите высказаться?

После этих слов все обратили взоры на Фарча. Тот тоже оглядел собравшихся, светящиеся экраны, выступающего кибернетика и даже потолок рубки. Встал, подошел к Цейсе и утвердил руки на столе. Цейса была в два раза ниже Фарча, но – как я подозревал, вдвое умнее.

Фарч начал говорить. Из его рубленых фраз, шинкующих речь не хуже гастрономического автомата, мы поняли следующее: да, высаживаться надо. Да, первым пойдет Малыш. Потом он – Фарч. Как только беглец обнаружится – корабль спускается, всех забирает и везет домой.

– А если он не обнаружится? – поинтересовался Абвир.

– Обнаружится. Я найду его, живого или нет.

– В этом-то и проблема, лаугх. – Абвир тоже неспешно поднялся, и в рубке повисла нехорошая, звенящая пауза. Боец тоже был куда ниже капитана, но все знали кто кого сбoret в случае необходимости.

– Лига поручила нам надзор за «Цветущим», – продолжил кверк, сверкнув клыками. – Тебе, Фарч, это известно. Принимая во внимание вашу каохскую вражду, я настаиваю на нашем присутствии в момент обнаружения беглеца.

– Ты сомневаешься?.. В моих поступках, кверк?

– Не в поступках, а в эмоциях. Мы спускаемся с тобой, вопрос закрыт. Ты знаешь, что лига поддержит меня при дознании. Не теряй времени, говори по существу.

– Почему отпустил... раньше?

– На тот корабль? Потому что там живых быть не могло. А ты все же у нас капитан. – С этими словами Абвир примирительно опустил на место. Примирение это было продемонстрировано весьма издевательски. Фарч стоял, как оплеванный, но не ему спорить с лигой и ее смотрящими, это всем было понятно.

– Ссмотрящие... – выщедил лаугх, в чем-то соглашаясь с моими умозаключениями. – Хорошо. Мы садимся все.

– Капитан! – в один голос взвыли Цейса, Гасс и даже я. Фарч ехидно оскалился: – Ваши предложения?

– Если вы позволите, капитан. – Цейса текуче подалась вверх, становясь чуть выше ростом. – Гассу опускаться на планету нельзя: если корабельный антиграв выдаст сбой, его там попросту раздавит. Меня тоже раздавит, но чуть позже – и экзоскелет будет таскать за вами мое бездыханное тело. Да и лаугхам я бы не рекомендовала такие нагрузки, даже краткосрочные. Остальные могут пережить тяготение планеты без фатальных последствий. Другой вопрос – как вы будете там передвигаться: мобильного антиграва еще пока не изобретено, экзоскелетов на ваши расы нет. Но, я полагаю, Малыш поможет с перемещением по планете. Если вы спуститесь в десантном боте, на корабле нужно оставить Плуха: он будет производить посадку «Цветущего». Севи, Крис и Грезот – принципиально.

– Мне нужно контролировать процесс старта! – загремел Грезот. – Если капитан высадится на планету, тут начнется

бардак, мне нельзя покидать корабль!

– Гасс нужен внизу, – озабочено пробормотал Фарч. – И ты, Цейса. Как управлять Малышом?

– Я вживлю вам чип, – отмахнулась кибернетик. – А для Гасса попробую сконструировать усилитель.

– Чип мне! – отрезал Абвир.

– Нет, мне, – подала голос Севи.

Я потер лоб. Установленный, привычный порядок катился в тартарары. Народ зверел, перекрикивая друг друга все ожесточеннее. Нам очень повезет, если на поверхности никто никого не покалечит ради достижения своих сомнительных, но фундаментальных целей. Кто у нас тут командует, черт побери?

– Тихо! – рявкнул капитан. Так громко, что все тут же притихли. Фарч подождал пару секунд и продолжил, сверкая на каждого из нас безумными глазами: – Вниз пойдут: Я. Абвир. Севи. Крис. – Я попытался что-то вякнуть, но взгляд капитана приморозил меня к креслу. – Чип управления вживить Севи. Ждут на орбите: Грезот, Цейса, Плух и Гасс. Есть возражения?!

Все молчали. Я тоже пристыженно помалкивал: лаугху там будет куда тяжелее, чем мне... Фарч веско кивнул, и продолжил:

– Напоминаю группе, – он остановил взгляд на мне. – Никакой пищи. За двенадцать часов... до высадки. Желудок должен. Быть пустым.

Все тоже посмотрели на новичка-десантника, и у меня запылала уши – я готов был провалиться сквозь пол рубки. Вечно они со мной, как с ребенком...

– Трое суток, Цейса. С тебя – усилитель. Если не выйдет – оставляй Гасса. В капсуле, на орбите. И садись на планету.

Нас всех пронзил страх биолога. Фарч поморщился:

– Да, рискованно. Поэтому сделайте усилитель. Через час – старт Малыша. Всем готовиться. К операции.

Малыша отправили на Краптис через час. Весь этот час Цейса хлопотала, колдовала над ним, по-свойски разъясняя, наставляя, обрисовывая возможные препоны и пути их решения. Такие же инструкции, надо полагать, киборг получал и на электронном уровне – Цейса частенько задействовала при общении целиком отданный ей для анализа резервный пульт – видимо, для передачи больших объемов информации. Малыш послушно внимал, растерянн съезживаясь, жужжа сервоприводами и изредка приподнимаясь на своих металлических щупальцах. Он настолько походил на настоящего несмышленища, что у меня при его старте защемило сердце. Основную опасность для его металлического покрытия представлял мощный грозовой фронт. Атмосфера Краптиса то и дело вспыхивала мощнейшими грозowymi разрядами, и пришлось нам изолировать бедолагу подручными средствами – но так, чтоб он смог вовремя покинуть свой кокон и затормозить двигателем, дабы не развалиться на части при

посадке. В таких условиях использовать парашют Цейса посчитала нецелесообразным. Киборг скользнул в нишу своей спускаемой капсулы, отдаленно напоминая оболочку древней авиационной бомбы с недоразвитыми стабилизаторами, и свился в компактный шар. В таком виде он и отправился в полет. Мы все тут же кинулись к пульта, обступив сосредоточенную Цейсу. Когда вся наша дурацкая изоляция начала гореть в верхних слоях атмосферы, я окаменел. Это ж надо так по-идиотски угробить наш единственный работоспособный модуль...

Первый разряд, казалось, угодил прямиком в Цейсу. Она отпружинила на добрых полтора метра с оглушительным многоголосым хрипением – и на меня повеяло паникой, я никогда не видел ее такой. Со скрипучим криком она метнулась обратно к экранам, но щупы свои в пульт уже совать остереглась – лишь всклокоченно качалась из стороны в сторону, слепо уставившись в экран, уже всюю рябивший помехами. Щупальца ее извивались в бессильной попытке как-то сохранить киборга, уберечь от разрядов. Второе попадание молнии в Малыша заставило экран погаснуть. Мы в гробовом молчании следили за суетливыми судорогами дессмийки, пока она не застыла в неподвижности. Погасший экран, казалось, предрекал нам всем незавидную участь в нашей сумасбродной авантюре. Цейса, сжавшаяся в комок, медленно опустила вибрирующие щупальца в гнезда пульта, и, собравшись, подалась вперед. Сосредоточенность ее напряженной

позы не дала нам окончательно пасть духом – она что-то пыталась исправить.

– У него большой ресурс прочности... – просипела она, едва не всхлипнув. – Он рассчитан на такие падения, он... должен включиться.

Видимо она совершенно себя не контролировала, так как произнесла эти фразы тем самым, нашим голосом. У меня комок подкатил к горлу, и я едва не бросился к ней, захлестнутый срезонированной мукой чужого горя – я первый раз видел вконец отчаявшуюся Цейсу. Мелькнула дикая мысль, что сумасшедшая дессмийка засунула в киборга личность собственного ребенка... Фарч в успокаивающем жесте положил руку на основание небольшого горба Цейсы, выступающего под гермошлемом:

– Он включится, – напряженно проговорил он. – только не сдавайся. Реанимируй.

Я представил скорость раскаленного металлического клубка при посадке при краптисовской силе притяжения. Машинально, как во сне покачал головой. Глухо... Он, конечно, мог упасть на наклонную поверхность, удачно скатиться... и дессмийские сплавы не чета нашим – но все равно очень маловероятно...

Экран мигнул и снова зарябил. Вопль, вылетевший из наших глоток, прозвучал финальным крещендо этой межзвездной трагедии вселенской глупости. Надо же, и правда выкарабкался... крепкие машинки у дессмийцев, ничего не

скажешь.

Маломальской картинки, впрочем, мы так и не дождались. Однако Малыш как-то сумел отправить кибернетику основную новость: вход под землю существует.

В десантный бот я усаживался в похоронном настроении, сильно сомневаясь в том, что от меня на планете будет хоть какая-то польза. Фарч вполне соперничал с кверками в демонстрации состояния полнейшего спокойствия, состроив личину абсолютной невозмутимости. Чип управления Малышом покоился под кожей Севи; боец наш, с избытком обвесившись оборудованием, оружием и боеприпасами, сидел, поблескивая и позвякивая, как детская погремушка. А я проклинал себя и даже своих родителей за несусветную глупость поступления в эту треклятую космошколу. Бесславный конец моих межзвездных рейдов маячил перед глазами с каждой минутой все явственнее.

Трое суток мы давали себе на обнаружение беглого потерпевшего, Цейса за это же время должна была наладить связь через Гасса. По-моему, на это чудо мало кто надеялся, и самым вероятным развитием событий была бы посадка «Цветущего» на Краптис, через те же трое суток. Гасс в это время должен был оставаться на орбите в малом посадочном модуле. Основная опасность заключалась в ситуации, когда корабль опустится – а нас не будет на поверхности: жить в малой капсуле Гасс мог неделю, не больше. Впрочем, может,

он тоже захочет прилететь с «Цветущим» – никто ему этого не запрещал. Но на планете в случае чего он тоже неделю не выдержит, это понимали все. Так что, чем быстрее мы обернемся – тем лучше.

Основная наша надежда заключалась в малом объеме подземных пещер, но целый трюм планетарного оборудования Хамоэ сводил эту надежду к ничтожной величине. А основная мучавшая меня досада – та, что до сих пор не изобрели мобильный генератор антигравитации, по той причине, что на такие гиганты никто не собирался высаживаться! Это экономически невыгодно! Ох, чуял я, что размажет нас там по камням инопланетной белковой культурой... Как мы по этой пещере будем передвигаться?! На сей счет никто не беспокоился, и это было основным моим негодованием, правда, безмолвным и безвольным.

Бот выскользнул из тесного шлюза «Цветущего», и ухнул вниз. Сердце мое повторило этот маневр с невероятной прыткостью – в глазах потемнело, загрибок прошиб холодный пот. Сильной перегрузкой нас вжало в кресла, затем накатила дурнота. Через какое-то время началась болтанка, она все усиливалась, затем стало казаться, что мы влетели в зону гигантского камнепада – трясло так, что ремни врезались в тело сквозь плотный полимер скафандра. Свист встречных воздушных потоков превратился в рев, соизмеримый с ревом двигателя. Что-то оглушительно грохнуло, и на меня посыпались искры... свет мигнул. Молния? Бот по-

степенно уложил кверков на спину, а меня подвесил на ремнях – значит уже начал тормозить. А не рано ли?.. Незаметно навалилась тяжесть, затем она усилилась – я охнул и ошарашенно оглядел попутчиков – кверки, казалось, раздумывали о вечном, и лишь Фарчу тоже приходилось несладко. Раздался еще один грохот, от него я едва не оглох. Бот завалился на бок, кувыркнулся в пространстве и снова выровнялся. По лицу капитана пробежала тень угрюмого беспокойства – ну да, если мы сейчас брякнемся под нерасчетным углом – нас раскатает по Краптису тонким бронированным слоем... Болтанка приобрела большую амплитуду – бот все явственнее становился подобием мячика на резинке. Рваные скачки выдавливали из нас душу с залихватской остервенелостью, воздух просто отказывался проникать в легкие. Ни с того ни с сего свет окончательно вырубился, над головой снова что-то заискрило.

Но двигатели все еще работали. Там, на орбите, Цейса прилагала весь свой техногенный дессмийский интеллект, чтоб посадить аппарат максимально деликатно, не покалечив пассажиров. Бот-то мы оставим на планете – на взлет попросту не останется горючего – а вот мы еще собирались вернуться. Сквозь все более усиливающийся страх, в мое сознание вдруг влетела мысль о том, как это Цветущий теперь останется без бота? Скорей всего, если спасение этого неуловимого беглеца пройдет успешно, экипаж выпишет себе новый бот – лига на то и существует, чтобы...

Мощнейший удар лишил меня сознания – но, видимо, ненадолго – сквозь цветные, большей частью багровые, всполохи в глазах я ощущал, что нас куда-то тащит, разворачивает, опрокидывает... Я шмыгнул носом и, скосив глаза, увидел, как в гермошлеме напротив рта появляются красные капли. Эт-то что еще за новости... Я снова хлопнул носом и попытался поднять руку, и чуть не вскрикнул – левое плечо пронзила нешуточная боль. Вывих, что ли? Я повел плечами – да нет... Просто я чуть не срезал ее ремнем, навалившись влево всем весом при посадке. Посадке... если это можно назвать посадкой.

Я висел на больно впившихся в тело ремнях и трепыхался, как макрель в сетях рыбака – пунцовый от натуги, задыхающийся, придавленный собственным убийственным весом, и ни-че-гошеньки не мог поделать. Паника захлестнула меня смертельной удавкой, и свела с ума – если бы нужно было кого-нибудь пришибить ради того, чтобы выжить – пришиб бы, не задумываясь. Я оказался в положении утопающего – воздух в легких кончался, нового вдоха не предвиделось, и сознание заволакивало пульсирующим туманом. Шаря безумными, выпученными глазами в тщетной попытке за что-то ухватиться, я заметил вяло шевелящихся кверков – уже отстегнувшихся, и осторожно ощупывающих себя – Аб-вир массировал плечо, а Севи – шею. Фарч, тоже мертво повисший на ремнях, не шевелился.

Задранный и чуть накренившийся нос бота, подрагивая

под ударами стихии, вдруг поехал вбок и рывком осел, заваливаясь влево. Я взвыл – теперь боль пронзила и правое плечо, хоть и не так болезненно. Зато я смог хоть как-то вдохнуть. Абвир успел ухватиться обеими руками за ремни, а Севи в мгновение ока грохнулась с кресла и со звонким хлопком стукнулась шлемом о заранее сброшенную нашим бойцом амуницию. Прорывав что-то нелестное на своем языке в манере зычного Грезота, она встала на четвереньки и начала предпринимать попытки подняться. Абвир стрельнул по нам с Фарчем мутным оком, и, тяжело подковыляв ко мне, расстегнул наконец чертовы ремни. Я тут же растянулся на полу, затем, напрягшись изо всех сил, перевалился на спину, чуть не опрокинув Севи. И стал жадно сопеть, как кузнечные меха, осторожно ощупывая свинцовой рукой левую ключицу. Через несколько секунд потекло в носоглотку, и мне пришлось пару раз сглотнуть – уж плевать-то в собственный шлем я даже в такой ситуации не хотел. Пока не хотел...

Все так же подрагиваемый бот вдруг качнулся и снова застыл. Это что, там такой ветер?! Перекатывающий по земле пятитонную машину, словно детскую модельку? Через несколько секунд бот, словно соглашаясь со мной, качнулся в другую сторону. Вот это встряли... и как мы будем открывать дверь?

Абвир сипло произнес несколько слов, я их абсолютно не понял. Врач ответила, и я разобрал слово «Мальш». У «мальша» нет аналога в кверкском языке?.. Кстати, и действи-

тельно – про киборга я совершенно забыл, а ведь Севи сейчас может им управлять. По крайней мере, должна мочь.

Врач тем временем привела лаугха в чувство, и, достав, открыла маленький кейс – там находились какие-то ампулы со шприцами. Разгерметизировав, откинула стекло своего гермошлема, с усилием провела рукой по глазам и всмотрелась в мелкие значки на ампулах.

– Итак, – хрипло произнесла она. – Посадку можно считать успешной. Нам следует подзарядиться энергококтейлем... и добраться до этой тьмущей дыры в земле. Снаружи нас ждет Малыш, но перед выходом мы обяжемся фалом – вдруг он не всех поймает на выходе...

Лицо Севи не выражало и тени улыбки, она говорила абсолютно серьезно. Фарч угрюмо смотрел на нее исподлобья, Абвир исследовал брошенное в угол снаряжение. Я, помалкивая, слушал что мне говорят – и меня абсолютно не смущало, что бразды правления, видимо, взяла на себя Севи. В конце концов, это их планета.

– Снимайте перчатки, – приказала она.

Я подождал несколько напряженных секунд, пока картинно помедливший Фарч не занялся своей перчаткой, и тоже начал отсоединять свою. Скафандры на «Цветущем» были кверкские – сборные, и от любой прорехи воздух из них не улетучивался мгновенно: умная ткань при падении давления тут же локализовывала проблемный участок, стискивая ту или иную конечность наподобие жгута. Неплохое реше-

ние, если пробоина не выше шеи... что-то у меня в последнее время начал превалировать сарказм – не иначе мой мозг так расслабился от неожиданного подарка, длинную в дополнительную жизнь. Состояние позорного малодушия, выморозившего меня несколько минут назад, я предпочел забыть, как страшный сон. Хорошо, что тут нет Гасса...

Через несколько минут коктейль вкололи, оборудование распределили, проверили связь, перешли с атмосферных фильтров на изолированный, химический, сладковато-теплый воздух и начали обвязываться крепким, упругим жгутом. С кораблем связь отсутствовала, кверки проверили – а с Малышом Севи переговаривалась вполне сносно, судя по ее сосредоточенному взгляду в никуда. Бот все так же покачивался из стороны в сторону, и мы тоже покачивались вместе с ним – ветер Краптиса приучил нас постоянно держаться за какие-то недвижимые конструкции хотя бы одной рукой, и это нам чертовски мешало. Чувствовал я себя все хуже: пот застилал глаза, в груди начало покалывать, но кровотечение прекратилось. Я иногда с иронией поглядывал на замаранное стекло своего шлема. Весело началась экспедиция... Вскоре мне полегчало – видимо, коктейль начал действовать. Первым делом я, естественно, зевнул во всю пасть, и это мне удалось. Вот оно, счастье...

Абвир оглядел всех нас, готовых к выходу, и заметил, что Фарч ни за что не держится.

– Держитесь, капитан, покрепче... – сипло посоветовал

он, и разблокировал дверь. Дверь тут же вырвало у него из рук и бот начал напоминать салон самолета с пробоиной, из наших древних фильмов. Пока мы приходили в себя, судорожно вцепляясь во что ни попадя обеими руками, песочная взвесь в момент запорошила отсек и продолжала бессильно цокать нам по шлемам. Стекло покрылось первыми... нет, не трещинами – я не сразу понял, что это царапины, и их становилось все больше с каждой секундой. Скоро я окончательно ослепну, надо шевелиться. Но выходить наружу первым мне абсолютно не хотелось.

Проем заслонила какая-то громада – я испугался, что это огромный булыжник, потом опознал Малыша. Всеми своими щупами он вцеплялся во все, до чего мог дотянуться – на манер огромного раскрытого зонта, без полотна и рукоятки. Основательно вкопавшегося зонта, надо признать. Первое щупальце он обвил вокруг Абвира, потом дотянулся до Севи, Фарча, и, наконец, до моей, сидящей позади всех, персоны. Славная Цейса тут же возникла в памяти и у меня потеплело на душе. Мы и правда высадились удачно – никто ничего не сломал, и у трапа нас встречали. Вероятность возвращения росла с каждой минутой, просто разбухая на глазах – с Малышом и сам черт был мне не брат.

До цели нашего визита мы добирались ползком, рытьем и волоком. Меня очень сильно заинтересовало, как до этих врат ада добирался беглец – маловероятно, что у него тоже имелся свой киборг. Явно ему помогли, так что кто-то в этом

Краптусе и правда жил. Сомнений в этом не оставалось.

5. Тоннель

Цейса сидела перед пультом как на иголках, пытаясь хоть что-то разобрать в суетливом, завьюженном свисте электронных помех и посторонней свистопляске шумов. Экраны кибернетик выключила – Гасс сидел в своей каюте безвылазно, Грезота с Плухом она выгнала – а ей визуализация приема была ни к чему. Насколько она поняла, бот опустился в рассчитанной точке, и фатальных эксцессов там не произошло. Все остальное понять было невозможно – вездесущий грозовой фронт сводил на нет малейшую попытку передачи данных: какофония шумов и сбивчивые ошметки передач Малыша абсолютно не поддавались анализу. Радар – все, что ей оставалось использовать в полной мере, но с такой высоты и с таким количеством кремниевой взвеси в атмосфере... Цейса чувствовала себя поистине слепой. В дессмийской интерпретации этого понятия.

Она ощутила чье-то присутствие за спиной – и поспешно привела в порядок мысли. Это мог быть только Гасс – все остальные топали так, что она чувствовала их появление за парсек. Мокрый маячил где-то вдалеке, не приближаясь, и при желании можно было бы уловить его излишне фонащее смущение. То есть она настолько сконцентрировалась на приемнике, что не заметила, как кто-то вышел из своей

каюты – вероятно, ей уже пора на отдых.

– Цейса... – осторожно проронил биолог. – Если ты не желаешь моего контакта, то могла бы включить экраны. Я ж волнуюсь.

Неприятное проникновение чужого разума на этот раз показалось кибернетику не таким мерзостным – биолог искренне переживал за приматов. Собравшаяся было вытолкать Гасса из рубки и из собственной головы, Цейса на сей раз постаралась сделать это предельно тактично:

– Гасс... ты даже не представляешь, как мне трудно в настоящий момент. Все мое внимание целиком задействовано на получении данных с поверхности – вернее, сущих их крох – я даже приматов из рубки удалила, чтоб они не мешали. Даже их молчаливое присутствие вносит дополнительные искажения в информационную неразбериху у этого проклятого куска суши. Давай, потом...

Реплика была, разумеется, мысленной – так что оскорбить остальных присутствующих на корабле Цейса не опасалась, даже если бы у них оказался абсолютный слух. Биолог смутился вконец, но все же нашел в себе силы продолжить:

– Усиление мыслепередачи... это и вправду возможно?

– Теоретически. У нас на планете изобретен и изредка используется усилитель опасности, и даже радости, так что принцип устройства мне понятен. И все же – мне сейчас и правда не до тебя.

– Цейса, это биологически невозможно.

Кибернетик почувствовала, как ее снисхождение стремительно испаряется, а ее саму захлестывает волна неконтролируемой злости, и она в один прыжок подскочила к Гассу вплотную. Однако касаться мокрого она даже в таком состоянии не собиралась, несмотря на все свои инстинкты. Исковерканная эволюция превратила дессмийцев в бленнофобов, хотя улитки когда-то прекрасно уживались с их далекими океанскими предками.

– Я сообщила тебе, что сама разберусь со всеми нюансами и обстоятельствами, улитка! – многоголосо заорала она на всю рубку. – Ползи отсюда вон, я сейчас занята! За-ня-та!!! Слизь планктонная...

Она метнулась обратно к пульту и снова судорожно попыталась разобраться, что происходит на планете. Но у нее ничего не вышло, и она в бессилии зашарила по пульту в поисках чего-то тяжелого – ярость требовала выхода. Гасс ощутимо вздохнул, и отправился восвояси. Вскоре дверь его каюты бесшумно затворилась, Цейса поняла это по характерному воздушному колебанию, едва заметному. Колебания отслеживала не кожа, а вживленные сенсоры.

Она постаралась успокоиться и снова вплотную занялась наблюдением за поверхностью Краптиса. Но желанное успокоение не спешило приходить ни в какую – мокрый довольно изощренно всколыхнул в ней давно зреющие сомнения. Но об этих сомнениях не стоило и думать! И уж тем более в пораженческом контексте рассеянности! Кибернетик подозре-

вала, что спать она отправится – дай глубь через неделю, и это тоже вносило свою долю в совершенно ненужное сейчас раздражение и отчаяние.

Все будет хорошо! Вот на чем следовало бы сфокусироваться! Она – дессмийка, и этой поганой планете не по зубам ни ее технологии, ни разум. А уж тем более не по зубам Малыш с пассажирами... Главное им сейчас – уйти с поверхности, а там будет легче – она в это верила неколебимо.

Больше ей ничего и не оставалось.

* * *

Примерно через полчаса мы очутились в обширной пещере. Земные аналоги на нее походили крайне отдаленно – все тут было чужое, а может я совершенно не разобрался в спелеологии. Сам минерал стен, их чрезмерная гладкость, зеленоватый цвет, причудливая текстура на отекавших сломках... Пол под небольшим слоем песка казался отполированным – песок, кстати, выглядел вполне обычным, только мелким. В пещере истончилась, просветлела сплошная стена пыли перед глазами – ветер лупил наружу, и был чист – я начал хоть что-то видеть. При взгляде на Малыша у меня сразу и очень сильно испортилось настроение. Раннее я ошибся, полагая, что никто ничего не сломал – две ноги киборга были оторваны: одна под корень, вторая примерно посередине. Третья, варварски истертая, не шевелилась и просто ползла за ним

на манер хвоста. Остальные пять ног, вроде, функционировали исправно, судя по тому, что нас он умудрялся ни придушить, ни растерять. В голове зияла прореха, залитая какой-то металлизированной дрянью – раздрызганно и неровно. Тяжело пришлось нашему первопроходцу – не зря Цейса так огорчалась. Впрочем, «тяжело» – это было такое слово, которое пропитало каждую пядь Краптиса, включая и твердь, и воздух, и наши умы с телами. С умственной активностью, кстати, у киборга тоже что-то разладилось – Малыш иногда вздрагивал и невпопад сокращал некоторые из ног. Кроме того, он неловко оскальзывался, суетливо скребя по отполированному камню, как нашкодивший кот. Выглядело это не смешно, а удручающе. Кроме того, киборг выглядел слабым – тащил он нас с видимым усилием. Когда я посмотрел на донельзя обвешанных амуницией и припасами кверков, запоздало мелькнула мысль, что надо было бы связать отдельный тюк и тащить его... да хоть и втянуть на том же фале, прямо отсюда. Видимо, примерно о том же думали и кверки, так как злые они были до невозможности. А может багровые их лица свидетельствовали о многократно усиленных потугах – и то, и другое нам с капитаном следовало воспринимать с опаской.

Также скользя по гладкому, как каток, полу – ну не поворачивался у меня язык называть это безобразие землей – мы медленно продвигались все дальше вглубь пещеры, утопая в скудных барханах наносов. Малыш выполнял роль буксира,

а мы – балласта. Наши тщетные потуги продвигаться самостоятельно выглядели жалко и нелепо. Чем дальше вглубь, тем сильнее сужалась пещера, и стены ее становились все более шершавыми. Пол – тоже, но я уже не особо отслеживал особенности. Перед глазами все плыло, кровь бухала в висках, да еще свист ветра казался все более оглушающим. Метров через сто, когда вокруг сильно стемнело, мы увидели, как сужившийся скальный ход постепенно заворачивает за угол. Поняв, какая тьма будет там, за поворотом, я в последний раз решил осмотреть стены, будто боясь, что больше их не увижу. И, убого перевалившись на спину, вскоре заметил что-то искусственное. Настолько искусственное, что крикнул «стоп» несколько громче, чем следовало.

Процессия остановилась, и все воззрились на меня. Все, кроме Малыша – тот осел и замер. Я захотел ткнуть в направлении стены рукой, не смог – и яростно боднул головой в нужную сторону. Все тоже перевернулись на спину, и стали разглядывать заинтересовавшую меня стену.

Граница стен и потолка отсутствовала, свод был совершенно покатым. И, наверное, ближе к стене, чем к потолку мы увидели на темном камне нечто постороннее. Рисунок. Или надпись... Малыш, подчиняясь приказу, осветил участок стены поярче, и мы в подробностях смогли разглядеть начертанное. Разглядывать там, в общем-то, было нечего – какая-то черная блямба, загогулина. Совершенно не возникало сомнений, что это не природный нарост или даже чуж-

дое плоское существо – рисунок сильно истерся, и чем-то напоминал какой-то неведомый символ, или даже эмблему, будто тут водятся драконы. Черная, сильно неровная полоса загибалась подобием спирали, или эдакой стилизованной шестеркой, лежащей на боку. Некоторое время мы молча хлопали глазами, потом Фарч ехидно поинтересовался, точно ли кверки открыли эту планету? В общепринятых кверковских символах я разбирался неплохо, и эта загогулина совершенно на них не походила. Вообще ничем – это явно оставили не кверки. И, похоже, что очень давно. Это тоже было поразительно – рисунок, на манер татуировки, выглядел хоть и древним, но четким, несмотря на то, что поверхность истерлась довольно ощутимо – надпись имела толщину.

Малыш сгрудил нас кучей у стены, отсканировал рисунок, пару минут посидел в неподвижности и посеменил к выходу. Фарч проводил его задумчивым взглядом, насколько я разглядел этот взгляд в сильно сгустившихся сумерках.

– Снаружи связь... лучше? – услышал я в наушниках его голос.

Кверки не снизили до ответа. Что-то они на этом Краптисе совершенно распоясались, Фарч – все-таки капитан. Нельзя так. Я со вздохом опять посмотрел на черное пятно. Оно не было похоже не на один межгалактический язык, хотя в символике всех известных чужих я разбирался не сильно. Если надпись оставили вероятные местные жители – то-

же странно, что с такими продвинутыми технологиями работы с камнем они не используют поверхность своей планеты. Уж какой-нибудь форпост у входа могли бы поставить... Впрочем, какие тут, к черту, жители – вараны да змеи – больше тут никто бы не выжил.

Минут десять назад по моему телу начала растекаться слабость, и она все усиливалась. Сейчас, когда я подумал об этой слабости предметно, стало понятно: коктейль перестает действовать. Скоро мы опять превратимся в вялошевелиющихся, обессиленных заморышей – надо бы поспешить. Но спешить абсолютно не хотелось, хотелось спать. И есть. Я закрыл глаза, и решил хоть как-то отдохнуть, раз уж у нас получился такой спонтанный привал. Но вскоре вернулся Малыш, бесстрастно доложил, что «сообщение передано неоднократно, связь отсутствует», снова обвинил нас, каждого в районе груди, и мы отправились дальше.

Рывки Малыша мне очень быстро надоели – у нас что, нет другого способа передвижения? Мы все трое суток так и будем ползти на брюхе? Я попытался встать – не получилось. Сильный ветер вносил дополнительную нагрузку, это черт знает, что такое! Как жаль, что антиграв слишком громоздкий – это первейшая вещь в такой адовой обстановке, я бы лично выдрал его из корабля, дай мне кто такую возможность. Надо было сляпать хоть какие-нибудь тележки, санки... я был вне себя от своей беспомощности и злости.

Минут через десять после поворота Малыш включил свет

– слабый и рассеянный. И пол, и стены совершенно потеряли свою природную полировку, ползти становилось все труднее. Появились бугристые грани, неудобно лежащиеся под тело. От постоянного гудения воздуха я начал глохнуть, дышал все тяжелее, по лицу опять потек пот, норовя стечь к глазам. Фарч, насколько я заметил, почти перестал шевелить конечностями, кверки тоже двигались не особо активно.

Наконец, похоже, даже Севи устала. Малыш утвердил нас у покато́й стены и уселся сбоку, чем несколько перекрыл давящий из недр тоннеля воздушный поток. Кверки опять перекинулись несколькими непонятными фразами, затем Абвир объявил, что следует снова перейти на фильтры. Песок тут практически отсутствует, пояснил он, а кислород на всякий случай следует экономить.

Я обвел озадаченным взглядом нашу недвижимую компанию. Сказать-то боец это сказал, только сам он переключаться на фильтры не спешил – насколько я заметил. Или он переключился ранее?

Фарч зло скривился и переключил подачу воздуха в своем скафандре. Кверки смотрели на результаты этого действия внимательно, а я – озадаченно. Запоздало меня кольнул стыд – вообще-то капитан мог приказать перейти на местный воздух первому мне, как подчиненному – но он сделал это сам. В пику кверкам, по всей вероятности. Я, не дожидаясь каких-либо визуальных пагубных последствий у лаугха, тоже поспешно переключился на фильтры. Кверки восприняли

это как должное, а Фарч лишь насмешливо на меня зыркнул. Сам он, к слову сказать, выглядел очень паршиво – насмешка придала его, вздущемуся сизыми венами, изможденному лицу еще более страшное выражение. Он постарел, осунулся, и похоже, собирался вот-вот отдать концы. А его еще тут используют, как лабораторного мыша! Мне только сейчас пришло в голову, что первым за Малышом сидел капитан, затем я, дальше Абвир, и Севи – последняя. Это что, нынешний командный ранжир? Кто кого заслоняет от ветрюги? Если так, то меня оценивали больше, чем капитана. За навигаторские умения, надо полагать – черта-с-два они без меня долетят до Каоха: на прямой траектории им попросту не хватит топлива. А Фарч для кверков вполне являл собой разменную монету, пушечное мясо. И знал – или подозревал он об этом, похоже, с самого начала, еще на «Цветущем». То ли Гасс просветил, то ли и сам прекрасно изучил своих смотрящих, вдоль и поперек. Насквозь. Видимо, не первый раз они так высаживаются – я-то в основном отсиживался в рубке, и за потерпевшими по чужим планетам не бегал.

Я отвел взгляд и растерянно стал смотреть на противоположную стену. Ну да, градиент высших рас – это я уже слышал. Но лаугхи – высшая раса для нас, людей – так почему же капитан не обращается со мной так же, как кверки с ними же, каохцами? А может и обращаются, просто мне повезло с капитаном?

Я вздохнул и закрыл глаза. Чему быть – и катись оно все к

черту. Может, это ранжир, а может, мое воспаленное самомнение, какая разница... Мы, люди – так или иначе влезли в межрасовые разборки, хоть нам еще расти и расти до их технологий, даже до лаугхских. Значит, будем расти.

Воздух, меж тем, запах озоном. Насколько позволяли мне это определить фильтры. Слабо, но что-то такое в нем чувствовалось. И он казался несколько спертым, а скорее, в нем попросту недоставало кислорода. Или тяжесть вносила свои коррективы... но дышать мы могли почти свободно. Я очень редко дышал воздухом чужих планет, и именно этот мне не понравился – мне вообще тут ничего не нравилось...

Кверки тоже переключились на фильтры, затем Севи достала свой медицинский кейс. Я тут же начал пожирать его глазами, вытянув шею – сдается мне, в тот момент я очень сильно смахивал на наркомана, учуявшего заветную дозу. Но Севи на меня даже не взглянула – вколола дозу себе и бойцу и снова закрыла кейс. Я остолбенел.

– Вколите хотя бы капитану, – не выдержал я. – Он ведь не дойдет.

– Не дойдет, значит, умрет, – снизошел до ответа Абвир.

Вероятно, он думал, что сообщил мне великую новость. Я исподлобья смотрел на него, а потом на то, как безмолвно поднимается Малыш, и Фарч валится на меня от возобновившегося воздушного пресса. Я уперся рукой в пол, лишь бы не завалиться на кверков, но киборг уже взял на себя все заботы о нашем равновесии.

– У них свой коктейль, – выдавил Фарч, опускаясь на колени и ложась в привычную позицию. – Нашей мало. Экономят.

А, действительно – расы-то разные. Гасс как-то объяснял мне нюансы реакций организма на тот или иной препарат у особой различных рас... М-да – своего запаса у кверков должно быть хоть отбавляй... а нам, значит, только для экстренных случаев. Как будто этот первый день – не экстренный.

Мы продолжили путь. Абвир попытался идти на ногах, но очень быстро передумал – воздушный поток создавал лишнюю нагрузку, и тратить силы на ее преодоление было неразумно. Пока мы ползли вперед – и вниз, я снова стал думать о какой-нибудь тележке. Ведь нетрудно было сообразить, что четыре колесика и подобие рамы не самая большая тяжесть... а мы бы сильно сэкономили силы и время. Или миниатюрная платформа антигравы... или хитрые санки, на худой конец... волокуши...

Тоннель окончательно сузился, завихлял. Ползли мы уже по двое в ряд – кверки перед киборгом, а мы – за ним. Вернее, не столько ползли сами, сколько помогали Малышу – он мягкими, но протяжными рывками перемещал нас всех разом почти на метр дистанции.

Наконец, киборг остановился, и опустил на брюхо. Кверки перекинулись парой фраз: Севи властно, а Абвир – не соглашаясь. Мы с Фарчем за этой сценой не следили, нам

хватало и собственных проблем: мы не то, что ползти – лежать уже не могли. Видимо, врач это поняла, и пихнула локтем бойца. Тот достал из баула аккумулятор, и заменил его на извлеченный из киборга. Малыш погудев, загрузился – и устроил из своих щупалец подобие упругой лежанки, и всех нас туда водрузил, после чего довольно бойко посеменил дальше. На скольких ногах он там передвигался – я не видел, но прибить врачу мне хотелось нестерпимо, и думать я мог только об этом. Вот, стервь клыкастая – оказывается, можно было ехать на Малыше с первой секунды! Из каких соображений мы волохались почти час – непонятно. Уроды...

Абвир, похоже, был со мной согласен – он продолжал что-то доказывать Севи, пока та, по-видимому, не посоветовала ему заткнуться.

– Снимайте перчатки, – велела она нам, искоса поглядывая на постепенно понижающийся, бегущий над нами потолок. На то, чтоб стянуть перчатку, у меня ушло полминуты, а у Фарча не получалось вовсе – он как в полузабытьи вяло шлепал одной ладонью по другой. Я помог.

Получив инъекцию, мы в бессилии откинулись на спину. Я отщелкнул стекло, чтоб ветер освежил мою багровую физиономию, мигом ощутил, как у меня неприятно заложило уши и тут же получил удар по зубам. Не от ветра, а от нашего заботливого бойца.

– Закрой. – Он зловеще навис надо мной. Текстура его

шкуры, даже на морде, напоминала изюм, тускло белели огромные клыки. Я отстраненно подумал, что кожа у их предков когда-то была гладкой, а затем в силу неведомых факторов скукожилась... Меж тем, глаза кверка смотрели тупо и не мигая. Если мне и хотелось взбрыкнуть, то не в эту минуту – я захлопнул гермошлем и с ненавистью заглянул ему в глаза. При этом я с усилием сглатывал, чтоб прогнать звон в ушах, тут же до меня дошло, что это сильно смахивает на сдерживаемые рыдания, и сглатывать я прекратил.

– Еще раз что-то сделаешь без приказа – будешь ждать тут один, – посулил кверк. Глаза у него немного светились в темноте, или мне это так примерещилось. Я отвернулся, не в силах выносить его рожу. Меня всего трясло.

– Можете открыть, – ровно промолвила Севи. Я заскрежетал зубами – они взбесились что ли?! На корабле ведь были хоть и нелюдимыми, но беззлыми тварями! Грезот – вот кто всем надоед хуже горькой редьки, а эти? Какие аборигены их тут укусили, что они так измываются?!

Этого никто мне объяснять не собирался. То ли злость, то ли коктейль подействовали на меня, как глоток свежего воздуха, и я перевел дух. Уроды. Я скорее помру, чем открою стекло по их приказу...

– Спокойно, человек, – просипел полуоживший Фарч, словно Гасс, прочитавший мои мысли. – Выполняй приказы. И мы вернемся...

Я не ответил. Капитан и сам хорош – он тут, вроде, соби-

рался кого-то ловить в одиночку? Драться, в случае необходимости? Даровать смерть или спасение... Клоун! Строит из себя командира...

Я что-то еще собирался измыслить в этом же ключе, но тут Малыш в очередной раз остановился и опустил нас вниз.

Тоннель раздваивался. Но не это привлекло мое внимание – около правого ответвления на стене чернел такой же знак – лежачая шестерка. Кверки переглянулись, и заговорили опять на своем метрономьем языке – механически и безжизненно. Мы с Фарчем тоже переглянулись. Он мне подмигнул.

Фарч. Капитан. Подмигнул. Своим снулым, обвисшим, полузакрытым глазом. Даже как-то обнадеживающе подмигнул... я открыл рот и уставился на него во все глаза. Но на уместную сейчас улыбку его не хватило. А жаль, я уже понадеялся...

Перед развилкой была небольшая ниша в стене – будто в аккурат под скамейку. Малыш нас туда бережно угнездил, и скрылся в левом ответвлении.

– Обед, – объявила Севи. Абвир полез в один из своих баулов. Кверки, и даже капитан открыли свои забрала. Я, помедлив, отщелкнул свое. Глупо лишь облизываться, когда другие собираются подкрепиться, а ты уже изрядно проголодался. Но я рано радовался, еды мы не дождались: Абвир выдал нам лишь по паре таблеток. Та-ак... это мой последний рейд на «Цветущем», с меня хватит.

Фарч отправил таблетки в рот, и двинул подбородком, веля мне последовать его примеру. Я угрюмо проглотил пилюли и полез за флягой. Надеюсь, пить мне не запрещено? Абвир недобро покосился на меня, но ничего не сказал. Благодаритель...

– Не сердись, – снова просипел Фарч. – Они как машины. У них инструкция. Миссия. Чувств нет, лишь... необходимость. Ты привыкнешь.

Я промолчал. Обида все еще глушила меня, но вместе с тем сволочные кверки являли разительный контраст с донельзя очеловеченным капитаном. Ему было сейчас гораздо труднее, чем мне – но он еще находил силы поддерживать мое самоощущение, настрой. Гордость, в конце концов... Как плохо, оказывается, я их знал. Надо бы еще загнать сюда всех остальных – как они повели бы себя в той или иной ситуации? Меня это даже заинтересовало... Но совершенно случайно, первым я вспомнил о Грезоте – и прекратил свои вольные фантазии на эту тему. Реальность могла оказаться гораздо хуже моих предположений – или лучше, но экспериментировать мне что-то расхотелось. От добра, как говорится, добра можно и не дожидаться.

Севи вколола коктейль себе и бойцу, и они снова начали вполголоса переговариваться. Я закрыл глаза и пытался подремать, и для этого злорадно отключил наушники. Потом, когда чуть не заснул, снова включил – оставят еще тут спящего, с них станется...

Из тоннеля вынырнул Малыш, и сообщил нам, что через восемь рехтов тоннель сужается, и ему там не пройти. Чему равняется рехт – нам, естественно не сообщили. Мы с капитаном по этому поводу не переглядывались, смотрели каждый в свою сторону, и ждали куда нас поведут и каким образом. Тушкой, чучелом, своим ходом или вприпрыжку – нас абсолютно не интересовало, помрем от натуги, так помрем. Альтернативы нам предлагать не собирались.

Малыш споро водрузил нас на свое упругое ложе, и опять посеменял вперед. Кверки, насколько я сумел заметить, рассматривали стены, искали чьи бы то ни было следы присутствия, звериные норы, а я, ничегошеньки не соображая, валялся в полной прострации. Я смертельно устал, и метафоричность этой фразы все менее мне казалась таковой.

Малыш останавливался пару раз, и снова шел вперед. Потом на меня снизошла мысль, что становится жарковато. Я немного пришел в себя, ощутил, что я опять весь мокрый – и отключил постоянный подогрев скафандра. Тут Малыш очередной раз остановился и опустил нас вниз. Ход впереди мало того, что сужался – так еще и разветвлялся на пять рукавов. Эмблемы на стенах присутствовали, но еще нами не встреченные – лежачих шестерок среди них я не нашел – и вообще: это были не цифры, насколько я соображал в символах. Свет еле-еле высвечивал их – вероятно, Малышу приказали ярко не светить. Но, нет – Абвир еле выудил из баула тяжелый брусок, и снова поменял его на такой же, вынутый

из корпуса Малыша. И киборг, загрузившись, стал светить ярче. Вот это уже серьезно. Видимо, Малыша так шандарахнуло молнией, что энергопотребление у него замкнуло вполне серьезно. Интересно, далеко ли нам еще идти? И сколько мы уже идем? Мне даже время на стекло было лень вывести... а главное – сколько еще у нас аккумуляторов? Тут я отследил, что мысли пляшут у меня, как у безумца, и решил вообще ни о чем не думать. Черт с ними, с отклонениями – главное дойти до конца, сохранив рассудок, остальное не важно...

Мы опять уселись рядком, а Малыш скрылся в правом ответвлении, оставив нас в полной темноте.

– Всем открыть стекло гермошлема, – раздался вдруг в наушниках тихий голос Севи. Сон с меня как рукой сняло. Что там такое?

Мы открыли стекла, и вслушались во мглу, стараясь что-то услышать в невнятном шуме ветра. Ветер, кстати, и правда гудел едва слышно, и давление его почти не ощущалось. Лишь темнота в полной мере заполонила пространство... темнота! – вдруг понял я. Кверки не любят темноту – может, они поэтому так оскотинились? Сами чувствуют себя неудобно, а на нас срываются...

Додумывать эту новую мысль я не стал – в одном из тоннелей явно кто-то двигался. И уж точно не Малыш – эти шлепки напоминали чьи-то мягкие, торопливые шаги. Абвир, судя по характерным звукам, достал оружие, и перекатился ку-

да-то вперед. Перекатился! Почти бесшумно! Вот это коктейль, вот это я понимаю... и вообще, здорово он ориентируется в темноте – если бы я собрался кувыркнуться вперед, то вполне мог бы воткнуться головой в стену – где сейчас торчали эти неведомые стены, я понятия не имел...

Севи тоже зашевелилась на пределе слышимости, и снова затихла. Мы ждали, звуки приближались.

Из прохода появилось что-то живое, оно едва слышно то ли кряхтело, то ли порывкивало – но эхо усиливало малейший отзвук в разы. Рокочущие хрипы раздавались на высоте чуть меньше метра от пола – то есть зверюга была ростом с приличную собаку.

Севи включила фонарь. Перед нами стоял... уродливый ребенок. Или, вернее, карлик – для ребенка он выглядел больно страшно: вытянутая... морда – бугристая, словно слепленная из глины; слишком короткие ножки и чересчур длинные руки – это чудище явно не раз будет снится мне в кошарах. Глаза у него отсутствовали, и среагировал он не на свет, а на щелчок – упал на четыре конечности, и собрался было дать деру в обратном направлении, но нож Абвира уже полоснул его по горлу.

Раздался скрежещущий, мерзкий звук. Полилась кровь – темно-красная, почти коричневая. «Карлик» захрипел, упал и затих. Тут же наша безэмоциональная Севи, тугой пружиной – очень тугой – подскочила к Абвиру, и засветила ему такую оплеуху, что тот отлетел к дальней стене. Мне показало-

лось, что боец двадцать раз мог среагировать, отклониться – но остался покорно стоять, никак не защищаясь. Нежданное зрелище меня так порадовало, что я едва не застонал от наслаждения. Фарч тоже горлом издал странный звук, и я понадеялся, что это у него такой смех.

Ледяным тоном Севи высказала бойцу все, что сочла нужным – по кверкски, разумеется, – потом встала на колени перед карликом и перевернула его на спину, подсвечивая фонариком и внимательно осматривая. С ног до головы эту особь покрывала густая шерсть, ступни выглядели подобием копыт, а на руках я увидел недоразвитые пальцы.

Мы встретили разумное существо. Мало того, что оно предпочитало ходить на двух ногах, так под конец осмотра выяснилось, что копыта его легко снимаются – они оказались грубым подобием обуви. На ступнях у него шерсть не росла. Зато шею обрамлял какой-то широкий кожный воротник. Правда, шкура в просветах шерсти напоминала носорожку, а морда – лошадиную, но то, что в этой маленькой голове присутствовал разум, я был убежден. С другой стороны – знаки у дверей такими пальцами, как у него, начертать невозможно – это тоже всем было понятно.

Между тем, исследования врача через минуту мне стали неприятны. Она давила пальцами на те места, где у других животных наличествуют глаза, попыталась оторвать шейное обрамление, царапала ножом его шкуру, ступни, десны, вырвала недоразвитый коготь, попробовала вырвать клочок шер-

сти, простучала череп, полезла исследовать шейный порез изнутри, затем полоснула где-то ниже, стала выискивать в шерсти разные физиологические подробности... я отвернулся. Будь ее воля – так освеживала бы его прямо здесь..., впрочем, еще не вечер.

Послышалось характерное приближение Малыша. Севи загодя предупредила его, чтоб он не наступил в кровавую лужу, велела опять нас поднять и унести назад по тоннелю. Киборг подчинился, и спустя минут пятнадцать, мы были уже далеко. Труп мы взяли с собой. По пути Малыш отчитался о разведанном тоннеле, но, судя по отсутствию реакции у кверков – они даже не переспрашивали – ничего интересного там не нашлось. Выгрузив нас в некой точке мгlistого пространства, Малыш понес труп к выходу. После того, как затихли его шаги, в темноте раздался голос Севи:

– Мы собрали кое-какой предварительный материал, и теперь я хочу послушать что думаете об этом вы, капитан и навигатор.

– Планета обитаема, – помедлив, с трудом выдохнул Фарч. – Но непонятно насколько.

– Да, защищая нас, боец несколько погорячился. Но разговор с местными жителями мы отложим, пока я хочу услышать ваши предварительные выводы.

– Трудно говорить, – но это и так всем слышалось прекрасно. Фарч говорил настолько неразборчиво, что приходилось внимательно вслушиваться в его речь.

– Терпи. У меня осталось еще по три ваших дозы, а завтра вам должно стать еще хуже.

Прекрасно. На обратный путь нас явно не хватит... чертова планета.

– Сбежал не лаугх, – продолжал капитан. – Он бы не прошел, и не выжил. Это кверк. Я понял это... на их корабле.

Несколько секунд Севи молчала.

– Допустим. Дальше.

– У карликов есть... хозяева.

– Тоже вполне вероятно. Кверки?

– Нет. Чужие.

– Еще что-то?

– Можем не успеть. Найти...

– Понятно. Теперь, человек. Что думаешь ты?

– У меня есть имя, кверки. – огрызнулся я.

– Не дерзи... – задумчиво обронил Абвир, но меня уже понесло: – А кроме того, у меня есть капитан. И разговаривать я буду только с ним.

От прилива адреналина у меня появилась одышка, и в груди опять закололо. Я потер ее кулаком – морщась, и мысленно проклиная всю эту авантюру.

– Капитан, ты готов выслушать подчиненного?

– Готов... – голос Фарча становился все тише с каждой репликой. Я смутился и прекратил выпендриваться, все равно этих кверков не прошибить...

– Хорошо, я буду говорить с тобой... У меня есть версия,

но она настолько глупая, что ее лучше и не высказывать.

– Любая вероятность имеет право на существование. Говори.

Я цокнул языком. Ну как об этом можно говорить всерьез?..

– Я расскажу, но вам может не понравиться. В смысле, вам, как расе кверков... – я сделал паузу, но не дождался протеста и продолжил: – у нас на планете есть... легенды. Сказки.

Говоря, я понял интересную закономерность: чем громче я говорю, тем мне больнее. И я начал говорить тихо, как капитан.

– Так вот. Одна из древних сказок разрослась в целую отрасль виртуального искусства: книги, фильмы, игры... В этих сказочных... мирах четыре главенствующие расы. Одни сказочные существа живут там на огромных деревьях...

– Правда? – удивился Фарч, несколько громче, чем обычно.

– Правда. Но они на вас не похожи совершенно. Вторая раса – злобные, глупые твари, один другого страшнее. У них, как правило, изо рта торчат клыки...

Я вздрогнул, так как почувствовал дыхание Абвира в сантиметре от моего лица.

– Когда мы вернемся, я проверю твои слова, человек.

– Да на здоровье... – я подождал, пока боец уберет от меня свою жуткую рожу, – итак: третья раса – маленькие, грубые

малыши, будто сделанные из камня... живут под землей.

– Какие у вас интересные сказки... – пробормотала Севи.

– И четвертая...

– Человек, – выцедил Абвир, как выплюнул.

– Нет. Люди там присутствует редко. Четвертая раса – огромные летающие ящеры... Если пририсовать крылья... рисунку на стене, то отдаленно похоже.

Меня слушали в гробовом молчании. Я и сам обалдел от целостности рассказанной картины – раньше эти сходства меня только забавляли.

– Вот и все, наверное. Там много других рас, но ни десмийцев, ни мокрых нет...

– Я испытываю жуткий интерес... – медленно проронила Севи. – Продолжай наблюдать, человек.

– Мне даже наблюдать больно... – буркнул я.

– Ты тоже терпи. Я слышу приближение Малыша. Обедает, и идем дальше.

6. Приглашение

Грезот маялся вынужденным заточением и не находил себе места от целого вороха далеко идущих планов и сопутствующих им мыслей, сокрушавших его мозг. Час шел за часом, а новостей с поверхности не поступало – оставалось лишь сидеть и думать, сидеть и думать! Кибернетиха рвала и метала, если кто из присутствующих на корабле высывал свой нос из каюты. Ей, видите ли, мешают! Одним своим присутствием: буханьем сердца, сопением, топотом... – когда-нибудь он разорвет эту извивающуюся, возомнившую о себе тварь в мелкие клочки, и на корабле будет куда спокойней. Она метит на его место, это и кухонному комбайну понятно! До открытого столкновения дело пока не дошло, но скоро она у него дождется! Хотя... глупо махать кулаками перед семируким чудищем, загодя чувствующим каждый твой жест – нет, здесь надо придумать что-то пооригинальней! Неплохо, если б она что-нибудь напортачила. Ошиблась, испортила, не оправдала... да, кстати – она уже и напортачила! Она, и вся ее хваленая, дессмийская электроника!! Где связь?! Связь-то с капитаном – где?! С Малышкой своей – и то она отсюда контактировать не способна! А потому что не надо выпендриваться! Всяк знай свою вахту! Ишь, лезет...

Грезот вскочил и начал в возбуждении вышагивать по каюте: инстинкт уларка – выжить любой ценой! – заработал в нем на полную: нет, это так оставлять нельзя, это уже вопрос политический! Стратегический вопрос! Ишь, стерва – строит из себя угрозу! Нич-чегошеньки не соображает ни в физиологии, ни в тактике, ни в дисциплине – но пасть раскрыть всегда готова!

Его хотят заменить! Кто? Лаугх? А может сама Мать? Его, прошедшего горнило Уларка! Войну, чес бригад усмирения, плен, перековку лиги! Он!!! Он стоял у истоков этого экипажа, он сам его набирал! Тестировал!!! Фарча с Плухом кто Матери подобрал? Грезоттиварзокуттихрохт! Гасса, мегасвязь их команды – кто выбрал? Грезоттиварзокуттихрохт!! Криса, трудолюбивого, как андроид, кто посоветовал?..

И вот она – благодарность! «Она права, сейчас ее время»... – это как называется? Жопорукая села в лужу, опозорилась – и что? А ничего, мол, «подучись немного». Это она-то! Это ей-то? Эх, капитан, капитан... пригред гидру на своей груди... Но скоро вам всем придется убедиться: только Грезот способен управлять этой шайкой бездельников! Только Грезот!!!

На последнем, кульминационном умозаключении старпом решительно распахнул дверь, и заглянул в рубку. Бездельники сидели там как ни в чем не бывало и беседовали!

– Уларков мне только не хватало... – удрученно провор-

чала Цейса. Она все так же находилась за пультом, погрузив в него свои псевдоруки, но зашедших в рубку уже не гнала. Рядом с ней расположились Плух и даже Гасс. Пилот раскачивался в кресле, и глубокомысленно, вдохновенно вещал. Не замечая того, что при своей манере речи, это выглядело комично:

– Вы! Совершенствуете разум... а эмоции – деградируют! Мало того – вытравливаете из себя... чувства! Пекло Каоха, вы! Скоро станете... кверками! Стальные нервы! Мертвые лица! Чувства – основа... жизни! Основа! Вы забыли это! Забыли! И вам... приходится! Усиливать их... искусственно! Роботы! Пепел в сердцах... вакуум в душах! Регресс жизни – сознательный! Деградация...

– Как много велеречивых слов и опрометчивых выводов из-за наличия у отдельно взятой расы всего лишь одного небольшого устройства...

– Усилитель... эмоций! Нонсенс! Тем более – паники! Что за Пекло... заставило вас! Изобрести! Вообще – усиливать! Панику! Зачем?!

– Дорогой мой, ты даже не представляешь, какие неопишываемые опасности таят черные глубины нашего Карванга! Тем более для молодняка! Их могут привести в чувство лишь подобные волновые паникеры, действующие на уровне инстинктов. Все остальные запреты они в большинстве своем игнорируют... Еще и распределяются по такой огромной акватории, что без усилителя никак не обойтись...

Рядом с присутствующими – на столе – лежала маленькая коробочка, размером с ладонь, и именно в эту коробочку изредка тыкал Плух – обвиняюще и торжественно. Грезот лишь мельком скользнул взглядом по усилителю – вот он, его шанс! Гасс с интересом следил за спорящими, получая истинное удовольствие – видимо он читал в их пустых головах также и всю невысказанную аргументацию. На Грезота биолог, похоже внимания не обратил, и уларк восславил отсутствие у мокрого любопытства. Тем не менее, мысли нужно срочно изменить на привычные. Гадливо окинув помещение опытным, оценивающим взглядом, Грезот тут же нашел на полу мусор и безапелляционно ткнул в него указующим толстым пальцем.

– Опять гадюжник устроили из рубки? – хмуро поинтересовался он.

Цейса даже не прервала свой ответ – из ниши тут же вылез уборщик, и пополз в нужном направлении. Грезот погрозил праздной компании кулаком, и удалился к себе, бормоча про бездельников, нерях и лоботрясов.

Ту полумысль, что нужно дождаться, когда мокрый уснет – он задвинул глубоко в недра сознания, и оставшемуся в рубке Гассу в голову не пришло в этом сознании копать. Лишь скользнув по привычному брюзжащему негативу уларка, Гасс брезгливо постарался выкинуть это краткое появление начальства из головы, вновь сфокусировавшись на интересной дискуссии.

* * *

Абвир безошибочно указал на тоннель, из которого вышел карлик. Малыш туда не помещался, так что за языком пришлось идти кверкам. У киборга были встроенные дроны, но бесшумно летать при таких нагрузках они не умели. Да и управлять ими могла лишь Цейса, и от них сразу отказались еще на корабле, иначе Севи нужно было вживлять не чип, а системный блок. Пришлось идти самим. Тут требовалась максимальная скрытность – если беглец с каохского корабля наладил контакт с местными жителями, он мог уйти очень далеко. Кверки послали Малыша в соседний коридор, а сами, скинув скафандры и выбрав нужное оборудование, нырнули в свой. В специальных очках, позволявших видеть в темноте, и с прочими хитрыми устройствами.

– Вы не покинете нас, капитан? – спросила Севи напоследок. – Я ведь расстроюсь...

Фарч смотрел ей в отражающие стекла без всякого выражения. Это последнее, что я увидел – Малыш нырнул в темноту, и нас поглотила тьма. Кверки тоже ушли, мы остались одни.

Когда удалились и затихли невнятные шорохи разведчиков, Фарч растянулся на спине. Дыхание его мне очень не понравилось.

– Вы ведь не покинете нас, капитан? – угрюмо повторил

я. – За каким херхом вы вообще сюда сунулись?..

Фарч не ответил. Ему, похоже, было не до меня. Но я ошибался – посопев с минуту, он вывел меня из задумчивости.

– Много причин... Миссия лиги, семейное дело... – он помолчал. – Скажи мне. Ваши сказки... это правда?

– Вряд ли. Не знаю насчет правды, но эти старые, выдуманнные истории до сих пор у нас очень популярны. А основаны они на таких древних сказаниях, что сейчас уже и концов не найти – не исторических, ни лингвистических – по какой причине их принялись выдумывать.

Фарч закричал, как старый дед, силясь подняться. Я попытался помочь, и чуть не обезумел от натуги. Мышцы одеревенели, их сковывала немощь и боль. Фарч, скривившись, мотанул головой, и остался лежать. Хрипло отдышавшись, он продолжил:

– Ты сказал... не все. Утаил...

Кислая улыбка в кои-то веки искривила мой рот:

– Недорассказал... причем, самое интересное.

– Не поделишься?

– Охотно, но после вас. Что вы увидели такого на мертвом корабле?

Фарч издал невнятный горловой звук, и, спустя секунд десять, нехотя ответил:

– Я уже говорил. Каюта смотрящих. Они... выжили. Взяли необходимое.

Теперь уже помолчал я. Все обстояло намного глупее, чем

я ожидал. То есть капитан знал, что беглец – не Хамоз... и все равно сунулся на планету.

– И почему вы этого не сказали?

– Меня бы... не взяли. Смотрящие. Но эта... операция – моя. Устав лиги...

Меня едва не пробрал смех. Устав! Отдать ему жизнь и здоровье – это по-лаугхски...

– Вы сумасшедший, капитан. А насчет сказок... я поделюсь некоторыми нюансами. В наших выдуманных мирах царит мощная сила, которая... доступна не всем. Обычно – ящерам и жителям на деревьях. С ее помощью... можно творить любые чудеса... противоречащие законам физики... медицины... и закону сохранения энергии. Можно... стрелять голыми ладонями, мгновенно перемещаться на дальние расстояния...

– Бред...

– Бред, – легко согласился я. – Сказки. Но меня больше интересует, что на Краптисе... и под ним... использовать весь тот груз из трюма нельзя. Негде.

– Да... и нам не выжить... здесь... Но везли сюда.

Я тоже растянулся на полу, прислушиваясь к малейшему постороннему шуму. Все было тихо. Реплика капитана не требовала ответа, да у меня его и не было.

– А больше всего меня интересует, зачем вы взяли меня.

– Ты... моя команда, Крис...

После этого мы надолго замолчали. Мне нужно было

прийти в себя: устоявшийся порядок летел в тартарары, загадки возникали – одна другой глупее. Действия окружающих выносили мозг. Ну бре-ед же!

Вернулся Малыш, и застыл в неподвижности. Я включил ночной режим – посмотреть, не принес ли он кого-нибудь с собой? Нет, не принес. Я со вздохом отключил опцию ночного видения – аккумуляторов к скафандру мне не выдали, и еще не факт, что выдадут – так что пусть мой скафандр просто будет одеждой – легкой, непроницаемой и удобной.

– Есть новости? – слышалось из темноты со стороны Фарча. Малыш помедлил, а потом, видимо, вспомнил о капитанском допуске.

– Обнаружено поселение неизвестной расы, капитан Фарч.

Я прищурился. Вот оно... началось.

– Далеко?

– Двенадцать рехтов, капитан Фарч.

– Чтоб ты обсох! Пекло Каоха!!! – рывкнул Фарч и подавился кашлем. Сипло прочистив горло и переведя дух, он выдавил: – Ты говоришь... с лаугхом! Полный доклад!

– Километр и сто четырнадцать метров. Предоставлять полный доклад я вам не уполномочен, капитан Фарч. Прошу снисхождения.

Воцарилась тишина. Я тоже начал злиться:

– Присутствуют ли в поселении особи известных рас?

– У вас нет нужного допуска, навигатор Крис. Прошу

снихождения.

Меня пробил нервный смех, и я тут же охнул: грудь опять кольнуло. Кстати, сколько мы уже не получали коктейль – а уже попривыкли... что врачиха там несла про то, как нам завтра будет хуже? Я завтра ее еще обгоню. Устал я, правда, невероятно.

– Сколько времени мы уже здесь?

– Вы покинули десантный бот семь часов и четырнадцать минут назад, навигатор Крис. Вам следует вывести часы на лицевой экран.

Я так и сделал, подавляя острое желание как следует пнуть этого умника. Правда, вывел не часы, а таймер. После чего, поворочавшись, закрыл глаза.

Разбудили меня голоса. На кверкском. Бубнили они вполголоса и недолго. Я почувствовал, как возношусь на Малыша, и опять еду неизвестно куда. Когда меня сгрузили, таймер показывал, что прошло минут сорок. До прилета корабля оставалось почти шестьдесят четыре часа. Тут Малыш дал освещение, и я увидел очередного карлика, он был без сознания. В сознание, впрочем, его привели быстро. Далее началась нудная изучение чужого языка – у Малыша имелась специальная программа. Нам о ней рассказывали еще в космошколе, и тогда ей восхитился весь наш класс – с ее помощью можно было общаться и с людьми, и с собаками, и хоть с пингвинами. А может даже и с пчелами, только такие эксперименты десантниками не ставились. Я дремал в рваном

ритме часа три, пока они налаживали диалог. Когда я снова услышал общегалактический, постарался прийти в себя, и наострил ухо. Дело, насколько я понял, обстояло не лучшим образом. Карлики называли свою расу кучей ворчащих звуков, и Фарч с кверками решили называть их вурвами, по созвучию. Так вот: этого вурва Малыш понимал сносно, а он Малыша не понимал вовсе. Свои же, записанные реплики он игнорировал, или отвечал какой-то ахинеей.

– Нужен Гасс, – заключила Севи. Мне впервые почудилось в ее голосе раздражение.

Вурва окрестили Варваром – тоже по созвучию – что меня изрядно позабавило – и втолковали ему, что нас бояться не надо. Подарили кусок фала, опоясав его и показав, как это удобно. После этого Варвар осмелел и принялся нас убеждать, что его следует отпустить обратно, и поживее.

– Так, – подвела итог Севи. – Мы сейчас дружно напрашиваемся к нему в гости, а Малыш выходит на поверхность. Там он как угодно сообщает Цейсе, что нам нужна связь. Пусть поторопится со своим усилителем – нашему капитану все хуже.

Я скосил глаза, и увидел неподвижную фигуру Фарча. Он то ли спал, то ли был без сознания. Меня опять кольнула мимолетная ненависть и к планете, и к ее обитателям. Во главе с трижды проклятым искомым беглецом.

Малыш получил инструкции, и скрылся в темноте. И тут Варвар вдруг заверещал так, что мы опешили. Он всячески

давал нам понять, что Малыш ушел неправильно. Топая ногами и тыча руками в сторону выхода из пещер, он ворчал громко и гневно. Это мы увидели во всех подробностях, когда Абвир увеличил яркость рассеянного освещения.

– Варвар, – мило позвал я его, как ребенка. Он обернулся ко мне, на мгновение замолчав. Я стал показывать, как возвращается Малыш, но быстро сообразил, что он моей пантомимы не видит.

– Кто-то из вас должен изобразить, что он вернется, – быстро сказал я кверкам. Но Абвир пропустил мои слова мимо ушей, взял вурва за руку и потянул его обратно к пяти развилкам.

– Домой! – убеждал он своим механическим голосом. – Пошли!

Варвар послушно побрел обратно, но гневно тыкать в сторону ушедшего Малыша не перестал. А ведь он не гневно тыкает, вдруг подумалось мне...

– Он боится, – сказал я вслух. – Сильно боится, что Малыш ушел. Но с нами он прям-таки подружился, так что боится он не самого ухода... он боится того, что Малыш ушел именно в ту сторону!

Последнюю фразу я почти выкрикнул, озаренный своей догадкой. И Варвар тоже всячески показывал нам, что Малыша нужно возвращать. Страх все больше проявлялся в его жестах и ворчливых репликах – он даже начал приплясывать.

– Он знает, что там... – послышался вдруг старческий голос капитана. – Там смерть.

– Нет, Фарч – задумчиво проговорила Севи. – Там не та пылевая смерть, о которой ты подумал. Там – небо. И равнина. Это для них смерть. От испуга. Наши предки когда-то так же боялись темноты. Освети, Кверк, их души...

Вот оно как. То есть, все-таки раньше они боялись хоть чего-то...

Абвир от растерянности выпустил руку Варвара, и тот бойко подскочил к Севи. Тыча рукой, он, захлебываясь, убеждал в чем-то Севи со всей доступной ему страстью. Затем схватил себя за пояс, потянул в сторону развилки, и опять стал тыкать наружу, уже не ворча, а подвывая. Мне стало его жалко. Но как ему что-то объяснить, когда мы немые, а он – слеп, я не понимал абсолютно.

И я стал подниматься на ноги. С сидячего положения – на четвереньки, по стеночке, упираясь и пыхтя. Со второго раза мне это удалось. Некоторое время я унимал взбесившееся дыхание и прогонял вязкую дурноту в голове.

– Варвар, – позвал я его, хрипя, как астматик. Тот безошибочно подсеменял ко мне, и опять стал тыкать в сторону ушедшего Малыша, тоже безошибочно. Ориентировался он просто мастерски.

– Да... да, – успокаивающим, ласковым тоном, хоть и сипло, выдавил я: кверки на такие интонации были физиологически не способны. Затем, я взял его рукой ткань своего ска-

фандра, и потянул себя к развилкам, прочь от выхода. Как он обрадовался!

– Вир-вар-вар... – подвывал он, настойчиво волоча меня в сторону развилки, приплясывая от возбуждения и тыча в другую сторону. – Вир-вар-вар!..

Я сделал пару шаркающих шагов, и обессиленно уперся руками в колени. Вурв тут же рухнул на четыре конечности, и подставил мне свою крепкую спину. Я аккуратно на нее оперся, и проковылял еще два шага.

– Да... да, – ласково повторял я ему, не обращая внимания на полыхающие перед глазами сизые звезды, а затем, не глядя, обратился к кверкам: – так гораздо легче, подведите, пожалуйста, к нему капитана... ему, похоже, совершенно не тяжело.

– Когда это ты стал таким компетентным лингвистом? – поинтересовалась у меня Севи без тени иронии. Абвир, тем временем, поднимал Фарча.

– С тех пор, как научился проявлять заботу. – В тон ей ответил я, без малейшей издевательской нотки. – Забота сильнее страха, и он... с удовольствием доведет меня... хоть до собственного дома. Не одного, так другого дурака спасет... Хорошо бы, чтоб Малыш появился с другой... стороны. Он теперь может его испугаться...

– Не получится. А лишать его сознания больше не стоит, будь как будет.

Я плохо помню, как прошел этот десяток шагов – перед

глазами мельтешили цветастые круги, дурнота подкатывала к горлу, нестерпимо хотелось лечь. Проковыляв эти шаги, я так и сделал, послав все к чертям – я вовсе не был уверен в крепости своих дрожащих коленей, они постоянно норovali подломиться не вовремя. Успокоив дыхание, я посмотрел на Фарча, и мне стало стыдно. Он сопел, кряхтел, всем весом навалился на Варвара, но упрямо переставлял ноги. Проникшись стойкостью капитана, я опять пополз по стене вверх, стискивая зубы и изуверски понося всю эту эпопею. Кружилась голова, в груди жгло, в висках ломило – но все это мало кого интересовало. Меня самоотверженно спасали, и нужно было соответствовать моменту.

Минут через десять кверки затеяли очередной разговор – и речь их, многократно отраженная от покатых сводов, заполонила все пространство вокруг нас. Но Варвар все равно бдительно останавливался, напряженно вслушиваясь в темноту – видимо, слышал что-то постороннее. Я похлопал его по спине, как пугливую лошадку, и забормотал успокаивающие реплики – в основном, посредством междометий. Вурв, не снижая шага, повернул ко мне свою жуткую голову, и опять заворчал по-свойски, с жалостью и опаской. Сквозь мутную пелену в глазах я едва различал и его морду, и речевые интонации. Фарч, маячивший сбоку, дышал так, будто его душили – вернее, уже почти додушили. Я собрался было поинтересоваться о привале, но тут нас нагнал Мальш. Варвар, как пришпоренный, взбрыкнул, заголосил, и отбе-

жал подальше, благодаря чему мы с Фарчем дружно грянулись об пол – я едва не расколотил свой шлем, а капитан, по моему, вообще отключился. Мне тоже пришлось несладко; сгруппироваться я не успел – все тело ломило и болело теперь так, будто я, подобно киборгу, брякнулся о планету без малейших средств защиты. Я понял, что в ближайшие сутки на ноги мне уже не подняться.

Малыш остановился перед Севи, безмолвно с ней пообщался, и разразился ворчливой тирадой на языке местных жителей. Варвар орать перестал, перешел на две конечности и, опасливо переминаясь с ноги на ногу, опять заворчал что-то плаксивое.

Я перевернулся на спину, хрипя и матерясь – даже это было очень больно. Ни вурвов, ни кверков я уже видеть не мог. Свое участие в экспедиции на сей момент я посчитал законченным, и готов был к любому решению кверков-поводырей по поводу моей недвижимой персоны. Я устал! И идти, и спорить.

Малыш вступил с Варваром в диалог, и через какое-то время вурв даже о чем-то с киборгом заспорил. Судя по напряженной собранности Севи, разговаривала все-таки она, а Малыш только переводил. Абвир, тем временем, подошел ко мне и бегло ощупал мои ноги, полностью игнорируя мои стоны, проклятия и нелицеприятные восклицания.

– Похоже, сломал... – высказался он вполголоса. – Придется тебе подождать нас здесь.

Ничего иного я от него и не ждал, а когда он подсел к капитану, стал с ненавистью рассматривать потолочный свод – бугристый, грубый и все такой-же зеленоватый. Скучного света скафандров хватало, чтоб разглядеть основные неровности – ничего особо инопланетного я в них уже не видел.

Кверк ощупал безмолвного и недвижимого капитана, помедлил пару секунд, поднялся и отправился к Севи – но она предостерегающе подняла руку. Я тоже посмотрел на Фарча оценивающе, и помрачнел: капитан походил на труп, и очухиваться не собирался. Похоже, кверкам придется дальше идти только с Малышом, ну и с нашим новым знакомым.

Спорящие, наконец, замолкли. Севи устало потерла лоб, и взглянула на бойца. Тот в двух словах обрисовал ситуацию. Достав из своих баулов какую-то машинку, врач через эту машинку осмотрела сперва мое тело, затем Фарча.

– Принеси аммиак, – бросила она Абвиру, и встретилась с моим взглядом, полным ненависти и бешенства.

– Кости целы, ты просто ушибся. Нужно идти дальше.

Я захохотал, подавился и закашлялся – жжение в груди навеяло аллегорию, будто аммиак плещется в моих легких. Даже не аммиак, а кислота.

– У Фарча тоже все цело – ему повезло, кости у него куда слабее твоих. Удачно упал...

Я не ответил. Дыша, как в припадке, я снова перевел взгляд на бугристый потолок. Мы вообще тут шествуем весьма удачно, насколько я заметил... полсуток долой, а мы еще

живы. Не считая бедолаги-вурва, неосторожно повернувшегося к кверку спиной.

– ...Я убедила нашего подземного друга, что мы не опасны. И вы очень вовремя отшибли себе опорно-двигательный аппарат – ради вашего спасения он приглашает нас в свое поселение. Удача пока на нашей стороне.

Снова смеяться я поостерегся.

Я мерно покачивался на спине киборга, и все так же разглядывая извивы минеральных жил на потолке – я мог дотронуться до него рукой, если бы захотел. Потом я заметил, что проход снова расширяется – потолок плавно подался вверх. Перед отправлением кверки сняли с нас скафандры, раздели и обильно намазали нашу синюшную кожу какой-то пахучей гадостью. Я хотел было заикнуться о возможных инопланетных вирусах, но кверки действовали уверенно – видимо, их предыдущие высадки ничего опасного здесь не обнаружили. Севи чинила нас как неисправного корабельного полотера – механически, без малейшего оттенка брезгливости, либо участия. Легкая сосредоточенность мелькала в ее движениях – и то, я не был уверен, что мне это не померещилось. Варвар подошел ближе, и жадно «разглядывал» наши методы лечения. Разглядывал, разумеется, не глазами – всем телом: у него подрагивал воротник и раздувались ноздри – он нагнул в нашу сторону голову, и будто впитывал невидимую для него картинку всей своей кожей, мало чем

отличающуюся от рельефа потолка. Капитан пришел в себя, нас накормили какими-то цветными пилюлями, причем долгожданного коктейля мы так и не дождались, – и потихоньку тронулись в путь. По дороге киборг с Варваром трещали органами речи без умолку, как закадычные друзья. Насколько Севи при этом выглядела сосредоточенной, я не видел. Да и не интересовался, честно говоря.

Скафандры на нас так и не одели – это на поверхности я бы замерз, а чем дальше мы удалялись от места высадки, тем мне становилось теплее. Я уже перестал лязгать зубами, как во время лечебных процедур, а вот Фарч, привыкший к более теплomu климату, без скафандра зябко ежился и поводил плечами.

Вскоре запах озона показался мне доминирующим. Я кое-как перевалился на бок, и, глянув вперед, охнул: далеко впереди коридор становился еще более высоким, и на его потолке плясали отсветы грозовой иллюминации, царящей пока за пределами нашей видимости. Странно только, что я не слышал грозовых раскатов... Тут у меня заныла шея, и я снова лег, попутно сосредоточенно соображая. У Варвара морда вытянута – это как-то можно понять: полжизни они передвигаются на четырех конечностях, и если у них и были когда-то нормальные лица, то в результате природных особенностей морды их несколько... отвисли. Это ладно. И отсутствие глаз у подземных жителей тоже можно было бы понять, если полагать, что под землей тьма тьмушая – а тут выясняется, что

у них под землей светло! Странно. Либо это локально освещенное место, либо глаз нет только у некоторых... особей. Либо эти вспышки появляются не всегда. Либо, не везде. Либо всегда, но появились они не так давно... м-да, гадать я могу сколько угодно. Пока еще рано делать выводы.

Когда селение открылось нашим взорам, Малыш остановился. Я опять, извернувшись, глянул вперед – и не смог сдержать вздох потрясения, чем заставил Фарча заворочаться – он тоже захотел посмотреть на это чудо. Молнии змеились по многократно раздавшейся пещере во всех направлениях, по вполне земным проводам, развешенных по потолку. Я, окаменев, разглядывал яркий, висящий шар, буквально полыхающий разрядами. Колдовским сияющим солнцем висел он в центре свода и голубыми лучами от него разбегались в разных направлениях провода. Я бросил взгляд на своих спутников – все стояли, как громом пораженные, даже кверки. У Фарча в глазах страх смешался с недоверием, однако он смотрел не на селение, а на меня. Я с испугом окинул себя быстрым, настороженным взглядом, а потом вспомнил свои рассказы, и страх пронзил уже меня – фантазии мои воплощались в реальность вполне недвусмысленным образом. Эти разряды мало походили на фэнтезийную магию, но аналогия напрашивалась именно такая, и это меня пугало больше всего.

Я почувствовал чей-то напряженный взгляд, повернул голову в еще более неудобное положение, и увидел, как кверки

разглядывают наши с Фарчем испуганные переглядывания. После чего шею пронзила боль, и я поспешно отвел взгляд, придав голове, а заодно и телу – максимально комфортное, лежачее положение. Малыш опустил меня к самому полу коридора, и я, скосив глаза, разглядел лицо подошедшей ко мне Севи. Взгляд у нее был по-прежнему деревянный, но в ее вопросе мне послышалась угроза:

– Не утаил ли ты чего-то важного в своем рассказе, человек?

Я беззвучно хмыкнул, не представляя, что мне ей отвечать. Рассказать про магию? Файерболы? Чей-то-там-глаз на столбе? Взгляд-то у нее бараний и чаяния такие же – но я-то бараном не был! Совпадения эти – раз за разом – превращали нашу серьезную, сложную миссию спасения чудом уцелевшего беглеца – в фарс; сказочную байку – в маршрут поисков, а меня – в идиота-конспиратора: все прекрасно видели, что это не сказочная магия, но врачаха с меня не слезет, пока я не изложу ей известные мне заклинания великих, но все же выдуманных магов.

– Да, – разомкнул я уста. Говорить мне было адски тяжело. – В сказочных наших мирах... присутствуют мощные, сказочные силы... какие твоей душе угодны. Но подземные жители, если уж... вникать в подробности... ими пользоваться не умели!

– А они могут и не уметь. Я подозреваю, что они просто хранители всей этой... подземной станции. Или ты думаешь,

что конденсатор к потолку подвесили эти малыши? Не умея ни видеть, ни внятно выражать свои мысли, ни построить себе хоть какие-то жилища?

Я скосил глаза. Действительно, в селении отсутствовали дома. Я заметил лишь убогие перегородки из наваленных камней, среди них вурвы и ютились. Я обессиленно закрыл глаза. Ну что ты тут скажешь...

– Хорошо, – саркастически выдавил я. – Как только я увижу... пролетающего мимо ящера... я отнесусь к древним... легендам нашего мира со всей... серьезностью. А пока я вижу тут... стойла ворчащих животных, и чей-то... накопитель грозовой энергии. Ничего сказочного!!!

Последнюю фразу я зло прорычал, из-за чего перед глазами снова вспыхнули цветные блики, и все поплыло. Эти аналогии меня уже порядком достали.

Я разглядел, как Севи серьезно кивнула, и взглянула на Малыша. Тот поднял меня обратно.

– А беглец где? – задал Фарч вопрос сезона.

– Похоже, отсюда он ушел. Не знаю, надо ждать Гасса.

Мы начали спускаться к селению.

7. ЖЕРТВЫ

Цейса решила переделать усилитель, пока мокрый будет отсыпаться перед сеансом связи – энергии на ментальный контакт у него уйдет – море. Видимо, сеанс очень сильно понадобился спасателям, раз они выгнали Малыша из подземелий. Кое-как с третьего раза, с пятого на десятое Цейса киборга поняла; тоже несколько раз отослала ему подтверждение – и тот снова пропал с поверхности планеты, а заодно и радаров.

Поняв, что в ближайшее время пульт ей не понадобится, и отправив Гасса спать, кибернетик занялась прибором. Нужно было просто перенастроить эмоциональные сенсоры, и поработать с контактами – слизень и головоног, все-таки, не одно и то же – нервные окончания несколько отличаются.

Опять пришли гости – Плух с Грезотом. Цейса их привычно тактильно поприветствовала, после чего Грезот угнезвился за пульт – тестировать корабль, а пилот подсел просто поболтать. Маялся он невероятно – беспокоился и за капитана, и за остальных. Незнание и тревога его изматывала, выводила из себя.

Между делом Цейса рассказала, что внизу обстановка все сложнее и сложнее – но под землей обнаружилась новая раса, и ребятам срочно понадобился Гасс – коммуникабель-

ность аборигенов оставляет желать лучшего. Беглеца им не найти, он куда-то исчез. Кроме того, капитан сильно сдал, и до обратной амбаркации может и не дотянуть. Поэтому она срочно занялась усилителем для мокрого. После этого пилот тут же уселся рядом, уставился на перенастраиваемый усилитель, и стал донимать вопросами:

– То есть, связь с группой... все-таки есть.

– Нашу связь с Малышом практически невозможно экранировать, Но Краптису почти удалось даже это.

– А эта коробочка... тоже? Прошибет планету? То есть, атмосферу. Насквозь? – голос Плуха сквозил явным недоверием.

– Должна, – с иронией ответила Цейса. – Мысленную передачу невозможно экранировать хоть целым каскадом песчаных и грозовых туч. У меня другая дилемма – нужно, чтоб Гасс захотел это использовать.

– Не понял...

– Дело в том... – она, наконец соединила мнемоклеммы, и аккуратно стала закрывать крышку. – В том, что... ему придется как-то вживить это в свой организм, чтоб контакты... замкнули контур.

– Вы тоже? Вживляете? А, точно... запомнил...

– Такие приборы мы не вживляем, – кибернетик аккуратно положила прибор на стол. – Это опасно для окружающих. Мы его берем... ротовым отверстием.

Она не могла видеть, какую мину соорудил Плух, но, судя

по тому, как он засопел – довольно-таки кислую.

– Ты ему говорила? Об этом?

– Нет, но он и сам все увидит, когда поинтересуется, как она функционирует.

Плук немного помолчал, переваривая информацию, затем сокрушенно вздохнул: – н не захочет. Ртом... Но у него... нет выхода, Цейса.

– Есть, – вздохнула кибернетик. – У всех он есть.

Она услышала, как пилот взял прибор в руки, повертел, и положил на место.

– А если... не сработает?..

– Тогда они останутся без связи. А им и так нелегко. Кроме того, есть еще одна неприятность: как только Гасс начнет сеанс, у нас у всех тут же расплавятся мозги. Поэтому, ему придется общаться из десантной капсулы, отлетов от корабля подальше.

– Спасибо, – хмыкнул Плук, и встал. – Предупредила. Я тоже, пойду. Спать. Волнуюсь. Как у вас еще... ничего не расплавилось?

– А мы опытные... – Цейса в нерешительности постояла у столика, пока пилот не скрылся за дверью. – А я, пожалуй, пообедаю и приведу себя в порядок, пока Гасс спит. Грезот, ты подежуришь немного за меня?

Уларк привычно фыркнул, с некоей даже привеливостью:

– Иди-иди... лишь бы не работать.

– И тебе приятной вахты.

С тем Цейса и удалилась. Через пару минут Грезот поднялся с места, взял со стола усилитель, повертел в правой руке, а левой полез в карман форменных брюк. Достав оттуда простейший монтерский наноизолятор, уларк хищно глянул на дверь кухни, и пропустил усилитель через регулируемую прорезь диэлектрика. Пусть эта невинная шалость поучит выскочку скромности. Рассовав приборы по их прежним местам, он опять сел за пульт, выкинул недавние действия из головы, вспомнил самую прилипчивую мелодию последних лет и, принявшись мысленно талдычить ее нон-стоп, занялся тестированием систем.

* * *

Пока мы спускались к селению, Севи вкратце пересказала нам то, что ей удалось выудить из нашего проводника – их основные постулаты: на пути живет пастырь, за ветром – зло. Перевези светы и сделай шаг. Вода – враг сна, и, вместе с тем, в больной воде – радость. Изгой здоровы и чужака подведи. Не складывай верхушки... и прочие загадки. Это, если Малыш правильно перевел.

Я промолчал, как и все остальные. Эти понятия могли оказаться чем угодно.

– Зло у них, видимо, живет на поверхности планеты, – высказал предположение Абвир. – Я бы запретил покидать пещеры, чтобы их не разнесло ветром на тысячи рехтов.

– Что такое... «светы»? – полуобморочным шепотом просипел Фарч. – Цветы? Духи? Светильники? Они ж не видят... свет...

Конец его фразы я не разобрал, и еще пару секунд вслушивался в его свистящий шепот. Тщетно. Он бормотал вопросы себе под нос. И, вообще, капитан меня отвлек – мои мысли вились вокруг воды, вернее вокруг планетарной гидросферы и странным молниевым проводам. Почему у них ничего не коротит? Не замыкает? Влага хоть как должна присутствовать в пещере... а раз она тут есть, так это все равно, что пускать высоковольтную линию без изоляторов. Что за бред?

– И к чужакам они относятся лояльно, – продолжал кверк. – Так что правильной «чужака проведи».

– У них эти понятия практически однозвучны, – ответила Севи. – Я не столько разбираюсь в этой белиберде, сколько выуживаю их новые заповеди. И уже валюсь с ног.

Я поискал в последней реплике укоризну, и не нашел. Голая констатация. Мы будем ночевать в стойлах вурвов? Мелкие, не больше их роста... – кстати...

– Не складывай верхушки – это значит «не стройте высоко»! – хвастливо заявил я, глянув на гирлянды светящихся жгутов под потолком. Но мне не ответили. И я даже их понимал – все смертельно устали.

Мы спустились в селение. Далее произошла сцена встречи древних мореплавателей с аборигенами – нас встреча-

ли, приветствовали, радовались и почти не боялись. Малыш сгрузил нас на пневмонадувной топчанчик – мы расположились вполне комфортно, и смогли, наконец, перевести дух.

Севи занялась ремонтом киборга – когда она откинула ремонтный кожух, мы увидели, что у того все внутри искрит. Ну, теперь понятно, куда у него улетает энергия. Наноизол ей в помощь, я же уже так хотел спать, что ничего не сообщал. И, как только уловил команду «пять часов сна», я отключился со спокойной душой.

Мы проспали. А, может, меня просто не стали будить. И правильно сделали – тело болело все, полностью. Грудь саднило, поясницу тянуло, руки-ноги вообще отказывались шевелиться. Я аж застонал – какую вообще цель преследовали кверки, взяв нас с собой? Чтоб мы своим вялым шевелением оттеняли их способность передвигаться? Так это называется тщеславие – сиречь, эмоция – и, стало быть, кверкам недостижима. Напрашивается другая причина – их глупость. Это не эмоция, а состояние души и мозга – и в кверках сие присутствует вне всякого сомнения. Да, очень жаль, что я об этом узнаю так поздно.

Все эти незначачие, раздраженные мысли тенью мелькали на периферии сознания – само сознание жадно вслушивалось в дискуссию, развернувшуюся в наших головах.

– Они уже и не помнят своих хозяев, – вещал Гасс. – Я подозреваю, что много столетий прошло с тех пор.

– Мы видели. Знаки...

Гасс тут же продублировал вопрос Фарча для всех, как обычно на таких, общих конференциях.

– Да, капитан. Они похожи на символы ангари.

– Что!?! – это уже удивился я.

– Ангари, вне всякого сомнения. И наши ученые до сих пор не понимают, почему с их владычества не было найдено ни одного межзвездного корабля. Скорее всего, мы на одной из планет ангари. На их перекресте миров, пересадочной станции. В головах этих малышей все расписано, как в инструкции по применению батареек. Этот Краптис с его грозами является превосходной электростанцией для межпланетного портала и еще для чего-то, я пока не понял... Беглец наш был тут полгода назад, и они проводили его к воротам. Вам тоже следует воспользоваться ими. Беглец, кстати, вел себя, как Севи. Так что это кверк, и он знал об этих пещерах. И о воротах, скорее всего. Когда-то он, похоже, был тут раньше и исследовал эту планету.

– Да, тогда некоторые из исследователей пропали без вести. И немудрено.

– Прекрасно. И он, значит, вернулся на Каох, а через много лет повез сюда всю свою лаугхскую общину, за которой смотрел. Не на сам Краптис, а в его портал! И он знал, куда направляется: у него был свой Малыш... Или что-то очень похожее.

Мне показалось, что Гасс говорит через силу – он, похоже,

испытывал сильную боль.

– Не обращай внимания, человек. Издержки профессии. Эти ребята проведут вас, куда нужно, как только вернется зритель...

– Ты можешь внятно перевести их... законы? Установки...

– Могу, Севи. Ангари они признают хозяевами, и считают, что они до сих пор обитают в этих вратах... Что там еще? Те, кто выходил из пещер – не возвращались, и они решили, что их поглотило зло...

– Перевези цветок... куда? Зачем? Айвах?

– Это мне непонятно. Но это не растения – собрать нужно что-то, вроде огненных шаров. Может камни, может звезды... а может и разобрать... вурвы слепы, и странные объекты наделяют кучей нелепых признаков и суеверий. Мне не понять. Большинство их ментальных установок вообще зародилось не здесь: основная их цивилизация – обширная, сложная – гораздо ниже, а здесь живут лишь изгои.

– У них... там город?

– Да, и, похоже, не один.

– Как они себя называют? – поинтересовалась Севи

– Люди, – хмыкнул биолог. – Это непроизносимо, как и у моей расы.

– А почему изгои?

– Тоже не понять. Там сложные перипетии, связанные с какой-то священной болезнью, источником... Эти ребята за-

болеть не смогли, и их изгнали. А может и все наоборот – я еще не разобрался...

Возникла пауза, во время которой, я уверен – все представляли себе подземную цитадель. Да, это интересно, но хорошо бы нам понять, как отсюда выбираться.

– Нельзя спать с водой... – напомнил я.

– Верно. Воду они пользуют далеко от молниевых устройств, вблизи она приобретает убийственные свойства.

– Но неужели земля здесь не пропитана водой? – возмутился я. – Как?!

– Запросто. Та же ваша слюда – диэлектрик. Нужно исследовать скалы, без этого мне сложно понять местную экосферу.

– Попроси их провести нас к этим... вратам.

– Увы, Мать. Ждем зрителя.

У меня екнуло внутри. Но вопрос задал капитан:

– Смотритель – вурв?

– Конечно.

– А если мы... его не дождемся?

Возникла пауза, после чего Гасс со вздохом ответил:

– Понятно. Значит, буду уговаривать проводить вас без него. Но они говорят, безопасный путь знает только он.

– Спасибо, Гасс. Ты опять очень помог – три дня мы не выдержим. Капитан умирает, а навигатор, я думаю, сейчас мало чем отличается от хамма. Да и мы еле ползаем... передай мое восхищение Цейсе.

Ответа мы не дождалась, контакт прервался. Намеренно или случайно – я не понял.

Мнение Севи о моем самочувствии меня разозлило – я не овощ! Путем невероятного напряжения и изощренных дрыганий я перевернулся на живот, и затем встал на четвереньки. Подождал, пока взгляд прояснится, и сел на корточках. Отдышался, и стал подниматься. Перед глазами снова все поплыло...

– Молодец, человек, – как сквозь вату услышал я голос Севи. Я все же кое-как поднялся, и скосил на нее свой налитый кровью глаз. Она сидела подле Фарча, и готовила свои шприцы. Капитан тоскливо разглядывал висящий невдалеке полыхающий голубыми паутинами шар. Я поискал взглядом Абвира – его рядом не наблюдалось. Малыш чуть поодаль болтал с вурвами, и уже, похоже, по собственной инициативе.

Брезгливо окинув место нашей ночевки, я заметил, что тут все же чистенько. Кроме того, вурвы нам принесли завтрак: какие-то бугристые коренья с белесой ботвой, слизней и даже пару дохлых зверьков – помесь ящерицы и крота. Я взгляделся в клубень растения – он был испачкан в чем-то похожим на землю. Ага, где-то есть и другой подземный ландшафт? Растерянно пошарив глазами по отдаленным концам пещеры, я обнаружил кучу выходов. Более того – в один из них юркнул какой-то шустрый зверь, очень напоминающий карликового крокодила. Ох, мать моя – хорошо, что ночью у

меня ничего не отгрызли... пещерка-то, оказывается, населена не только вурвами.

Севи вколола дозу капитану, выдала ему питательный рацион, и посмотрела на Малыша, общающегося с аборигенами.

– Идти не столь долго, сколь сложно, – вымолвила она после полуминутной паузы. – Удобный, гостевой путь знал только смотритель. Наш капитан может не дойти...

Затем она встала, и подошла ко мне. Помедлила, поразмышляла, затем вколола коктейль и без обиняков взглянула мне прямо в глаза – своими искусственно-льдыстыми омутами, то ли убийцы, то ли трупа. Так пристально, пожалуй, мы друг другу в душу не вглядывались ни разу. В ее взгляде я увидел нечто настолько чуждое, что по спине у меня пробежал озноб. Она могла учинить что угодно и с кем угодно, что только взбрдет ей в голову. Я знал, что кверки наши тормозов не имеют, но до этого взгляда даже не подозревал, насколько у них отморожен самоконтроль и представления о допустимости тех или иных методов достижения цели. Мне показалось, что она раздумывает: как бы нас так избыть попроще, чтоб поменьше шевелиться.

– Желаете оставить нас здесь? – едко поинтересовался я.

– Я испытала бы удовольствие, если б мы так и поступили, – от ее взгляда веяло мертвечиной. – Но информацию от лиги уже не утаить, придется тащить вас с собой. Испытываю сожаление.

– Вы убогие, тебе нечем его испытывать, – неприязненно начал я, но Севи тут же своей любимой оплеухой опрокинула меня наземь. На этот раз, об пол я стукнулся головой. Без шлема.

Очнулся я мерно покачивающимся, на Малыше. Голова кружилась. Во, дурак... чего я на них взелся... это все равно, что ненавидеть хищников или раз за разом дергать тигра за хвост. Или даже не тигра, а каохского херха. Они херхи!

Я почувствовал позывы к рвоте. Прекрасно, вот только этого еще не доставало... Я осторожно потер гудящую голову, и ближе к затылку нащупал сгусток боли – запекшуюся рану, залитую хитрым регелем – мгновенным регенерирующим клеем.

Группа наша шагала, не останавливаясь. Я на миллиметр приподнял голову, и тут же опустил обратно – в голове перекатывался огромный болевой булыжник. Шипастый. Проклятье! Я в бешенстве уставился в потолок. Под потолком, по провисшему проводу змеилось синее пламя. Почему провод провисший? Почему такой тонкий?! Почему не перегорает? Какого черта он светится?! Разве ток светится? При замыкании – еще как! Но тут?..

– Они могут светиться при высоком напряжении, при ионизации воздуха...

Гасс! Вот с этим парнем я с удовольствием поболтаю! Голос его и в прошлый раз был негромким, а сейчас и вовсе я его еле слышал. Видимо, мы уже далеко ушли...

– Ты куда пропал?! – набросился я на него.

– Общался с аборигенами, они меня тоже посчитали за высшую силу... Послушай меня, Крис. Хорошо, что ты очнулся – капитан до сих пор без сознания, а с кверками я общаться не хочу. Просто вы скоро уйдете так глубоко, что мне до вас будет не докричаться.

– Ну что там с городом?

– К сожалению, мне не до города сейчас... скажи-ка мне, без тебя корабль сможет долететь обратно?

Я окаменел. Какой интересный вопрос...

– Только если не будет садиться на Краптис, – неприязненно сообщил я ему. Видимо, я и правда кверкам больше не нужен. Взгляд Севи не лгал...

– Ага, значит, я не ошибся... Мне удалось договориться, чтобы вас отвели к порталу. Но без смотрителя они поведут вас... своими тропами. Если вам удастся попасть в мир со связью, сообщи на корабль, что садиться на планету не нужно! А то они собираются действовать по договоренности, то есть, садиться.

– А сам? – у меня так трещала голова, что я ничего не соображал.

– Мне... не удастся с ними связаться. Я пробую, но это маловероятно.

Я совсем запутался. Так значит Гасс не на корабле? Если он не на корабле и не на планете, то где? На орбите – единственный вывод. То есть, с орбиты до нас он смог докричаться-

ся, а до корабля не может? Вакуум ведь никогда не был ему помехой...

– Я на планете... Но никому не говори, они могут послать Малыша. Вам с капитаном он гораздо нужнее, а мне осталось уже недолго...

Комок подкатил у меня к горлу. Вон оно что...

– Зачем ты сел сюда, Гасс?.. – угрюмое отчаянье вспухло под диафрагмой – он не сможет нас дождаться! И ведь знает, что не сможет!..

– Усилитель Цейсы не сработал. Пришлось садиться...

Я представил его, пульсирующего, растекшегося по капсуле. Болтающего с нами, как ни в чем не бывало – в то время как тикают его последние часы...

– Минуты, Крис...

– Давай, мы пошлем к тебе Малыша!

– Тогда умрет капитан. Удачи, навигатор. Выживи там за меня.

Связь опять прервалась. Я сидел, как громом пораженный. Заумная наша Цейса вконец опозорилась, из-за нее погиб... погибает Гасс. Вряд ли еще ее божественный голос навеет на меня умиротворение... М-да, давно я не припоминал таких поганых миссий. За призраком, которого уже и след простыл! Бред!

Поступок Гасса ошеломил меня. То есть он знал, что здесь умрет – и все равно сел? Ради чего? Да, Фарчу плохо – но это не повод для самоубийства... Гасс всегда предугадывал

наши желания – а может, на сей раз именно таким и было желание Матери? Кто знает, что она там напередовала через Малыша, а Гасс вычитал в голове у Цейсы?

Наша процессия остановилась примерно через полчаса. Я остерегся двигать головой – лежал и пялился на переливающийся новогодней гирляндой провод, вслушиваясь в ворчливый фон голосов, кверкских и вурвских.

– Гасс... – в отчаянии воззвал я в пустоту. Ответа не дождался, и опять уставился в потолок, но уже с тоскливым осознанием утраты. Одиночество и потерянность навалились на меня не в меньшей степени, чем гравитация – на брэнную плоть.

Голоса, между прочим, повышались. Я, наплевав на самочувствие, перевернулся, и какое-то время пролежал ничком, приходя в себя. Затем, с усилием аккуратно повернул голову, чтоб видеть, что твориться впереди.

Впереди была горка. Нет, не горка – Горка. Гора! Даже кверки, казалось, смотрели на нее озадаченно. Потолок также заметно опускался, повторяя рельеф сбегającego в сумерки уклона. На потолке висела россыпь молниевых шаров – видимо, основатели своей электростанции высунули над скалами целый лес громоотводов, или даже, скорей, грозоприемников. Странно, что орбитальные спутники их не засекли... Рядом с началом покато́го спуска я заметил груды каких-то плоских камней. Или даже больших, грубых тарелок. На всем этом, видимо, нам предлагали спускаться, а

кверки привередничали.

Я уткнулся головой в руку, давая отдых шее. Так-с... длинна склона... ну, скажем, метров двести. Ускорение...

– Крис! – позвала Севи. О, как! Я теперь у нее снова Крис, ей явно что-то от меня понадобилось. Отлеживаться было глупо, и я вяло оттопырил кисть, шевельнув пальцами.

– Вы с капитаном выживете на этом спуске при свободном ускорении?

И с отсутствием тормозов, надо полагать. Я вежливо повернул голову:

– Выжить-то выживем, да только если не навернемся по пути. Горка наверняка щербатая.

– Ты ошибаешься, человек, – возразил Абвир. – Она гладкая.

Я не стал ему объяснять разницу между «щербатой» и «шершавой». Не видел смысла.

– Опустите-ка вниз, – попросил я. Меня давно интересовал один вопрос, я заодно решил прояснить и его.

Малыш опустил. Я уселся на край ската, и потрогал камень пола. Действительно, гладкий, как лед – что это за материал такой? Гассу он был бы интересен... так, не будем сейчас об этом. Я дотянулся до фляги на поясе, отщелкнул хитрый колпачок и стряхнул пару капель на ладонь. Провел мокрой ладонью по камням – камни остались сухие. Я вылил немного на спуск, и водяные шарики, как ртуть – покатились вниз, дробясь и подпрыгивая. Понятно, несмачиваемый ми-

нерал. Хотя с водой разобрались... Достав нож, я ткнул им в пол. Лезвие вошло на сантиметр – как в дерево. Вернее, поверхность склона оказалась чуть тверже – я забыл про дополнительное притяжение, и удар вышел несколько сильнее, чем я рассчитывал. Дерево... может, скала тоже живая? Вот ни капли не удивлюсь.

Севи изваянием застыла рядом, следя за моими действиями. Они, как и следовало ожидать, ее не впечатлили. Я задумчиво и несильно поскреб минерал ногтями.

– Все зависит от скорости, вернее – от коэффициента трения. Если мы помчимся, как пуля – я бы не рискнул.

Севи ничего не сделала, но через пару секунд Малыш обратился к одному из вурвов. Тот бойко подсеменил к груде санок, уселся на одни из них, и ухнул вниз. При этом раздавалось тихое, поскрипывающее шуршание. Удалялся он от нас быстро, но на льду было бы еще быстрее. Далеко внизу он постепенно остановился. То ли глаза привыкли к разлитой внизу темени, либо появление там вурва меня сориентировало, и видеть я стал лучше.

– Ну-у не зна-аю... – протянул я. – Давайте попробуем. Хотя, его спуск – не показатель: мы вдвое тяжелее любого вурва. Если я не вырублюсь по дороге от страха, то внизу вам помашу рукой. А если нет, то капитана нужно будет спустить по-другому.

Я с тоской уставился на кучу санок – ползти к ним мне показалось унизительным. Малыш опять поворчал, и вурв

поднес мне примитивный снаряд для спуска. Я повертел его в руках – этот кусок непонятно чего был легким, и напоминал камень только снаружи. Пемза, что ли? Откуда ей тут взяться?.. Лежа я на этом подпопнике не помещался, поэтому как-то угнездился сидя – и тут меня всерьез начал накрывать страх. Ох, не смалодушничать бы в последний момент...

Абвир, видимо, по доброте душевной меня несильно токанул – и я с кратким воплем полетел в пропасть. Именно, что полетел... Через двадцать метров я начал поскуливать, через пятьдесят – орать. Ускорение все нарастало – какой там лед! Я уже несся вдвое быстрее, чем на привычных ледяных горках Приамурья – а ведь еще и половины не проехал! Ужас впился в меня ледяными когтями и низверг в дикую панику – слезы брызнули из глаз, челюсти свело судорогой. Вцепившись в края этого... подобия крышки от люка – мелькали такие в древних сетевых фильмах, – я молил всех святых: лишь бы не упасть! Мгновенная смерть, и к дядьке не ходи! Первый же подскок на невысокой кочке – ее я даже не увидел, хотя тарачился в чертов полумрак во все глаза – вытряхнул из меня последний разум. Ветер свистел в ушах, скорость все увеличивалась, плоское корытце еще пару раз подпрыгнуло на мини-трамплинчиках, заставляя обмирать от грубых приземлений. Воздух весомо лупил в лицо, и мне пришлось приложить все усилия, чтоб не отклониться от вертикального положения. Когда в легких кончился воздух, я вдруг по-

нял, что мне не вдохнуть. В полуобморочном состоянии я захлопнул рот, и ноздрями втянул воздух, плотный, как резина. Дальнейший путь вычеркнуло у меня из памяти – лишь промелькнувший, как приведение, вурв как-то привел меня во вменяемое состояние. Я уехал вчетверо дальше него, и, дрожа как в припадке, лишь сидел и размазывал по щекам слезы – махать я этим сволочным экстремалам не собирался и под дулом бластера. И только потом меня скрутила такая головная боль, что я мешком плюхнулся в лежащее положение, обхватив руками свою раскалывающуюся головушку.

Издали раздался громкий сигнал. Я глянул сквозь мутную пелену вверх, и обомлел – на сей раз по склону летел Малыш с капитаном. Фарч лежал на трех плоских кругах, а киборг навис над ним защитным пологом, поддерживая и направляя. И эти придурки под Малыша тоже подсунули эти куцые плоски! Под каждую ногу! Он ведь так доедет лишь до первого трамплина, устойчивость у тонкой ноги – псу под хвост! Хотя, Малыш казался гораздо ниже, видимо он сплел из ног что-то более устойчивое.

Я как в воду глядел! Нет, первую треть они проскользили как лебеди, любо-дорого – но потом у Малыша выскользнула первая опора. Я не понял, как он умудрился удержать равновесие, но этот дессмийский эквилибрист лишь качнулся из стороны в сторону. Капитан при этом инциденте вообще не шелохнулся.

А потом началось... вторая выскользнувшая опора заста-

вила ноги киборга поехать вправо, а корпус – влево. Через секунду Малыш представлял собой тускло бликующий вентилятор, к тому же празднично искрящийся: летел он сперва кубарем, нелепо взмахивая плетьюми ног, затем – сгруппировавшись – юзом, сильно забирая вправо. Затем он с размаха вонзил две свои ноги в камень, рывок получился сильным – их из камня вырвало, он опять завертелся, высекая струйки искр...

Переведя ошарашенный взгляд на далеко обогнавшего киборга капитана, я увидел, как его разворачивает – вот этого я и опасался больше всего. Фарч уже практически спустился, когда тело его подпрыгнуло на очередной кочке, изломилось, и перевернулось. В результате этого кувырка ноги лаугха оказались под диском, и, видимо, приклеенный к одежде, камень дребезжал и волохал их во все стороны. Вскоре диск оторвался, и, как огромная монета, кренясь, покатился куда-то вбок. Метров через десять Фарч опять закувыркался – и я на миг закрыл глаза. Подземелье Крапти-са воистину оказалось тропой смерти, адом старины Данте. Будь проклят день, когда я услышал этот чертов маяк.

К Фарчу уже неслись: со скоростью пули, настигали капитана опомнившиеся кверки – вдвоем, безмолвно – как тени. Ну да, страха ведь они тоже лишены – надо было им ехать вместо Малыша, толку было бы больше.

Маленький вурв, перетаптывающийся внизу спуска, бдительно отслеживал каждый звук. Я испугался, что он будет на

лету подправлять падение капитана, а может даже и вскочит на него – но тот лишь вовремя отпрыгнул с дороги. Малыш, тем временем, свернулся в шар, а потом снова начал семенишь и вздрыгивать ногами, все так же напоминая искрящийся пропеллер – у меня мелькнула мысль, что это ополоумевшая Севи заставляет его барахтаться и тормозить на полпути, вместо того, чтоб спокойно катиться шариком. Малышу здесь сильно не везло с приземлениями, и ошибки крылись не в его дессмийских мозгах, а в глупых инструкциях экипажа. Ну и Краптис подсовывал ему одну свинью за другой.

Я бросился бы к Фарчу, если б смог – но мне оставалось лишь лежать пластом, и наблюдать, как его подкидывает на неровностях. На него, оказывается, перед отправлением снова надели скафандр – и это сильно оберегло капитана от содранной кожи, но лицо его превратилось в кровавую маску, если я это себе не напридумал в эдакой тьме...

Кверки настигли Фарча – и тут же псевдокаменный диск выскользнул из-под Абвира – он сильно перевесился набок, стараясь дотянуться до лаугха. У Севи тоже диск стал выскальзывать из-под ног, но она предпочла отпустить Фарча, нежели навернуться самой.

Мне очень повезло, что кверкам чужды приступы ярости – если они прибегают к рукоприкладству, то либо в воспитательных, либо в предотвращающих серьезный конфликт целях. Они бы легко могли сорвать злость на мне – за то, что я спустился благополучно, например. То, что я при этом по-

седел до корней мозгов – их вряд ли заинтересует. Однако, остановившись, Севи обратила на меня внимания не больше, чем на развешанные провода. Она тут же бросилась обратно, и занялась диагностикой лаугха. Вторым мимо меня прокатился Малыш, и – наконец – вдали затих Абвир. Скафандра, кстати, он не надевал – это мне удалось разглядеть.

Малыш, прекратив катиться, встал, покачиваясь и содрогаясь, как пьяный. И тут же осел – ноги его не держали. Больше половины висели плетью, остальные вихляли и конвульсивно сокращались. Вот это уже полный швах – и как мы пойдем дальше? Севи направила на киборга свои рыбы глаза, и не отводила их, пока Малыш не опустился на камни и не затих. Даже конвульсии прекратились.

С горы тем временем скатывались малыши – один за другим, но не гуськом, а хитро – косою вереницей, видимо, и они падали иногда, и, в случае таких падений, у едущих сзади препятствий на пути не возникло.

Пара вурвов везла наши вещи. И – как ни странно – именно их траектория аккуратно устремлялась к врачу с пациентом. У меня забрезжила мысль, что вурвы не так глупы, как нам могло показаться вначале. Хотя, имея абсолютный слух, нетрудно запомнить, где гости начали спуск, и – тем более – услышать, чем этот спуск для них закончился. А может они – как летучие мыши – ориентируются не только на слух.

Спустились местные жители без эксцессов: те, что с поклажей, устремились к капитану, скользя и буксуя на каж-

дом шагу. Севи, приняв баулы, тут же выудила нож и срезала чертовы камни, приклеенные к скафандру. После этого она стала Фарча раздевать – не мешкая, руки так и мелькали. Выудила заветный тубик, нанесла регель на голову, на лицо и кисти рук. Одна инъекция, другая... Через минуту из баулов появились телескопические шины, и еще через минуту – конечности лаугха были намертво зафиксированы. Так это... значит... он еще жив? Это даже не бред, это – чудо! Правда, в сознание кверкесса его приводить не стала, и это меня насторожило. Может Фарч жив, но надолго ли...

Я перевел взгляд на бойца – Абвир шел, спотыкаясь, баюкая сломанную руку и очень сильно хромая. Лицо – все в крови, одного зуба нет. Теперь он походил не столько на вампира, сколько на его пародию. Правда, пародию злую и не смешную. А вот от сказочного орка его теперь совершенно было не отличить. Дубину бы ему, или секиру...

Вдали зашевелился Малыш. В последнее время я очень медленно соображаю, и неудивительно. Ему, видно, опять велели перезагрузиться – ведь и после десантирования он тоже ожил после перезагрузки...

То есть, все не так плохо. Это называется – дешево отделались. Но, к сожалению, путь наш еще не заканчивался. Упаковав Фарча, Севи наложила шину Абвиру и смазала его почти всего – от макушки до пят. Со стороны спины у бойца сквозь лохмотья зияла – не кожа даже, а кровавое месиво. Я, заметив это, не сильно удивился – полировка полировкой, а

тяжесть вносила свои нюансы даже в процесс скольжения.

Затем врач подошла ко мне.

– Успокоительного, – промычал я, чувствуя, что меня еще до сих пор покалачивает. Но если Севи и заметила в моих глазах отсветы былого ужаса, то акцентироваться на них не собиралась.

– Через час Фарч умрет, – заявила она. – У него перебит позвоночник и разбита голова. Чем быстрее мы доберемся до врат, тем лучше. Кроме меня, ты теперь самый работоспособный.

Краска у меня отлила от щек – я помертвел. Это что – мне теперь нужно идти пешком, а перемещаться лежа будет Аб-вир? Таковую рокировку кверки могли мне устроить запросто...

– Твоими усилиями у меня сотрясение мозга, Мать. Как ты думаешь, далеко ли я уйду при таком притяжении?

Она с секунду молчала, потом пожала плечами:

– Значит, езжай верхом на вурвах. – с тем, она, больше не обращая на меня внимания, направилась к Малышу. Но тут же безмолвно от него отлетела, под треск разряда.

– Это называется «статическое электричество», – поднял я палец вверх. Ты обращайся, если что-то еще будет непонятно.

8. Возвращение

«Он не функционирует...» – эти последние слова Гасса гремели у Цейсы в сознании прощальным эхом. Не во время их произнесения, а позже – когда он отправился в свой последний полет. Во время их произнесения она была вне себя от возмущения – дессмийские устройства не могут «не функционировать»!

Но усилитель не работал. Гасс должен был приложить некие усилия, полный контакт с телом – она ведь объясняла! Подробно! Въедливо! Ничего не помогло... Точка на радаре ухнула на поверхность Краптиса – далеко от пещер, лишь Малышу под силу добраться. Но и Малыш на поверхности не появился, и связи она так и не дождалась. За спиной потеряно застыл Плух – безмолвно, как изваяние. И что теперь делать?..

Цейса бессильно высвободилась из пультовых гнезд связи и контроля – все сроки на благополучный исход миновали. Связи нет. Ясности нет. Информации нет. А что есть? Ярость. Кибернетик резко развернулась к пилоту, и взметнулась вверх, пытаясь стать как можно выше:

– Ты его трогал! Прибор!!! Ты мог засорить клеммы!

Ошарашенный, ничего не соображающий Плух посерел лицом и уставился в свои ладони.

– Тухлый планктон! Ну как можно быть таким безалаберным! Я же объясняла про клеммы! Они очень чувствительные...

Пилот не отвечал, затравленно вжимая голову в плечи при каждой обвиняющей фразе. Злость быстро схлынула – Плух не причем, она сама должна была предусмотреть...

Из каюты вылез заспанный Грезот, и, ворча, прошествовал на кухню, ничего вокруг не замечая.

– Может, он... еще жив... – выдохнул Плух на грани слышимости. Так выдохнул, что дессмийке стало за себя стыдно.

– Нет, не жив. – Цейса, смутившись, опять развернулась к пульту. – Я при такой тяжести выдержала бы часов пятнадцать, Гасс – не больше двух. Надеюсь, он им успел помочь.

– И что теперь... делать?

– Что и собирались. Через двое суток посадка, потом взлет – и на Каох.

Пилот медленно покачал головой: – Мы можем... не долететь.

– Ты предлагаешь не приземляться? – горечь в ее вопросе прозвучала с изрядной долей ехидства, и кибернетик смутилась еще больше. И приборы ей отказывают, и интонация... Дожила...

– Ждем связи... Малыша. Ты же его слышишь...

– Малыша могло завалить. Или кого-нибудь из команды, для этого им и могла понадобиться ментальная связь: это горы. – Цейса выразительно повысила голос и добавила в него

обширную многоголосицу: – мы будем садиться, Плух, мы обещали.

Из кухни высунулся Грезот, злой как сто пираний:

– Что за базар!?! – рявкнул он, вытаращив маленькие глаза, – тише нельзя?

Спорщики подавленно молчали, и уларк заметил в их позах вину и растерянность. Он криво оскалился:

– Что опять натворили, куски балласта?

– Гасс... погиб, – невнятно промямлил Плух. Грезот тут же изменился в лице, затем мимолетный испуг сменился вспышкой гнева.

– Ага! – яростно взревел он, распахивая дверь и наступая на дессмийку, – это все твои штучки, десса! Приборчики, финтифлюшки, коробочки! – Грезот неистово завертел перед своим носом скрюченными руками. – Кибердрючки... Это твоя вина! Твоей суборбитальной гордыни и хвастовства! Я знал, что все этим закончится, знал! Никчемная, бахв... хрр...

Цейса уже сидела на нем, скрутив уларка так, что у того хрустели кости.

– Мои ошибки, – чеканно процедила она, еле сдерживая хват на грани допустимого, – будет разбирать капитан и межгалактическая лига спасателей. Тебе же я советую впредь обходить меня за парсек, и, желательно, молча. Если ты еще раз раскроешь на меня свою торфяную пасть – я с безмерным удовольствием слеплю из тебя мокрого.

– Цейса... – кривясь, выдавил Плух – он уже чуял, что дело плохо. Но дессмийка, помедлив, брезгливо соскользнула со старпома и степенно вернулась за пульт, не спеша, правда, к нему подключаться. Корчащийся на полу Грезот начал подвывать и, еле касаясь, ощупывать левую руку. Плух бросился за аптечкой.

* * *

Наша компания представляла собой жалкое зрелище. Основной тягловой силой, как-то перемещающей нас вперед, стали вурвы. Фарч и Абвир покачивались на их спинах в лежку, я же еще как-то перебирал ногами. Севи шла без посторонней помощи, возглавляя процессию, а Малыш ковылял сзади – он больше полз, чем шагал. Две трети его, основательно потрепанного механизма, вышли из употребления. Укатала нашего малышку крутая горка, сколько теперь будем ползти...

Продолжение фатального спуска оказалось не сильно вытянутым – стены с потолком постепенно сужались бутылочным горлышком, и вскоре вурвы остановились перед входом в привычный нам коридор, правда этот был несколько выше обычных краптисовских лазов. Над входом чернел знакомый символ, но на сей раз он выглядел как окружность, заштрихованная на одну треть – и, на мой взгляд, напоминал изображение трубы. Или, опять-таки, коридора... Входить туда

наши провожатые отказались наотрез. Дополнительным аргументом в их пользу служил целый пук проводов под потолком, стянувшихся сюда со всех концов подземелья. Видимо, мы и правда подошли к цели. Хозяева выпроваживали нас, не переступая порога своего дома. Может, на этот коридор у них имелось свое табу, может – неведомые нам рамки приличия проводов чужаков. Нам эти нюансы были неведомы. Дальше мы должны были идти одни. Вурвы сгрузили наши пожитки, пострадавших. Поворчали, повосклищали, и ушли обратно в сгущающийся сумрак. Интересно, и как они собираются подниматься?.. Впрочем, это их дело.

Я глянул на гудящую, переливающуюся иллюминацию коридорного потолка, и в груди опять екнуло. Краптис готовил нам последнее испытание, и шанс на его смертельность казался отнюдь не призрачным. До проводов было метра три, но у меня уже встали дыбом волосы и потрескивали магнитные нашлепки на скафандре. Да, после такого спуска я тут же напялил скафандр, и снимать его пока не собирался. Кстати, если я надену гермошлем, я пройду тут совершенно ничего не опасаясь. Но на Фарча скафандр не надеть – целый частокол шин, фиксирующие его переломанные кости, превратил его в негнущееся бревно. Я даже думать боялся, какую боль он почувствует, коли придет в себя, и очень сильно надеялся, что до конца пути он не очнется. Да и бойцу не улыбалось совать в одежду переломанные конечности... а, кроме того...

Я перевел взгляд на нашего киборга. Вернее, на его воло-
чащиеся по диэлектрическому полу металлические плети –
Малыш и сам был наэлектризован так, что искрил и потрес-
кивал. Цейсу бы сюда – вот она бы все нам расписала: и про
электрические поля, и про статику, и про индукцию... Я по-
просил у бойца бухту наноизола и обмотал им все ноги ки-
борга.

Севи безмолвно стояла перед входом в коридор, и спокой-
но ждала моего решения. До меня не сразу дошел смысл это-
го ожидания – это что же, я теперь главный? Пусть даже на
этом, отдельно взятом, финальном отрезке? А с каких щей?
Кверкесса зауважала мои скудные умственные потуги? Впо-
ру возгордиться... Ну, что же, попробую довести всех без
потерь.

– Первым идет Малыш. Далее – Абвир. И затем мы несем
капитана.

– Ты не сможешь, – ответила Севи. Презрения в этой ре-
плике не было ни на грамм, но я все равно его там отыскал.

– Я разберусь!

– И, кроме того, Абвир тоже может не дойти.

– Ему придется.

Севи пару секунд помолчала. Стороннему наблюдателю
могло даже показаться, что она ошеломлена моей новой ма-
нерой общения.

– Не много ли ты на себя берешь, человек?

– Не обращай внимания, – слышался глухой голос бой-

ца – он говорил через силу. – Эмоциональным особям мужского пола свойственно доминировать в любом социуме при малейшей возможности. Особенно, в замкнутой группе. Особенно, если им не могут ответить... Я дойду, Мать.

Краска прилила к моим щекам... Что за бред!?! Но Севи не дала мне возможности возразить – она обернулась к Малышу, и тот первым заковылял в яркий проход. При его приближении по потолку зазмеились молнии.

– Стой! – крикнул я, и киборг остановился. Подобравшись к нашим баулам, я достал скафандр Фарча, и без малейших угрызений совести прорезал его ножом, от шеи до паха – с изрядным трудом, надо признать. Получилось эдакое скудное покрывало, и я, с трудом выпрямившись, накинул его на выступающую голову Малыша. Заглянул в коридор, отдышался, и снова направился к вещам. На сей раз я достал моток фала, и зафиксировал его конец в специальном зажиме на корпусе киборга. К другому концу я привязал наши сумки.

– Отправляй его, – махнул я рукой Севи, – а сама надень скафандр и помоги мне. Попробуем идти втроем.

Малыш отправился по проходу, а мы с Севи взгромоздили на сумки Фарча. Даже Абвир нам помог, встав на колени и орудуя одной рукой. После этого я, опустившись на пол, долго приходил в себя, унимая выпрыгивающее из груди сердце. Чертов Краптис, ноги моей тут больше не будет...

Дурнота отошла, и я снова поднялся на ноги. Пошатыва-

ясь, подошел к бойцу, и приглашающе мотнул головой, зовя свою, пока еще кроткую напарницу. Аккуратно обхватив Абвира с двух сторон, мы двинулись вперед. Вскоре мы миновали вход, и коридор перенес нас за эдакую стеклянную грань бутафорского магического шара. Вокруг потрескивало, вмиг наэлектризованные скафандры прилипли к телам, волосы распушились одуванчиком. Шатаясь, как троица забулдыг, с черепашьей скоростью, постоянно останавливаясь, мы перли вперед с непреклонностью планетарного притяжения. Над головой полыхали зарницы, и отсветы их плясали по нашим багровым лицам. Шаг за шагом продирались мы к выходу, обливаясь потом и вытягивая последние жилы из своих тщедушных тел. Мы шли домой.

Коридор всего-то был метров тридцати длиной. Но эту дистанцию мы ковыляли где-то около часа. И еще столько же отдыхали, вывалившись в ярко освещенный зал. Высосали последние остатки вязкой, влажной субстанции из фляжек, и даже пообедали. Правда, опять таблетками.

Несколько придя в себя, я окинул мало-мальски вразумительным взглядом представшую нашим глазам эдакую лабораторию безумных ученых. Чем-то знакомым повеяло на меня от всей этой обстановочки – в таких лабораториях наши алхимики и Франкенштейны добывали золото и оживляли своих чудищ. Мне только сейчас пришло в голову, что у наших киношных алхимиков пещеры состояли не из здешнего аналога пемзы, а из наших земных, смачиваемых ка-

мешков. Как их там всех не попереубивало, ведали лишь великие маги прошлого.

Центр помещения занимал, по всей видимости, портал – громоздкая конструкция, прямо напротив коридора, примерно трех метров в диагонали. К ней и сходились все молниевые дорожки. Но портал зиял пустотой – никаких потусторонних фиолетовых свечений не наблюдалось. Видимо, его еще нужно как-то включить. Невдалеке от портала стоял... ну, наверное, пульт управления. Над ним висела гроздь разноцветных шариков, на первый взгляд – каменных, без каких-либо ниточек или опор. Они недвижимо висели сами по себе. Потолок пещеры был усеян светящимися шарами разного размера, тоже без каких-либо зрительных подвесов. Скорей всего, они не падали из-за электрического поля – им тут тоже была пропитана каждая пядь – на шерсть Фарча уже налипла куча легковесных песчинок, а сама шерсть стояла дыбом – капитан походил на плюшевого, пушистого медвежонка.

То и дело задирая голову, я направился к пульта. Дотронулся до одного из шаров. Ничего не произошло. Тогда я отлепил крупный шарик от остальных, и услышал предостерегающий крик Севи – она показывала вверх. Я, снова задрав голову, вернул шарик на место. И увидел, как дрогнул крупный светящийся шар над потолком. Всего лишь дрогнул.

Я уставился на Севи:

– Переведи светы! Гасс предположил, что речь идет про

звезды – может, это они?

– Откуда они знают про шары, если сюда не заходят? – возразил боец.

Мать смотрящих молчала. Она ничегошеньки не понимала в особенностях звезд и в нюансах их расположения – сейчас я вспомнил об этом. Снова опустил голову и по-новому взглянул на россыпь малышей, вытерев со лба выступившую испарину. Так, допустим это звезды. Какой там размер у каохского светила? Спектральный класс, цвет? Память судорожно подсунула мне ворох сумбурных, беспорядочных данных, и я несколько растерялся. Облизав обсохшие губы и подняв глаза, я потянулся к нужному камешку, похожему на солнце Каоха. Отлепил от остальных, опустил ниже. Под потолком шелохнулся другой шар, но ничего интересного не произошло – портал оставался мертвым.

Что я делаю не так? Не та звезда? Я ее не туда передвинул? В звездах ли вообще дело? Где инструкция, черт их задери!?! Или хотя бы привратник – за этим хозяйством кто-то должен следить, нет?! Ах, да... Привратника-то мы того...

Следующие минут пятнадцать я – как подопытная мар-тышка, играющая в трехмерные шахматы – передвигал и расставлял камушки. Я их сжимал, закручивал на манер планетарного вращения, тер и поджигал зажигалкой. Пока, случайно, один из передвинутых камней у меня не засиял в руках. Просто так, сам по себе. Я отпрянул. Медленно перевел взгляд вверх – один из шаров тоже разгорался, и неслабо. Я

посмотрел на Севи, и остолбенел. Я мог бы поклясться – она улыбалась.

– Быстрее, навигатор. Фарч умирает.

Но портал оставался безжизненным – что за бред! Я смел все камушки вверх, оставив только светящийся. По одному стал шевелить остальные. Ноги у меня затекли, перед глазами плыли привычные круги, голова трещала, чесалась спина – и я уже ничего не соображал.

– Попробуй выстроить модель созвездия, – подал голос Абвир. Я вытаращил на него глаза:

– Что значит «модель»? В пропорции реальных расстояний?!

– Пока без пропорций, – буркнул он.

Я сокрушенно свесил голову, прогоняя дурноту. Ну, что же, попробуем...

Через две минуты засветился другой шарик, третий... мои руки мелькали, как у карточного шулера, я начал задыхаться.

Еще через пару минут засияла вся Малая медведица, и портал вдруг загудел. Окаменев, смотрел я на проявляющиеся сосны и проглядывающее сквозь них серое небо. Осень...

С редких рябин, набухших красными гроздьями, отлетали последние листья. Невесомой пелериной над землей раскинулись заросли папоротника. Вдали темными барханами виднелись далекие лесистые холмы, такие привычные и всегда недостижимые...

Я не знаю, как я тогда не разревелся.

– Каох, Крис. Нам нужен Каох. – голос Севи просто убил меня. Я сглотнул гадостный ком в горле, и смел все шарики, кроме первого. Земной пейзаж исчез, портал перестал гудеть. И первый шарик тоже погас и, вильнув, прилепился к остальным. Я, вытаращив глаза, едва не заорал от отчаяния – и тут же вернул его на место. Шарик снова засиял, и я с непередаваемым облегчением протер ладонью лицо, возрождаясь к жизни – нельзя так пугать, сволочи...

Я мог выстроить главное созвездие Каоха хоть с закрытыми глазами – проще задачи нельзя было и выдумать. Но руки у меня дрожали, пока я его выстраивал. Это, похоже, было моим самым тяжелым испытанием на этой проклятой планете. Через минуту в портале показались исполины айвахов.

Первым мы послали на Каох Малыша. Он прошел сквозь дрогнувшую пелену, как ни в чем не бывало, и остановился на той стороне, поджидая нас. Сильного разряда – когда одна нога у него еще была здесь, а другая – коснулась обычной, влажной почвы – не случилось, и я озадаченно потер шею. Ну что же, значит всю нашу электрошубу снимает мембрана перехода. Или что-то другое... или в момент перехода обе части тела не соприкасаются... нет, об этом я и думать не хочу – разряда нет, ну и чудненько.

Мы второе подняли Фарча, поднесли к воротам – и Севи с ним прошествовала на Каох. Потом прошел Абвир. А я что-то задумался.

Врата спутали нам все карты. Беглец еще несколько месяцев назад прошел этим путем. Мы же тащились через подземелья, гоняясь за тенью. Я стоял, и смотрел на очередное чудо исчезнувшей расы – магию ангари, как верно подозревали Гасс и Севи. Для нас такие технологии недостижимы. Мы даже досюда еле дошли. Я вспомнил все наши лишения, и Краптис сильно стал напоминать мне чистилище. Пусть вся галактика этим порталом восторгается, я сюда больше не сунусь и за все сокровища мира.

Тряхнув головой, я подтащил баулы к самой дрожащей грани межмирья, и вывалился с ними на планету лаугхов. По ушам мне вдарило так, что я чуть не оглох – зато, вместе с тем, меня обуяла дикая, безумная жажда движения: хотелось прыгать, бегать и летать. Я будто в невесомость шагнул: совсем забыл что это такое – легкое тело! Пару раз сглотнув, я как-то привел в норму восприятие давления местной атмосферы. Абвир уже блаженствовал на травке, а Севи еще что-то успевала наговаривать в коммуникатор. Врата вынесли нас на дикую поляну, вдали от любопытных глаз. То ли это портал сам такой умный, то ли точку выхода кто-то когда-то откорректировал...

Я оглянулся. Мутное облако сумрачно-песочных тонов выглядело в буйстве зеленого разнотравья чуждо и нелепо. Портал явно чего-то ждал. Ради интереса я поднял с земли камешек, и кинул его в зыбь межпространственной мембраны. Он отпружинил обратно, как мячик от сетки – и тут

пятно перехода начало меркнуть. Я хмуро наблюдал за этим процессом, испытывая даже некую долю злорадства. В последний момент в портале мне примерещился какой-то искрящийся силуэт, но, скорее всего, у меня просто рябило в глазах.

К полету лаугхских, кверкских, дессмийских, а особенно – лиговских представителей всех мастей, от портала ничегошеньки не осталось. Ох, что сейчас начнется... обнаружен действующий межпространственный переход древней, исчезнувшей расы! Вурвы! Ангари!!! Ууу... туши свет.

Что бы не началось – я не собирался в этом участвовать. Пусть отдувается смотрящая – ближайшую неделю я собирался спать, спать и только спать. Хоть прямо тут, на стеблях гигантской травы.

Я подковылял к кверкам и прилег рядом. Севи пусто смотрела в небо, а боец наш лежал на животе и лицо его скрывалось в ткани рукава. Я какое-то время молчал, наслаждаясь покоем и райской невесомостью, а потом мне на ум стали приходить разные предположения.

– Севи, а тебе не кажется, что эти вурвы держали нас за дураков, а на самом деле они ангари и есть?

– Я думала об этом, – отозвалась кверкесса. – Нас они могли бы провести, но не Гасса. Он-то всегда смотрит в сознание, в мысли исследуемого. Нет, они лишь вурвы, полуразумные животные – но ангари кто-то из них помнить должен. Надо будет спросить мокрого, что нового он от них узнал...

Вся полнота блаженства и любопытства у меня тут же испарилась. Гасс... Они же еще даже не знают...

– Гасс погиб, Севи. Усилитель на орбите не сработал, и ему пришлось садиться на планету.

Севи не шелохнулась. Нет, это не живое существо, а кусок туфа. Отполированного.

– Значит, нам нужен новый биолог и кибернетик, – молвила она. Да уж... логично.

– Ты отправила на «Цветущий» сообщение, что не надо опускаться на планету?

– Им уже отправляют. Но я думаю, оно не успеет.

Вдали показался первый ухлусс, судя по размерам, грузовой. Кора его была окрашена в синий цвет. Все верно... Они, в общем то, и должны были прилететь первыми: синим цветом – цветом жизни – на Каохе окрашивались ухлуссы врачей. Следя за подлетом транспорта, я с удовольствием потянулся: во всем теле была необычайная легкость, и она очень неприятно дисгармонировала с гнетущей, безмерной усталостью. Одновременно хотелось и скакать, и не шевелиться.

Севи резко поднялась, и подошла к Фарчу. Ее походка не отличалась грациозностью – слишком резкие движения выдавали сумбурные усилия мышц – к притяжению Каоха организм еще не приспособился. Севи быстро осмотрела лаугха, затем по-кверкски спросила о чем-то бойца. Тот рывком поднял голову, кивнул, и переместился в сидячее положение.

Ухлусс сел. С виду он походил на огромную пивную бочку с откидной дверью и окнами. Из аппарата вышли два лаугха, и озабоченно нам кивнули. Один тут же занялся осмотром капитана, второй стал расспрашивать Севи. Из ухлусса больше никто не показался – кибернетические помощники здесь не приветствовались – лаугхи вообще к мертвой электронике на своей планете относились холодно и предвзято. После получения нужной информации, прибывшие без всяких носилок погрузили негнущегося Фарча в ухлусс, и улетели. За здоровье лаугха я не опасался – вот уж на медицинских технологиях лига не сэкономила – вернется наш Фарч вскорости, и будет чувствовать себя заново родившимся.

Потом прилетел второй ухлусс, выкрашенный цветами лиги – на нем мы и отбыли на базу. В ухлуссе этом меня чего-то затрясло не на шутку – организм запоздало сбрасывал напряжение последних дней. Заботливые сотрудники сопровождения накинули на меня чью-то куртку, хотя я совершенно и не мерз.

И вот на базе-то я, наконец, наелся как следует, напил-ся и, заодно, посетил все сопутствующие заведения. Таким образом, я подготовился к предстоящей спячке, и, наконец, нырнул в мягкую, белоснежную, уютную постель, предварительно отключив коммуникатор и заперев дверь. Засыпал я с блаженным кошачьим урчанием.

9. Совет

Фарч вынырнул из небытия. Все тело заполонила нестерпимая, безмерная боль. Она пульсировала, жгла, дробила, дергала и выплясывала на костях безумный танец древних предков – сознание плыло, гасло, выныривало, затем, наконец, не выдержало и ухнуло обратно – в жгучую, безводную бездну.

Через какое-то время лаугх снова пришел в себя: с ним что-то делали, уговаривали, обнадеживали – слова утекали в сухой песок, не касаясь сознания. Разум бесновался: сначала хотелось пить, потом неистово чесаться, а потом боль снова начала свою бешеную пляску, и Фарчу хотелось умереть. Нестерпимо и остро – мочи терпеть не было, силы покинули его еще там, в подземельях. Он должен был возглавить отряд – это единственное, что он помнил. Что там было, чем все закончилось? Память безмолвствовала.

Он раз за разом ощущал себя на родном айвахе, пристально вглядывающимся в близрастущие ветви, исследуя каждую пядь коры. Он жаждал видеть херха, опознать, убить – но херх уже дал потомство, тугие змеи набрасывались со всех сторон. Тело не слушалось, медлительность раз за разом вяло перетекала в неподвижность – твари впивались в его руки, ноги, спину, шею... впрыскивали токсин и обвивали смерто-

носными жгутами – кости выскакивали из суставов, дробились с сухим треском, а сознание все не меркло.

– ...В наших мирах скрыта мощная сила, которая доступна не всем – противоречащая общепризнанным законам...

Сила...

Сила... Абвир не кажется сильным, он кажется скучающим – его нужно убить. Прыжок...

Боль – ничто. Главное – их айвах снова расцвел... Нужно только найти и убить херха. Паразит силен и коварен, как Хамоэ...

Сила...

Дверь палаты отворилась, и в проеме показалась голова Севи. Абвир заворочался, пытаясь подняться.

– Лежи! – приказала Мать, и боец снова затих. Кверкеса вошла, притворив дверь, и подошла к регенерационной капсуле Фарча, всмотрелась в его застывшее лицо, затем посмотрела на экран монитора, пристально изучая важные нюансы в диаграммах графиков.

– Как он? – спросила она, не отрываясь от просмотра данных.

– Плохо... Бредит. Все ловит своих херхов. УсСевиона, он выживет? Будет ходить?

– Выживет, – кивнула врач. – И ходить будет. Да только корабль ему больше не дадут. Сам знаешь, перегрузки.

– Всю жизнь за кем-то гонялся, да так и не поймал... – боец апатично рассматривал потолок. – И мы так же...

– Порой путь к цели важнее самой цели. Я выражаю удивление – тебя стала беспокоить забота о капитане и тщета собственных стремлений?

– Выражаю смех, – буркнул боец. – О чем тут еще думать?

– Например, о совете – он начнется через полчаса.

– Тебя там раскатают, как Фарча на той горе.

– Это не твоя забота. Поправляйся, мне пора.

– Освети, Кверк, твой путь. Прощай, Мать.

* * *

Совет назначили на вечер следующего дня, и высокие ответственные лица надеялись на мое присутствие – о чем меня и известили в официальном приглашении, пришедшем на коммуникатор. Я соизволил продрать глаза и выйти к столовой в районе полудня. У пульта раздачи мне встретилась Сюин – бывшая однокурсница, – я едва не потерял голову, когда увидел миниатюрную фигурку нашей поднебесной валькирии – именно так ее все тогда и называли. Ох, что мы с ней вытворяли в вирте, напившись каждый на своем конце галактики... Да, было дело. Вдоволь наахавшись и наобнимавшись, мы, наконец, приступили к долгожданному празднику чревоугодия. Сюин, кстати, мои инсинуации совершенно не касались: во-первых, этот прием пищи легко мог быть у нее ужином, во-вторых, чревоугодием она не наслаждалась, а тяготилась. За столом она, в основном, щебетала – вместо

того, чтоб молча поглощать заказанное. Первым делом Сюин поведала, что я теперь межгалактический герой всея космоса, и она мной в кои-то веки гордится. А еще, что на Краптис летит эскадра дипломатов и ученых всех сортов. Ну, естественно...

– В дальний путь, – фыркнул я. – Им там понравится...

– Почему это «им»? – лукаво вздернула бровки Сюин. – Меня вызвали именно для этого рейда, я тоже лечу.

Я распахнул глаза и открыл было рот, но она быстро добавила, убив меня наповал:

– И ты тоже летишь. УсСевиона отзывалась о тебе наилучшим образом.

Я захлопнул рот, и стиснул челюсти, переваривая информацию. Это что, такая кверкская форма мести? Аппетит пропал напрочь. Видно, Сюин что-то угглядела в моих потухших глазах, и с жаром схватила меня за руку:

– Крис! Это экспедиция колоссального значения – ну неужели ты не горд тем, что будешь работать со светилами межгалактической науки!?

Я саркастически искривил губы, глядя на то, как польхают лучезарным счастьем ее глаза.

– Эти светила даже не представляют, что их там ждет. Я не полечу! Да и тебе не советую – легкие у меня до сих пор болят...

Она гневно отдернула ладонь, и вскочила:

– А я полечу! И, если надо, возглавлю подземную экспе-

дицию! О ней напишут в учебниках: сквозь мрак подземелий, под гнетом самой природы шли они к своей цели, стремясь... м-мм... стремясь...

– Дойти живыми. Угу, Фарч тоже думал, что он всех нас возглавит... Поднебесная моя – твоя кожа там обвиснет, а осанка станет согбенной. Гордиться ты будешь тем, что на четырех костях сможешь проползти два метра самостоятельно. На лице выступят корявые сизые жилы, а в глазах полопаются...

– Я зря надеялась, навигатор Ристов, – надменно перебила она меня, вставая в позу Наполеона, – что за эти годы ты хоть как-то поумнеешь.

– Зря, – с покаянным смехом перебил я, ловя ее отдергиваемую ладонь. Ее горделивая надменность выглядела так потешно, что я решил разрядить обстановку. – Не сердись. Ты действительно не представляешь, куда собираешься сунуться. Ну – собираешься, и молодец. Садись, давай поболтаем... видела кого-нибудь из наших?

Она растерянно опустила на упругий топчан, не растеряв своего боевого обаяния. Нахмуренный, сосредоточенный взгляд лишь добавлял ей привлекательности. У меня сердце обливалось кровью, когда я представлял ее лицо в краптисовском аду. Романтичная дурочка, пылкая и бесстрашная... и ведь ее действительно возьмут: квалификация Сюин куда серьезнее моей. Вот попала в историю...

Мы поболтали еще немного, повспоминали былые фиаско

и победы – и она снова начала улыбаться и шутить. Но растерянность все равно таилась в уголках глаз – видимо, моя сермяжная правда хоть как-то опустила ее на землю.

– Ты мне расскажешь, что там было на самом деле? – заглянула она мне в глаза на прощанье.

– После совета, – подмигнул я. – Но тебе это не понравится.

– Это мы еще посмотрим, Ристов...

Она чмокнула меня в щеку, и упорхнула. А я побрел приводить в порядок и свою помятую, заспанную физиономию, и давно забытый парадный мундир. Наверняка на совете будут присутствовать большие шишки, и навигатор «Цветущего» не должен ударить в грязь лицом.

Фарч, я думаю, оценил бы мои хлопоты по достоинству.

Общегалактический совет открылся с большим апломбом. Целую тучу корреспондентов на него не пустили, пообещав устроить по его окончанию пресс-конференцию. Усаживаясь на свое место, я наблюдал, как рассаживались по местам представители лиги спасателей, (и ее особого департамента: лиги экспансии и развития), исторической межгалактической академии, представителей оборонного ведомства, прочих неопознанных персон и – в подавляющем большинстве – межгалактического ученого совета. Ошарашено переводя взгляд с одного высочайшего советника на другого, я стушевался как мальчишка: живьем я ни разу не видел ни

одного из присутствующих, разве что руководителя нашей лиги – человека, между прочим! Правда, видел я его лишь с задних рядов общих торжественных собраний...

Председателем совета выбрали главу Матерей смотрящих – кверкессу ИсСкалсу. Она была низкого роста, стара и медлительна, но о ее интеллекте ходили легенды. Почти все смотрели на нее с благоговением.

– Основываясь на докладе пресветлой УсСевионы, Матери смотрящих за кланом Фархов, и по совместительству врача на межзвездном корабле «Цветущий», – неспешно начала ИсСкалса, – у меня сложилась неполная картина произошедшего. Будем надеяться, что совет внесет в нее ясность. На совете присутствует и еще один участник спасательной экспедиции, – она взгляделась в поднесенный к глазам лист бумаги, – навигатор Крис Ристов, человек.

Я покраснел, и поднялся с места. И даже дождался жиденьких аплодисментов. Неловко поклонившись, я опустился на свое место.

– Итак, – продолжала председатель, откладывая в сторону бумагу. – Ристовым, навигатором «Цветущего», был обнаружен аварийный маяк расы лаугх. Экипаж в количестве восьми особей отправился к планете Краптис, кверкский протекторат. На подлете экипажем был встречен и обследован разрушенный лаугхский корабль клана... – она опять поднесла листок к глазам. – ...Хамоэ. Их корабль был укомплектован оборудованием для полноценной колонизации...

По залу пронесся возбужденный вздох, и последнюю часть фразы я не расслышал. Председатель кивнула, и снова заглянула в свои записи.

– Мать смотрящих клана Хамоэ, пресветлая УсСтиссара, объясни совету, что у вас произошло, о чем следует знать совету.

Мать смотрящих поднялась с места в полной тишине. Перед тем, как ответить, она обвела собравшихся спокойным взглядом:

– Я выражаю смирение, Мать. Пять лет назад я взяла одного из новых смотрящих, Кланта. На него не было никаких нареканий, это ответственный и исполнительный сотрудник. Два года назад он вызвался возглавить поисковую экспедицию в дальние сектора космоса. Всем кланом мы взрастили новый корабль и закупили оборудование. Восемь месяцев назад корабль стартовал, и до вчерашнего дня я о нем не слышала. Я выражаю скорбь – корабль разбился в открытом космосе в результате попадания метеорита. Про Краптис, и межпространственные врата я услышала только вчера вечером. А также про всю подноготную преступных помыслов Кланта. Он объявлен в межгалактический розыск.

Я невольно хмыкнул. Бойкий парень, нечего сказать... обвел вокруг пальца свою Мамочку... Увел бы он через врата свою ватагу – куда-нибудь за пару тысяч парсеков, и был бы на новой планете местным божком...

– Почему о старте корабля не была проинформирована

лига экспансии?

Мать смотрящих Хамоэ молчала.

– УсСтиссара, ты не справились со своими обязанностями, – объявила председатель. – Ты лишаешься статуса «Матери смотрящих» и звания пресветлой, покинь зал совета. О твоей дальнейшей судьбе мы подумаем на нашем следующем заседании старейшин.

В полной тишине кверкесса отодвинула стул, и направилась к выходу. Лицо ее, естественно ничего не выражало. Зато лица окружающих (кроме кверков) в большинстве своем выражали изумление. Видно, нечасто Матерей лишали всех привилегий, да еще и прилюдно.

– Продолжаем заседание, – как ни в чем не бывало, продолжала ИсСкалса. – Встань, пресветлая УсСевиона.

Севи поднялась. Я напрягся – начиналось самое интересное.

– Кто определял количество спасателей и состав десантируемой на поверхность группы?

– Капитан Фарч.

Мои губы искривила саркастическая ухмылка. Ну да, конечно...

– Вы хотите оспорить это утверждение, навигатор Ристов? – вопрос прозвучал форменной оплеухой, я тут же подавился своей ухмылкой, покраснел как рак и подскочил, тараща глаза почему зря. Во дает, старушка! Как это она углядела мой скепсис? У нее какой-то хитрый экран там, что ли?!

Или она настолько глазастая?

– Прошу прощения за свои эмоции, председатель, – собравшись с духом, выпалил я. – Решение действительно принимал капитан, но под сильным давлением.

– Кто оказывал давление на капитана?

– Да весь экипаж. Причем, Севи... Севиона... простите, пресветлая УсСевиона – в наименьшей степени.

Мне приходилось говорить правду. Черт их знает, этих высоких советников – вдруг у них тут и детектор лжи в подлокотники встроен...

– Благодарю вас, навигатор. Можете сесть. Продолжай, пресветлая УсСевиона.

Я плюхнулся на стул, ошалело утирая испарину рукавом. Во черт, тут следует следить за своим лицом. Совет... Какой это совет? По мне – так это судилище, а не совет. Устроили тут... разбор полета...

Севи тем временем отвечала на вопросы.

– Я выражаю скорбь, но оборудование «Цветущего» не имело должной экипировки для работы в настолько экстремальных условиях. Я только в пещерах поняла, что для навигатора и капитана нужно было сконструировать персональные экзоскелеты, кроме того нам очень не хватало еще одного киборга. К тому же, мы остались без связи с кораблем и практически без противоперегрузочного «коктейля»...

– Достаточно. В результате вверенной тебе миссии погибли биолог и случайный житель планеты, и по предваритель-

ным данным, достаточно важная для нас особь. Часть группы была травмирована и тоже едва не погибла. УсСевиона, ты не справились со своими обязанностями, и лишаешься статуса «Матери смотрящих» и звания пресветлой. Покинь зал совета.

На сей раз кверкесса покидала зал под изумленный гул присутствующих. Я в полном ступоре смотрел, как Севи идет к дверям. Она, конечно, виновата, но не на столько. Это все тройное притяжение и безмозглый боец! Во, черт, влипла старушка...

– Тишина в зале. Продолжаем заседание. Навигатор Ристов, вы назначаетесь координатором экспедиции. Миссия ученого совета отправится на Краптис под вашим руководством.

Я поднялся на ватных, снова отказывающих мне ногах. Кровь бухала в висках, земля уходила из-под ног – что тут творится?.. Я словно снова попал в эти чертовы катакомбы!!! Какой из меня координатор, она что – сдурела?!

– Вы удостоились высшей оценки УсСевионы, – продолжала ИсСкалса. – Неоднократно проявляли терпение и мудрость. Именно вы первым обнаружили наскальные символы, внесли неоспоримый вклад в процесс общения с аборигенами, первым ощутили живой воздух пещер и спустились по опасному спуску, сумели включить портал перехода и всячески оберегали группу от необдуманных действий...

М-да. Видимо, то, что за одно из этих действий я получил

от нее по морде, кверкесса умолчала. Тем не менее, я почувствовал, как у меня начинают гореть уши. Севи... Севи, зараза, что ж ты со мной делаешь...

У меня опять появилась знакомая одышка – проклятье! Я глубоко вздохнул, и окинул присутствующих полуобморочным, мутным взглядом. Все разглядывали меня с неподдельным интересом.

– Это большая честь, – выдавил я, еле справляясь со своим дыханием. – Но... сожалею, я вынужден отказаться.

– Объяснитесь, координатор.

Воздух в легких опять закончился, я жадно засопел носом.

– Прошу меня простить, я еще не отошел от предыдущей миссии... м-мне еще трудно дышать...

Пока я это говорил, дыхание как-то выровнялось, и я вздохнул почти свободно. Все ждали продолжения и я, изредко сопя как помпа, собрался с мыслями.

– Уважаемый председатель, уважаемые члены совета... – я запнулся. – Дело в том, что координатором на Краптис должен быть назначен... во-первых – энергетик. Я до сих пор не представляю, как нас там всех не убило током – в подземельях проходят линии колоссального напряжения без всякой изоляции и почти над самой головой. Во-вторых – психологист, или медиум. То, что я сумел успокоить полуразумное испуганное существо – недостаточно для полноценного общения. И в-третьих – геолог, а еще лучше – спелео-

лог. Во всех трех отраслях мои познания... оставляют желать лучшего...

– Прекрасно, координатор. Вы подтверждаете оценку Ус-Севионы в полной мере, поздравляю вас. Вы получите кадры любой квалификации, а также все необходимое оборудование. Пока присядьте...

– Подождите!!! – взмолился я. – Если я снова войду в эти пещеры, от моих легких останутся лохмотья!

– Мы обсудим и этот вопрос. Во время полета вам будет назначен курс реабилитации. Без санкции врачей никто на планету не отправится, не беспокойтесь.

Я опять плюхнулся на стул. Прекрасно, черт бы их побрал, просто застрелись! За меня уже все решили! Что за бред тут творится!?

– Я прошу снисхождения у высокого совета, – продолжила председатель, – но прежде всего мне нужно было определиться со статусом смотрящих, это наше внутреннее дело. С этим покончено, и мы переходим к общим вопросам. Самый первый из них – статус Краптиса. Глава исторической академии направил нам соответствующий меморандум. Уважаемый профессор Архадастерриохурриост, просветите совет. Вкратце, если возможно.

Я восхищенно цокнул языком. Интересно, сколько она тренировалась выговаривать его имя?

– Благодарю вас, председатель. – главой оказался уларк, тоже пожилой и степенный. Однако бас его звучал так же

раскатисто, как и у нашего старпома. – Итак, если вкратце, то планета не только открыта, но и используется расой ангари и по сей день. Мы изучили найденные в пещерах символы и подтверждаем это. А посему, она должна выйти из-под юрисдикции расы кверков.

– Смею заметить, что почти все планеты нашей галактики открыты ангари и многие из них использовались ими в самом широком спектре.

– Нет, уважаемый председатель!!! – рык уларка двукратно усилился, и у меня немного заложило уши, так как я сидел неподалеку от этого иерихонского глашатая. – Вы прошляпили свой шанс! Если бы вы как следует исследовали планету, открыли врата, и предъявили их ученому совету – у академии не возникло бы никаких возражений!

– Потихше, прошу вас... Но ведь так и произошло в конечном счете... разве нет?

– Нет! – трагично взвыл профессор, – открыл врата кверк, это мы признаем, но как он собрался их использовать? Преступным путем! – он обвиняюще направил лапищу в сторону председательствующей кверкессы. – совету неизвестно, сколько еще смотрящих было посвящено в их преступный замысел! Раса кверков дискредитировала себя, и мы требуем снятия вашего протектората с Краптиса!

Казалось, его тоже мучила одышка. Так возбудиться от пары реплик – это доступно лишь уларкам. Глава академии едва держал себя в руках. Но, похоже, председатель привыкла

к раскатистым пикировкам профессора – все обвинения она спокойно пропустила мимо ушей.

– И под чью юрисдикцию вы хотите передать данную планету? Протекторат ангари?

– Абсурд! На Краптисе присутствует разумная жизнь, – почему бы не отдать планету аборигенам?! – оратор выразительно оглядел собравшихся. – Осмелюсь напомнить совету, что межпространственные врата – мощнейшая доминанта, оставленная нам нашими великими предшественниками – и контроль за их использованием захотят получить все расы! Предлагаю разместить на орбите планеты межгалактический контингент, а сам Краптис объявить особой зоной с ограниченным доступом.

– Благодарю вас, профессор. Ваше предложение понятно, и в таком виде выставляется на голосование.

Предложение уларка совет воспринял с воодушевлением, и проголосовал «за» почти в полном составе. Кверков тут присутствовало едва ли одна треть от общего числа собравшихся, но даже среди них нашлись те, кто разделял точку зрения профессора. Конфронтации никто не желал, и присутствующие пресекли возможность ее возникновения вполне единодушно.

– Далее, нам следует решить вопрос связи, – председатель поискала кого-то глазами, – доктор Мессануг, вы внесете ясность в прискорбный инцидент, имевший место на орбите Краптиса?

– Охотно, – находящийся недалеко от меня, незнакомый десмиец чуть приподнялся. Мужские особи головоногов были гораздо темнее своих самок, а этот вообще отливал иссине-черным. – Я хочу представить совету, а также нашему координатору его нового ксенобиолога. Прошу любить и жаловать – доктор Квисс к вашим услугам.

– Приветствую высоких членов общегалактического совета, – услышали мы мысленный голос. Все завертели головами, а у меня, кроме всего прочего, испортилось настроение – голос этот отдаленно походил на голос старины Гасса, и очень живо его напомнил.

– Не стоит искать меня в здании, и вообще на Каохе. Я нахожусь на орбите.

Гром аплодисментов был ему ответом. Я уныло смотрел, как высокие персоны изволят радоваться и восхищаться тем, отчего у меня на душе заскребли кошки.

– Примите мои соболезнования, командующий. – раздалось опять у меня в голове, и я настороженно начал вглядываться в окружающие меня лица. Нет, радость их не померкла – видимо, орбитальный телепат решил пообщаться со мной тет-а-тет.

– Координатор. Меня назначили координатором, хотя я и от этого не в восторге.

– Это неважно. Опыт такого рода, как у вас, имеет определяющий вес у наших сотрудников – для них именно вы будете командующим. Вы лучше знаете, как исключить те или

иные трагедии. А что касается жертвы Гасса – смею вас заверить: я абсолютно разделяю и вашу потерю, и ваше негодование. Обещаю вам, что мы доберемся до истинных причин трагедии и предотвратим их повторение.

– Спасибо, – подумал я вполне искренне. Новый биолог мне чем-то даже понравился.

– Итак, – продолжал тем временем дессмиец, – как вы убедились, нашим телепатам вполне по силам докричаться до нас и с орбиты, и я ума не приложу, что помешало наладить такое же сообщение и на Краптисе. Изготовить ментальный усилитель способен любой дессмийский ребенок, а Цейсу, входящую в экипаж «Цветущего», я всегда готов рекомендовать с самой лучшей стороны – я знаю ее как высококвалифицированного профессионала.

– Благодарю вас, доктор, – кивнула пресветлая ИсСкалса. – Решение этого вопроса совет откладывает до появления новых фактов по этому делу. Необходимо разобраться в инциденте до того, как исследовательская группа приступит к экспедиции – без связи в пещеры не спускаться! Вам понятно, координатор?

Я заверил совет, что мне все абсолютно понятно, и далее председатель к моему ужасу завела шарманку про эльфов, гномов и прочий наш фэнтезийный фольклор. Я покраснел как светило Краптиса – мне было очень, очень стыдно – и за себя, и за Севи, и за пресветлую кверкессу. Ну сколько можно толочь ерунду в ступе – так нет, господа из исторического

общества устроили дискуссию аж на полчаса: о мифологии и реальности, а также влиянии одного на другое. Вот кто дернул меня тогда за язык? Я готов был провалиться сквозь землю, настолько меня эта дискуссия корежила. К счастью, пресветлые историки посчитали совпадения скорей случайными, нежели заранее глубокомысленно рассчитанными – ну, спасибо и на этом. Слава-те Господи, еще не все тут обезумели...

Далее выступали те, кого я жаждал затащить в команды – спелеологи, геологи, энергетики, лингвисты, ксенологи, ангарологи и прочие специалисты всех мастей. Кто хвалил наши действия, кто – бранил, кто – просвещал... я же начал уже позевывать и поглядывать на часы. Ничего мне, похоже, рассказать Сюин о Краптисе не удастся – уже было далеко за полночь, а расходиться совет не собирался. Председатель объявила перерыв, после чего продолжали выступать все новые ораторы – нечего сказать, подготавливались они к экспедиции всесторонне и с поистине каохским размахом... оказывается, одна большая группа будет заниматься природой межпространственных врат, а другая собиралась нагрнуть в глубокие подземелья, и заодно изучить подземный город. Бедные вурвы, мне их заранее стало жаль.

Под конец заседания я узнал про мрачный эпизод, который совершенно меня добил: пришел отчет связистов. Связь на таких расстояниях работала с огромной задержкой, и «Цветущий» предупредить они не успели – к моменту до-

шедшего сигнала, корабля на орбите Краптиса уже не было. Экипаж отправил на Каох последний рапорт, и сел на планету – стало быть, до сих пор там и пребывает. После этой новости у меня напрочь пропало желание участвовать в каких бы то ни было пустопорожних дискуссиях – Цейса, конечно, опростоволосилась знатно, но я представлял ее на Краптисе, и ком подкатывал к горлу. Их ведь там запросто могло сдуть с опор, молниями пожечь жизнеобеспечивающую систему или тупо завалить песком – по самый щит. Сидят они там при трехкратной перегрузке – слепые и глухие, и все ждут, когда к ним хоть кто-то выйдет наружу...

Гадостно мне было до невозможности. Оставалась надежда, что они покинут планету, не дожидаясь фатальных последствий. Вот идиот, координатор липовый! Надо было хоть Малыша к ним отправить...

Чем совет закончился – я не уследил, так как думал совершенно о других вещах и судьбах.

10. Усилитель

До Краптиса мы летели полтора месяца. Кверкские корабли не чета лаугхским: и скорость, и комфорт – все превышало показатели «Цветущего» в разы, а что-то даже и на порядок. Например, количество народа на борту.

Меня определили на «Рассвет» – флагман эскадры. Эскадра насчитывала восемь кораблей, и добрую половину составляли грузовые танкеры – они, разумеется, сильно от нас отстали, но по их прибытии у общегалактического контингента дипломатов и техников будет все необходимое для жизни и комфорта. К слову, в один танкер мы умудрились засунуть пару стационарных генераторов антигравитации. На сей раз лига экспансии собиралась заняться планетой всерьез.

С Сюин мы могли видаться только в вирте – она была навигатором на другом корабле. Матрица одноклассницы была у меня и на «Цветущем», так что изменились лишь темы наших разговоров. Зато изменились они кардинально – пыле, само собой, никуда не делся, но, в деталях узнав всевозможные подробности нашего рейда, относиться к спуску на планету она стала очень серьезно.

Первой моей директивой на борту, отданной с изрядной толикой яда, стало повышение силы тяжести на всех кораб-

лях, даже на грузовых. Народом это было встречено безропотно и с полным пониманием момента. Байки о наших похождениях разрослись в легенды, и мне там отводилась не последняя роль. Это слабо тешило мое самолюбие, а довольно скоро стало уже и раздражать. Я как-то поймал себя на мысли, что на Краптис я летел, имея мышление Сюин – а через портал проходил уже с мышлением Абвира, а то и самого Фарча, в его нынешнем состоянии. Слава меня совершенно не грела – после этого рокового рейда что-то в моем сознании сдвинулось основательно и бесповоротно. Казалось, за те полтора дня я постарел на целую жизнь. Плюс сейчас на меня водрузили воистину краптисовский груз ответственности за успех миссии и отсутствие новых жертв. Я замкнулся, практически не улыбался и общался только по существу – сухо и немногословно. Разжевывать нюансы планетарной обстановки мне казалось излишним: как только они сунутся в пещеры – сами все поймут, и очень быстро. Сознание будто раздвоилось: одна моя половина видеть этот Краптис не могла и мечтала свалить с этой должности, и с флагмана, да хоть в открытый космос. Вторая – принимала всю ответственность за миссию и понимала, что спускаться на планету еще придется, и не раз. Та же раздвоенность царила и в отношениях с Сюин, хотя в этом я еще и сам до конца не разобрался. Да, по сути, все то же самое: тот же айвах, только сбоку.

Корабль я на сей раз не пилотировал – куда там... Мой

день был расписан по минутам и напоминал укомплектованную обойму – консультации, мозговые штурмы, распределение кадров и их зон ответственности, заседания и стратегические разработки. Причем, я не столько учил, сколько сам учился у многомудрых мужей всему, чему только возможно. И с каждым новым знанием находилась очередная альтернатива, облегчающая жизнь тем, кто собирался работать на Краптисе долгие месяцы. Я там работать не собирался ни одной минуты, и все думал, как бы увильнуть от спуска в этот, персональный мой, ад. Мне становилось дурно от одной мысли, что я снова окажусь в этих сволочных, крысиных норах. Во мне вызрела самая настоящая фобия к одной, конкретно взятой планете – и я ничего не мог с собой поделать. Да, собственно, и не собирался.

«Цветущий» с Краптиса так и не поднялся – бог весть, что там у них произошло. Но о Цейсе, Плухе и Грезоте я думал непрерывно – это накладывало роковую печать и на мое скудное красноречие, и вообще на мой фокус внимания. Навязчивые, сумбурные предположения в постоянно гудящей голове о возможных причинах задержки старта совершенно лишали ясности сознания и ввергали в глубочайшую депрессию. Если бы я потреблял спиртное, я бы спился.

Вот в таком погребальном настроении я и прибыл на орбиту ненавистного гиганта. У корабля Хамоэ мы высадили следственную группу, похоронную команду и представителей родственников погибших. После того, как они все за-

кончили, со мной связалась пресветлая АсСхана, новая Мать смотрящих за кланом Хамоэ. Мы неоднократно общались с ней по разным вопросам во время полета, и мне показалось, что ее звонок – очередная формальность: я являлся ближайшим высоким начальством в радиусе действия связи их корабля. Хана вкратце обрисовала ситуацию, и поинтересовалась моим мнением на этот счет, ибо я ей еще его не высказывал. Очередной вакуумный барабашка дернул меня за язык: я посочувствовал и ей, и ее сокланам, и понадеялся, что таких эксцессов более не повториться. Она помолчала некоторое время, потом сухо поинтересовалась – не решил ли я пошутить таким бестактным образом.

– Нет, – ответил я. – Не в малейшей степени. Просто этот метеорит навевает мне мрачные предположения.

Она, похоже, опять лишилась дара речи – очередная долгая пауза предшествовала ее словам. Или в этом следует винить скорость сигнала? Впрочем, не принципиально...

– Объяснитесь, координатор. У вас есть сомнения в случайности произошедшего?

Лицо Севи, как живое, встало перед глазами. В тот раз я его не видел, но представлял вполне отчетливо. Полностью погрузившись в свои воспоминания, я эхом продублировал свою давнюю реплику:

– У меня есть версия, но она настолько глупая, что ее лучше и не высказывать...

– Любая версия имеет право на существование, – эхом

послышалось в ответ, и я почувствовал, что схожу с ума от убийственного, продирающего позвоночник, déjà vu. Знакомый комок вспух под кадыком, в глазах потемнело. Я стиснул зубы, и взял себя в руки – не стоит забывать, что я разговариваю с кверкессой. Каждая из них способна лишить рассудка своим речевым автоматизмом.

– В подземелье Краптиса есть гора, – медленно проговорил я, судорожно гоня очередные яркие вспышки видений. – Как вы думаете, Хана – чем она заканчивается?

– Коридором, насколько я помню отчеты.

– Она заканчивается вратами. С горы до портала идет плавная дуга, нигде не прерываемая, и – да, она проходит по небольшому коридору, хотя это к делу не относится. Если пустить с горы метровый булыжник, направив его в нужную сторону, он воткнется во врата с нешуточной скоростью. А из других врат, соответственно, вылетит.

Я предпочел закончить свою очередную бредовую версию, пусть сама додумывает остальное. На этот раз Мать молчала около минуты. Нет, это все же не задержка связи – я теперь сам умею своими репликами сводить с ума окружающих.

– Невозможно...

– Невозможно, – кивнул я, снова скривившись, как от зубной боли. – Сказки... Но безумием пропитан и весь наш прошлый рейд, от первой до последней минуты. Я уже привык, и вам советую привыкать побыстрее. Хана, я прошу прощения

– мне нездоровится. Вы не против, если мы обсудим дальнейшие бредовые вероятности в другой раз?

– Конечно, координатор – благодарю, что уделили мне время.

Я еще раз скривился. Меня благоговейно благодарят... кверки. Такими темпами я скоро стану председателем межгалактического совета. Правда, не пресветлым, а вконец обезумевшим. Я запоздало понял, что не легкие мне нужно было восстанавливать, а мозг. Вот он пострадал у меня более всего, просто это становится ясно только теперь. Меня опять ожгло воспоминание, когда главной своей целью в подземельях я посчитал дойти до врат в здравом рассудке. Видимо, в этом-то я и не преуспел.

Консоль ожила. На экране возникло изображение доктора Мессануга. Дессмиец тоже летел с нами – он был избран главой разведчиков.

– Вы не заняты, координатор? Хотелось бы уточнить состав первой разведгруппы. Вы к нам присоединитесь?

– Вы собираетесь высаживаться на поверхность? – изумился я.

– О, нет! Избавьте меня от такой чести... – доктор протестующе всплеснул щупальцами. – Мы ждем вас в кают-компании. Группа будет координироваться отсюда, с корабля. Заодно и связь проверим – доктор Квисс будет осуществлять ее с орбиты.

– Превосходно, – буркнул я. – Сейчас подойду.

– Минут через пятнадцать, если вас не затруднит.

– Хорошо.

Я постарался справиться с охватившим меня возбуждением. Или нет – возбуждение имеет положительную эмоциональную окраску, – меня же затрясло, скорее, лихорадочное беспокойство с изрядной долей отчаяния. Я так долго мечтал узнать о том, что произошло с моими товарищами, что не находил себе места – но, вместе с тем, я боялся этого знания до потери пульса. Чей-то подвиг, как известно – всегда чья-то халатность, и я давал голову на отсечение: эта халатность – или преступный умысел, почему нет? – выяснится в результате следственных действий. Речь шла о моем экипаже, и это протестным малодушием сковывало всю мою информационную жажду. Господи, до чего проклятуший, убогий мир – сколько еще потрясений и смертей мне тут предстоит перенести? Меня заранее мутило.

Через пятнадцать минут я входил в кают-компанию. Яркий оранжевый вихрь взвился с кресла, подлетел ко мне и с визгом повис на шее. Настроение у меня окончательно испоганилось. М-да, следовало ожидать. Я, тоже приобняв, хлопал соотечественницу по плечу.

– Навигатор Лианг, потрудитесь занять свое место, – криво улыбнулся я.

– Фу ты какой! – отпрянула от меня Сюин, щеки ее медленно заливал яркий румянец. Я бы даже сказал – гневный румянец.

Она, обидевшись, плюхнулась на место и «на всю жизнь» отвела от меня взгляд. Я тоже прошел к своему креслу. Эта чертовка хоть как-то меня ободрила, но благодарность явно вызовет у нее нескромность. Я лучше поблагодарю, когда ей будет плохо. Это гораздо конструктивней, по себе знаю.

Дессмиец при встречах очень редко меня касался, и в этот раз он тоже не собирался этого делать. То ли он так заглушил собственные инстинкты, то ли Квисс автоматом транслировал ему картинку. За столом, помимо Сюин и двух докторов – Мессануга и Квисса, пребывали еще несколько существ. Я их не знал.

Дессмиец представил нас друг другу, и объявил состав группы. Два кверка, уларк и Сюин. И еще с десятков киборгов, усовершенствованных специально для Краптиса. Я тяжело взглянул на хрупкую, изящную Сюин – и ничего не сказал. Прозрение должно прийти к ней само. Я в этом принимать участия не собирался.

Мы обговорили детали, я обратил внимание на пару моментов, включая вынужденную диету, и участники группы ушли готовиться к спуску. Цвет лица Сюин при этом напоминал томат. Видимо, я потихоньку превращался для подчиненных в циничную скотину, и это снова навевало определенные ассоциации.

– Прекрасный образчик человеческой расы! – сообщил мне доктор Квисс. – Вы зря казните себя, командующий, – она со всем справится и еще утрет вам нос. У нее большой

запал и еще больший запас прочности.

– Вы полагаете? – я направил на «мокрого» хмурый взгляд. Его облик меня совершенно не раздражал, и он это чувствовал. – И насколько ей хватит этого запала?

– Она не превратится в обозленную и разочарованную брюзгу, если вы об этом. Я присмотрю за ней.

Я опустил глаза. Нет смысла благодарить того, кто твою благодарность и так ощущает в полном спектре. Я посмотрел на Мессануга – он, похоже, тоже все слышал.

– Доктор Мессануг, – обратился я к нему. – У меня к вам просьба.

– Все, что в моих силах, координатор.

– Вы можете провести операцию без меня? Я...

– Я прекрасно понимаю ваше состояние, координатор Крис. Меня тоже охватывает скорбь, когда я думаю о своей соотечественнице Цейсе.

Я поджал губы, силясь сохранить бесстрастность на лице.

– Благодарю вас, доктор. И вас, – я поглядел на биолога. – Честно говоря, я не представляю, что бы я без вас делал...

Они заверили меня, что сами со всем разберутся, и отпустили восвояси. Я зашел к Сюин, чувствуя, что надо ей что-то сказать перед высадкой, но она не пустила меня на порог. Чего и следовало ожидать... Я чертыхнулся, и побрел к себе. Будем надеяться, что с планеты она вернется немного другим человеком. Я и сам хандрю, и других расстраиваю – чем меньше я буду маячить на корабле, тем лучше. А Сюин – от-

ходчивая, помиримся.

Через шесть часов корвет разведчиков отправился на планету. Я мерил каюту бесконечными шагами, курсируя из угла в угол в течение нескольких часов. Тягостное ожидание томило меня неизвестностью, как жаркое в горшочке. Через пару часов я вконец спекся, заболела голова. Но я так же монотонно заставлял себя переставлять ноги, суеверно боясь выйти из каюты. В гудящей голове царили воспоминания, страхи и вина. Если бы я озаботился первым делом наказать лиге связаться с Цветущим – могли бы они успеть?.. Казалось, ненасытная планета жаждала новых смертей, а отправлять партию за партией предстояло мне. Если и в этой группе кто-то еще погибнет, мне пора будет стреляться.

От раздавшегося в голове голоса сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди:

– Командующий, мы закончили. Через полчаса пристыковываемся к вам.

– Как они? – выдохнул я, – все живы?

Меня коснулось изумление доктора. Он, по-моему, даже опешил.

– Разведчики? А что с ними могло произойти?.. Командующий – они перемещались по планете примерно с таким же комфортом, как у себя в каюте. Вам совершенно не о чем беспокоится: оснастка и оборудование наших ребят не идет ни в какое сравнение с тем, что использовали вы. Благодаря, кстати говоря, вашим же рекомендациям! Я как доктор на-

стоятельно советую вам выкинуть из головы все страхи и заняться делом. Ваша депрессия лечится не хождением взад-вперед, а работой.

Квисс исчез у меня из головы, несколько даже обидевшись. М-да, Гассу бы такую уверенность в себе...

Я привел себя в порядок, и через примерно подсчитанное время вышел в кают-компанию. За столом находились доктор Квисс, доктор Мессануг и Сюин. Последняя смотрела на меня без улыбки. Ага, я знал...

Я сел в свободное кресло и закинул ногу на ногу. Похоже, наигранность моей непринужденности поняли все. Что ж, тем лучше.

– Рассказывайте, – вздохнул я.

Они, похоже, безмолвно посоветовались, и Сюин, поднявшись с места, вытянулась как новобранец:

– Проникновение на «Цветущий» произошло, как и было запланировано – в рамках графика и без эксцессов...

Мой взгляд заставил ее умолкнуть.

– Поднебесная моя... мне и так хреново. Можно без официоза?

Поднебесная вздернула брови, в ее голосе зазвенел лед: – Вы мне недавно дали понять, что нельзя, координатор.

Я молчал. Сюин – девочка умная, и казнить меня дольше допустимого не станет. Но я ошибся.

– На корабле царил форменный разгром. Экраны разбиты, оборудование искорежено, техника выведена из строя са-

мым варварским способом...

Видимо, мое лицо превратилось в застывшую маску самого удручающего вида. Сюин смутилась, и отвела глаза. А я своим лицом и не играл – я просто вспомнил Фарча. Это ж его корабль, его еще восстанавливать...

– Похоже, это сделал ваш старпом. Он рвал и крушил все, до чего мог дотянуться... и даже... тела. Экипажа...

Носик ее сморщился, глаза заблестели.

– Ты правильно сделал, – добавила она чужим, вибрирующим голосом, – что не пошел с нами. Он, по-моему, просто обезумел...

В углу ее глаз вспухли слезы. Она подняла лицо к потолку.

Грезот... – свистящим шепотом выдохнул я, и тоже посмотрел на потолочный светильник. – Все-таки, Грезот. Почему я не удивлен...

– Вы знаете причину его безумия? – аккуратно поинтересовался дессмиец, несколько даже удивленно.

Я очень тяжело вздохнул, поставил локти на стол и потер ладонью лоб, ненароком захватив и глаза. Чему тут удивляться...

– Она очевидна, доктор. Видимо, Плух с Цейсой не захотели улетать с планеты, пока к ним кто-нибудь не выйдет, и он расвирепел... Я этого и боялся. Нет, стоп. Я этого как раз ожидал, а боялся другого – что они захотят, но не смогут взлететь. При этом раскладе Грезот ополчился бы только на корабль, а не на экипаж.

Сюин непонимающе взглянула на меня, и я пояснил: – я смотрю глазами Фарча, валькирия. Для лаугхов, и уж особенно для капитана, первую роль всегда играет честь. Он тоже предпочел бы умереть, но не покинуть планету. Он может гордиться своим пилотом, и это для меня огромное облегчение.

Мы помолчали, думая каждый о своем, и все вместе – о драме «Цветущего».

– Корабль можно восстановить, – сообщил мне Квисс. Я благодарно кивнул. Вслед за этим Мессануг чуть приподнял свое тело, и я понял, что это еще не все. Дессмийцы обычно вытягиваются в струнку по весьма серьезным поводам.

– Координатор, вы собираетесь спускаться на планету?

Он попал в точку. Мне нечего было ответить. Видимо, он этого ожидал.

– Послушайте меня, Крис. Мы прекрасно понимаем ваше состояние, но на планету вскоре пойдут группы исследователей и техников. Они тут никогда не были, и именно ваш опыт может уберечь их от беды. Ваш опыт, ум и умение ориентироваться в сложных ситуациях. Я вам хочу кое-что показать.

Он достал и положил в центр стола маленькую коробочку, больше напоминающую пластинку.

– Что это? – нахмурился я.

– Это усилитель мыслепередачи, координатор Крис. Усилитель Гасса. У доктора Квисса есть такая же.

Телепат кивнул. И мысленно, и телесно.

Я протянул дрожащую руку, и взял коробочку в руку. Поднес к глазам, повертел. Видимых повреждений на ней не было.

– Он... исправен?

– Да, – ответил дессмиец.

– А почему же тогда... Не понимаю. Гасс не умел им пользоваться?

– Более чем умел. Он разрезал себе тело, чтоб контакт был абсолютным. Когда его мне принесли, он был весь в крови.

Доктор запнулся и тяжело вздохнул.

– Дело в том, Крис, что кто-то взял совершенно исправный прибор, и провел его сквозь наноизолятор. Знаете такие штуки? Ими изолируют провода или... продукты питания.

Я медленно кивнул, все еще не понимая, как это могло произойти.

– В результате клеммы не фиксировали контакт. Мы, дессмийцы, обычно используем подкожные устройства, и этот из их числа. Гасс все правильно сделал, видимо поняв Цейсу буквально. Но изоляция превратила этот чувствительный прибор в простой кусок пластика. И когда ваш биолог понял, что прибор не работает, он принял решение садиться на планету. Прекрасно понимая, чем ему это грозит. Но он знал, что без его помощи группа не справляется. А кто-то даже погибает. И, сдается мне, что Гасс дорожил своей честью не меньше, чем ваш капитан. Потому что он тоже предпочел умереть, но помочь тем, кто нуждался в его способностях.

И тут меня пронзило. Цейса, велевшая мне подкрепиться перед высадкой; Фарч, возразивший, что ей еще рано в старпомы, и глумливо ухающий Грезот встали перед моими глазами и застыли, прощальным упреком прошлого.

Я стискивал маленькую пластиковую коробочку, а плечи мои тряслись от душивших меня слез. Я услышал, как собеседники покидают кают-компанию. Сюин подняла с пола и поставила на стол Ядро «Цветущего» с видеозаписью последних часов жизни экипажа. И на прощание погладила меня по плечу.

* * *

Ожидание затянулось. Никто так и не вышел к кораблю в оговоренный срок, и экипаж все более нервничал. Цейса безвылазно торчала за своим пультом, Грезот занимал руки изготовлением какой-то этажерки, а Плух дремал в кресле пилота с далеко откинутой спинкой. Часы шли, отчаяние, витавшее в воздухе, крепло и разрасталось. Перед посадкой они запрограммировали корабль так, чтобы можно было стартовать в любой момент, лишь коснувшись определенного сенсора – и сенсор этот сверкал почти под самой рукой лаугха. Они предусмотрели все, кроме одного – что к ним никто не выйдет. С самого начала они собрались ждать до последнего, а вот определить это «последнее» – не решились.

Грезот, который теперь ходил максимально тихо и незаметно, взял свою этажерку и прошел с ней к пульту корабля. Быстро отсоединил кресло Плуха от напольных фиксаторов, отодвинул, развернул и, победно ухмыльнувшись, ткнул в пульт. Гудение генератора антигравитации смолкло.

– Зачем?! – злобно крикнул Плух, бессильно заизвивавшись в кресле. – Включи! Ты что задумал?!

– Заткнись. – Старпом достал из кармана заготовленную пилюлю и вколол ее себе в руку.

Цейса бессильно растеклась перед своим пультом бронзовой, пульсирующей кляксой, накрытой прозрачным колпаком – консоль возвышалась над дессмийкой на добрых полроста, и дотянуться до нее казалось так же нереально, как воспарить к потолку. И экзоскелет не спасал – на нее навалились такие перегрузки, что она практически стекла на пол сквозь его твердые грани. Сознание пока не собиралось ее покидать, поэтому она – вариант за вариантом – перебирала всевозможные способы взаимодействия с кораблем и хитрыми устройствами, способными облегчить ее беспомощное состояние.

Плух все так же лежал в кресле и еле шевелился. Она не могла видеть его лица, но, судя по прерывистому, хриплому дыханию и лихорадочной, дробной частоте сердцебиения – дело обстояло самым безнадежным образом. Она вдруг представила, что тут творилось с биологом... Бедный, глупый, глупый, Гасс – что ты сделал не так?.. И почему они

все не выходят? Завалило? Даже с Малышом? Или они так же раздавлены, распластаны по камням, и не в силах пошевелиться? Погибли? Изолированы? Пойманы? Аналитический ум дессмийки негодовал, пытаясь решать задачи с таким множеством неизвестных.

Насколько дессмийка в ее нынешнем состоянии могла распознать, Грезот тоже сипло хрипел, изнывал и терзался чудовищной для его веса гравитацией – но зато как-то мог передвигаться по кораблю. Вероятно, благодаря вколотому коктейлю. Наверное, тело лучше иметь хоть и тяжелое, зато твердое, нежели наоборот. Да это ее, в конце концов, не сильно интересовало – основные мысли все так же устремлялись под землю, к спасательной группе.

Грезот подковылял к растянувшейся на бугристом полу Цейсе, цокая перед собой своей этажеркой, и ненароком наступил на щупальце дессмийки, вроде как случайно попавшее под ногу. Несколько секунд злорадно ее разглядывал, затем брезгливо шваркнул ногой, отпихивая разметанные перед кухонной дверью щупальца ближе к пульту.

– Кусок слизи... – выцедил он.

Цейса не ответила. Хотя, говорить она могла свободно – ее речь не зависела от дыхания, а формировалась речевым синтезатором, на него тяжесть никак не влияла.

Уларк все не отходил. То ли он упивался ее состоянием, то ли какая-то мысль все не давала ему покоя. Простояв так с минуту, Грезот рывком приопустил этажерку, и протянул

дрожащую руку к гермошлему Цейсы.

– Грезот! – предостерегающе крикнул Плух, бдительно отслеживая каждый жест уларка. Старпом не обратил на его вопль ни малейшего внимания – он все дальше и дальше тянулся к полимерному колпаку кибернетика – а для этого ему приходилось сгибаться все ниже и ниже.

– Не трожь!!! – чуя непоправимое, отчаянно рывкнул Плух. Он будто ожил – и даже приподнялся на локтях, багровея и трясаясь всем телом.

Грезот дотянулся до колпака дессмийки, и попытался своротить его набок. У него это плохо получилось, но колпак тут же запотел изнутри, а рука уларка соскользнула, и он предельно саданулся ребрами о жесткую грань ходунков. То ли ругнувшись, то ли удовлетворенно крякнув, он с трудом выпрямился, подрегулировал свою опору и поковылял к себе в каюту.

– Через час стартуем, – бросил он лаугху, потирая ушибленный бок и отчаянно кривясь – приготовится к старту!

– Пеклова... тварь! – яростно трясаясь, выцедил пилот, глядя на медленно растущую прореху меж колпаком и телом дессмийки.

– Дождись их, пилот, – произнесла она ровным голосом. – Не теряй надежды.

Плух искажился в лице, заизвивался в кресле, и согнувшись, дотянулся до энергетического узла, находившегося подле его сидения на стене. Сорвал крышку – и не рассчитал

усилий: та скovyрнула с петель и с металлическим дребезгом рухнула на пол; сунул руку и, не глядя, нащупал внутреннюю заслонку. Слыша, как Грезот возвращается, он суетливо ускорился, распахнул внутренний лючок и прямо на глазах показавшегося из каюты уларка выдрал целый пук проводов. В щитке что-то бахнуло. Свет погас, в абсолютной темноте раздался яростный рев старпома.

Вторя ему, за иллюминаторами бессильно выл ветер.